
ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

На Кубани страда. Идет большой хлеб. Днем и ночью. Уборка рассчитана по часам и минутам. Сотни механизаторов — за штурвалами степных кораблей, и среди них один из лучших комбайнеров края, Виктор Омельченко из колхоза «Заветы Ленина», Динского района. Большой урожай на Кубани, и немалая заслуга в этом кубанских селекционеров, о работе которых рассказано в очерке «Новый хлеб» (см. стр. 12—14).

Фото А. Награльяна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 29 (2246)

Основан 1 апреля 1923 года

18 ИЮЛЯ 1970

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 июля 1970 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел вопрос о созыве очередного XXIV съезда КПСС.

По этому вопросу на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум ЦК принял соответствующее постановление.

Пленум рассмотрел также вопросы первой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва.

О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНОГО XXIV СЪЕЗДА КПСС

Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 13 июля 1970 года

1. Созвать очередной XXIV съезд КПСС в марте 1971 года.
2. Утвердить следующий порядок дня съезда:
   1) Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС — докладчик Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.
   2) Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии КПСС — докладчик председатель ревизионной комиссии тов. Сизов Г. Ф.
   3) Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы — докладчик Председатель Совета Министров СССР тов. Косыгин А. Н.
   4) Выборы центральных органов партии.
3. Установить следующие нормы представительства на XXIV съезд КПСС: один делегат с решающим голосом от 2.900 членов партии и один делегат с совещательным голосом от 2.900 кандидатов в члены партии.
4. Делегаты на XXIV съезд КПСС избираются согласно Уставу партии закрытым (тайным) голосованием на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик. Выборы делегатов на съезд КПСС от компартий Украины, Белоруссии, Узбекистана и Казахстана производятся на областных партийных конференциях.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях Советской Армии, Военно-Морского Флота, внутренних и пограничных войск, избирают делегатов на XXIV съезд КПСС вместе с соответствующими территориальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах компартий союзных республик.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях частей Советской Армии и Военно-Морского Флота, находящихся за границей, избирают делегатов на XXIV съезд КПСС на партийных конференциях соответствующих войсковых соединений.

Москва. Кремль. 15 июля. Первая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей.

Фото Дм. Бальтерманца.

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВОСЬМОГО СОЗЫВА

В Москве состоялась первая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. Избранники народа собрались в знаменательное время. Советские люди подводят итоги созидательному труду по выполнению решений XXIII съезда КПСС, борются за досрочное выполнение завершающего года восьмой пятилетки, за создание материально-технической базы коммунизма. Большими историческими событиями отмечен период работы Верховного Совета СССР прошлого созыва. Это были годы самоотверженного труда, в котором ярко проявилась глубокая преданность советского народа коммунистическим идеалам. Празднование пятидесятилетия Советской власти, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 25-летия славной победы советского народа над фашизмом вылилось в яркую демонстрацию всенародной поддержки внутренней и внешней политики Коммунистической партии и Советского правительства. Об этих годах, об этих событиях не раз вспоминали депутаты, выступая с трибуны первой сессии нового созыва.

Сессия приняла важнейшие государственные решения.

На раздельных заседаниях палат — Совета Союза и Совета Нацио-

Москва. Кремль. 14 июля. Заседание Совета Союза Верховного Совета СССР.

нальностей — были избраны председатели палат, их заместители, Мандатные комиссии, а также приняты постановления об образовании постоянных комиссий палат.

На раздельных заседаниях палат утверждена следующая повестка дня:

1. Избрание Мандатных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей.
2. Об образовании постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей.
3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.
4. Избрание Президиума Верховного Совета СССР.
5. Образование правительства СССР — Совета Министров СССР.
6. О проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде.

15 июля в Кремле состоялось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

Председательствует Председатель Совета Союза депутат А. П. Шитиков. Он оглашает заявление Председателя Совета Министров СССР депутата А. Н. Косыгина о сложении правительством СССР полномочий перед Верховным Советом СССР.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС депутату Л. И. Брежневу, встреченному горячими аплодисментами.

Депутат Л. И. Брежнев по поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза вносит на рассмотрение депутатов предложение, поддержанное партийной группой Верховного Совета СССР и Советами Старейшин палат, вновь назначить Председателем Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина и поручить ему представить на рассмотрение Верховного Совета СССР состав правительства СССР.

Это предложение встречается продолжительными аплодисментами.

Председательствующий оглашает проект Постановления Верховного Совета СССР, в котором одобряется деятельность Советского правительства и предлагается назначить Председателем Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина и поручить ему представить Верховному Совету СССР предложение о составе правительства. Верховный Совет СССР единогласно принимает это постановление.

Генеральный секретарь ЦК КПСС депутат Л. И. Брежнев по поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза вносит на рассмотрение депутатов предложение, поддержанное партийной группой Верховного Совета СССР и Советами Старейшин палат, вновь избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР депутата Н. В. Подгорного. Н. В. Подгорный единогласно избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. На сессии был избран Президиум Верховного Совета СССР.

А. Н. Косыгин представил на утверждение депутатов состав правительства СССР, одобренный Центральным Комитетом КПСС, партийной группой и Советами Старейшин. Верховный Совет Союза ССР единогласно утвердил состав правительства СССР. Первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР являются товарищи К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский.

Депутаты обсудили проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Депутаты единодушно проголосовали за принятие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде.

Депутаты утвердили Указы Президиума Верховного Совета СССР.

Верховный Совет Союза ССР принял Заявление в связи с расширением агрессии американского империализма в Индокитае. Это Заявление огласил председатель комиссии по иностранным делам Совета Союза депутат М. А. Суслов.

Верховный Совет Союза ССР принял также Заявление о положении на Ближнем Востоке. Его огласил председатель комиссии по иностранным делам Совета Национальностей депутат Б. Н. Пономарев.

В следующем номере журнала мы продолжим рассказ о работе первой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва.

Москва. Кремль. 14 июля. Заседание Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

В СОБСТВЕННОЙ ЛОВУШКЕ

Николай ПАСТУХОВ

Каких же итогов добился президент США Ричард Никсон своей так называемой камбоджийской операцией? У подавляющего большинства политических обозревателей мировой прессы (за исключением, конечно, тех, кто подвизается на подрывных западных радиостанциях, вещающих на иностранных языках) на этот счет не существует двух мнений. Одни резче, другие мягче приходят к единому выводу: итоги камбоджийской операции самые печальные для Соединенных Штатов. В качестве своеобразного эталона этих мнений можно привести высказывание газеты «Вашингтон пост»: «США вместо того, чтобы быстро уходить из войны, все глубже и глубже увязают в войне без исхода».

Хотя Соединенные Штаты и вывели из Камбоджи свои сухопутные силы, в агрессии против этой страны продолжают участвовать американские авиация и артиллерия. Вооруженные силы США вместе с дивизиями, которые отошли из Камбоджи, продолжают агрессию против вьетнамского народа, бомбардировкам подвергается территория Лаоса. Война против народов Индокитая ведется грязными, жестокими методами: применяются отравляющие химические вещества, напалм, фосфорные, шариковые и магнитные бомбы; инакомыслящие зверски уничтожаются в концентрационных лагерях смерти.

Все это приводит к тому, что антивоенное движение в США становится все более массовым и активным. Это ставит администрацию Никсона и военно-промышленный комплекс в положение политической изоляции в собственной стране, где всеобщие выборы не за горами. Сейчас планируются новые внушительные марши мира из Кента и Огасты, где были расстреляны американские студенты. Антивоенное движение в США пользуется всеобщей симпатией и поддержкой международной общественности, которая решительно протестует против агрессии Вашингтона на Индокитайском полуострове.

Среди многочисленных исследований внешнеполитического курса США, опубликованных за последнее время в американской печати, мое внимание привлекла работа профессора истории и социологии Калифорнийского университета Франца Шурмана — человека, весьма далекого от марксистских взглядов. Он приходит к интересным выводам. Анализируя накал политических страстей внутри Соединенных Штатов, профессор выражает уверенность в том, что «решающая схватка между конституционалистами, желающими мира, и милитаристами, стремящимися к войне, приближается». И, наконец, оценивая политические аспекты американской агрессии, Франц Шурман резюмирует: «Хотя антиимпериализм и антифашизм все еще отличаются друг от друга, разрыв между ними сужается». Хочется поздравить американского ученого с его прозорливостью, которая, к сожалению, отсутствует у тех, кто вырабатывает современный внешнеполитический курс Соединенных Штатов.

Все же справедливости ради хотелось бы отметить, что в какой-то степени Вашингтон отдает себе отчет в провале «доктрины Никсона», ставящей целью деамериканизацию и азиатизацию войны на Индокитайском полуострове. Правда, там не делают далеко идущего заключения, что провал доктрины обусловлен прежде всего ее аморальностью, порочностью и что она находится в вопиющем противоречии с идеалами нашего бурного, освободительного XX века. Поэтому предпринимаются отчаянные попытки реализовать доктрину, не гнушаясь ради этого никакими средствами.

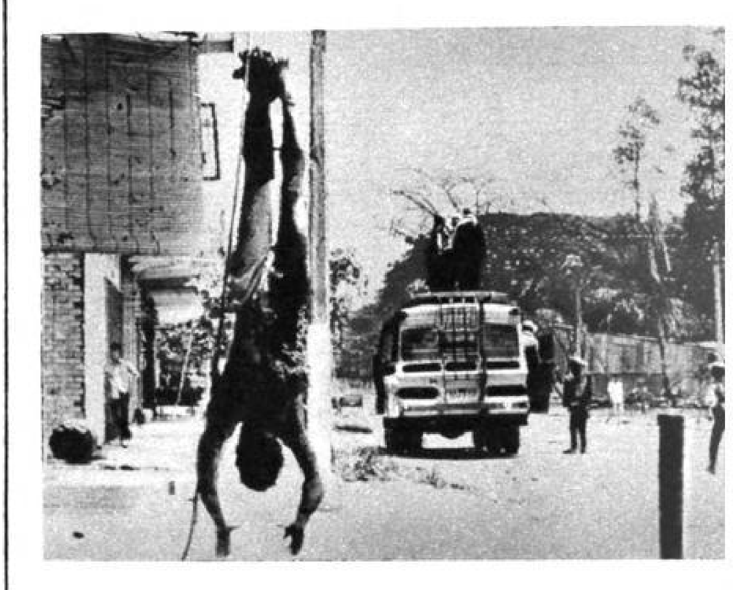
Государственный секретарь США Роджерс недавно предпринял целую серию дипломатических акций в Азии, пытаясь вдохнуть в мертворожденную «доктрину Никсона» хотя бы кажущиеся признаки жизни. В Маниле он провел совещание совета министров военного блока СЕАТО, призывая всех участников присоединиться к агрессии против Камбоджи. Однако, по свидетельству очевидцев, на совещании ему «был оказан прохладный прием». В Сайгоне Роджерс провел встречу союзников США по агрессии во Вьетнаме. Его призыв постиг тот же результат, что и в Маниле. Третий раунд Роджерс предпринял в Токио. Здесь ему удалось сблизить Японию, Тайвань и Южную Корею и наметить очертания некоего тройственного «антикоммунистического союза». Внешне это похоже на попытки как-то заменить обанкротившийся блок СЕАТО. Но одно дело — создать военный механизм, а другое — привести его в действие. Последнее слово здесь будет принадлежать не кабинету Сато, а японскому народу и его сильным прогрессивным политическим и общественным организациям.

Пожалуй, лучше всего охарактеризовать результаты азиатского турне Роджерса словами газеты «Нью-Йорк таймс», которая в редакционной статье пишет, что всякие надежды Вашингтона вести войну в Камбодже чужими руками «рассеялись в результате реакции, с которой государственный секретарь Роджерс столкнулся во время продолжительной поездки по Азии». Страны этого континента, указывает газета, «не проявили никакого желания проводить в жизнь предложения о самопомощи, содержащиеся в доктрине Никсона, которую Роджерс пытался пропагандировать».

Каков же все-таки итог камбоджийской операции президента США Никсона? Он готовил в Камбодже ловушку для своих азиатских союзников, а попали в нее сами Соединенные Штаты. Агрессия США распространилась на три государства Индокитайского полуострова, военный очаг стал еще опаснее, и, видимо, суждено сбыться предсказаниям американского историка Франца Шурмана.

Многолюдными митингами, демонстрациями протеста ответила трудовая Япония на объявленное правительством решение «сохранить японо-американский договор безопасности на довольно длительный период времени». Напуганное размахом народного движения протеста, правительство мобилизовало огромную армию полицейских. Этот снимок был сделан в день, когда на улицах Токио состоялась массовая демонстрация японской молодежи против пресловутого «договора безопасности».

Широковещательное заявление президента Никсона об «успехе камбоджийской операции» не может ввести в заблуждение ни одного здравомыслящего человека.

Вот они, итоги американского «рейда» в Камбоджу: зверски замучены мирные жители страны, сожжены и разграблены города.

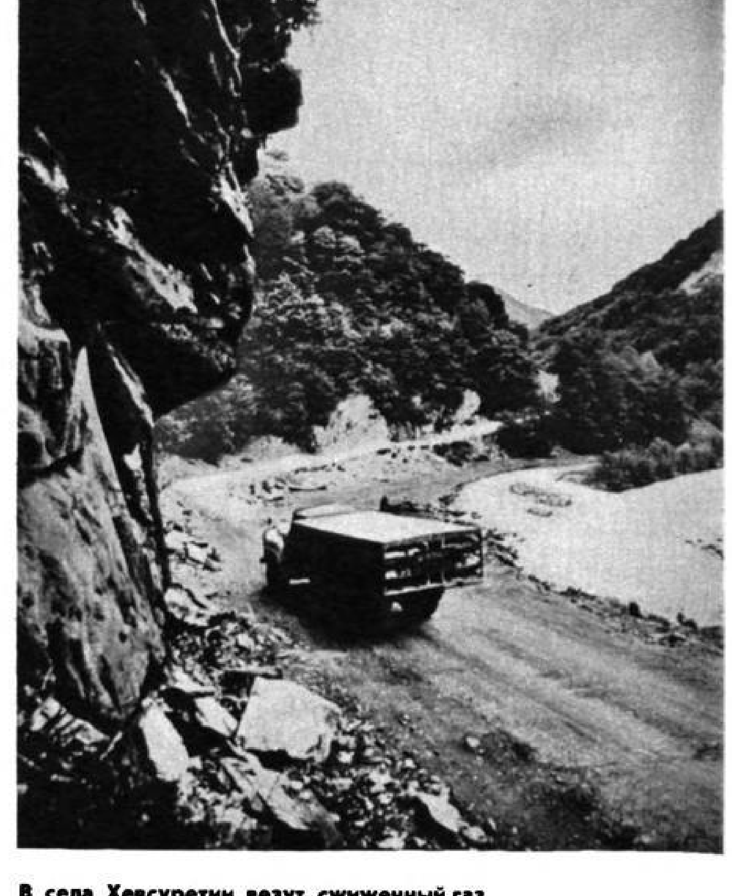
Американская война в Камбодже продолжается, как продолжается война во Вьетнаме, несмотря на старания Вашингтона «вьетнамизировать» ее. Эту истину не скроешь. И недавно улицы Сайгона стали свидетелями антиамериканского выступления вьетнамской молодежи, поджигавшей в знак протеста американскую военную технику.

Фото ЮПИ.

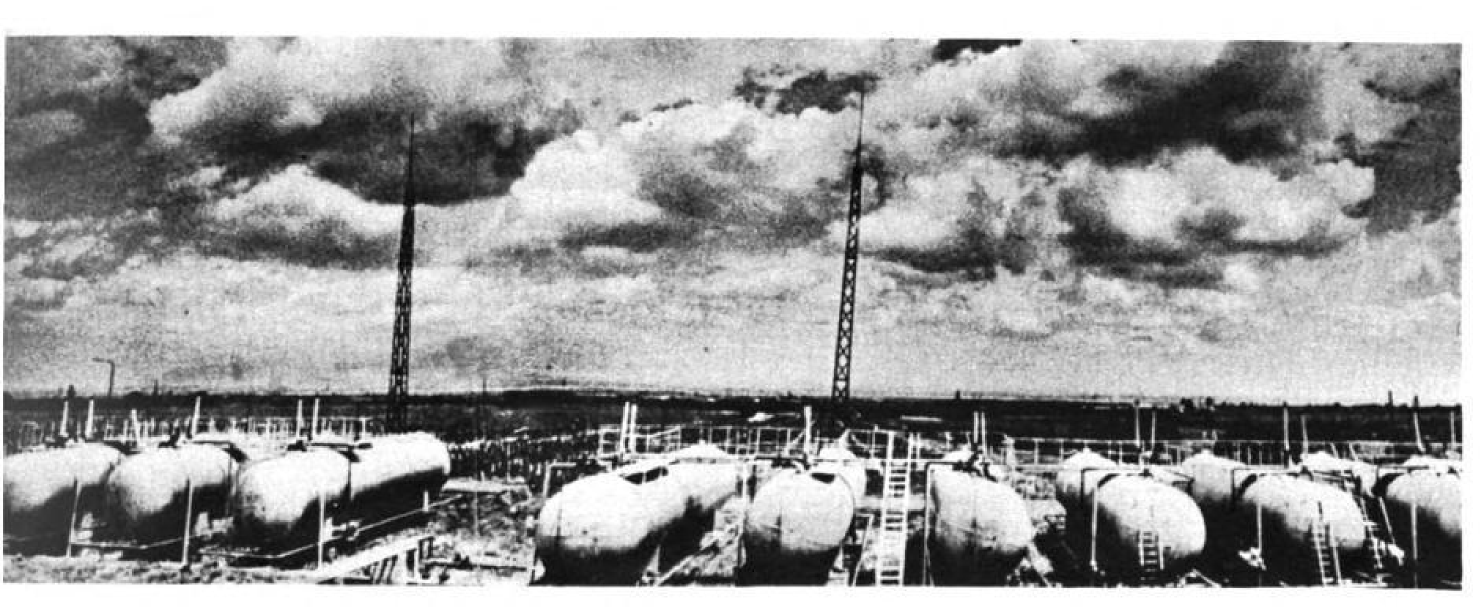
ПУСТЬ ШУМЯТ ЛЕСА...

Ия МЕСХИ

Фото Георгия Хамашуридзе.

В села Хевсуретии везут сжиженный газ.

Гурджаанская газораспределительная станция.

Баллон с пропаном доставлен в Барисахо, в дом Леры Арабули.

Неожиданно выяснилось, что у газификаторов, тех, что, появляясь в нашем доме, тотчас бегут на кухню, зажигают горелки и долго, задумчиво смотрят на пламя,— у этих самых товарищей есть ярые союзники и друзья. Кто? Ботаники!

...Перенесемся в позапрошлый век. Русский художник М. Иванов идет с мольбертом вдоль реки Арагви, видит старинную крепость Ананури, пишет ее: храм, обнесенный мощной каменной оградой с башнями, и за ним на склонах гор — густой лес. Спустя много десятков лет картина эта попадает в поле зрения советского ученого-ботаника, академика Нико Кецховели. Но откуда же лес? Помнится, вокруг Ананури теперь леса нет. Нико Кецховели берет с собой работу художника, фотоаппарат, едет в Ананури, находит точку, с которой писал Иванов — она на старом сельском кладбище! — фотографирует облысевшие склоны и поднимает в районе шум. «Если лес существовал,— горячится он,— его надо восстановить!»

Со старой картиной получается все так наглядно, что на этом участке ученый добивается своего. Но лес рубят всюду. Его пожирают котельные в больших городах, сотнями тысяч кубометров его поглощают печи и печурки в маленьких городах и селах. Больно за родную природу!..

И вот появляются газификаторы. Они предлагают покончить с дровами, подводят к заводским и коммунально-бытовым топкам природный газ. На слом отправляются железные «буржуйки», печи всех мастей, вплоть до голландских кафельных красоток. Не надо ничего пилить и колоть, не надо синее небо коптить!

Такой немаленький город, как Тбилиси, всего одиннадцать лет тому назад варварски сжигал в своих топках чудесные грузинские леса. Сейчас они спокойно стоят под солнцем. Их заменили ежегодно потребляемые городом 700 миллионов кубометров дешевого природного газа. А газификаторы республики, снабдив голубым топливом города, стали продвигаться в села — явление новое и знаменательное.

Пойдем по их следам.

...Гурджаанская газораспределительная станция находится в долине, прямо среди виноградников. Здесь нет магистрального трубопровода с природным газом. Сюда привозят по железной дороге в цистернах сжиженный газ, пропан, и заполняют впрок емкости. Это газовые склады, и таких в республике несколько.

На конвейере знакомые многим красные баллончики. В каждом по десять с половиной килограммов пропана. Пока они медленно движутся из цеха наполнения в цех транспорта, контролеры тщательно проверяют, нет ли где утечки. Четыре тысячи баллонов в день сходят с одного лишь гурджаанского конвейера. Тут их подхватывают специальные грузовые машины с клетями, чтобы довезти пропан до каждого сельского дома, в котором есть газовая плита. Но это легко сказать. Ведь подавляющее большинство сел республики — в горах. Туда надо добираться.

Едем вдоль берегов Арагви. Еще внизу, в долине, ее опоясывает отвод от главного магистрального газопровода. Над широко разлившейся рекой висят на мощных опорах длинные плети труб, по которым идет газ. Издали они кажутся тонкой серебряной нитью. А наша дорога круто сворачивает в горы.

Движемся по земле горной Пшавии, родины великого поэта Важа Пшавела. Где-то в стороне осталось его родное село Чаргали. В узком ущелье Черной Арагви проезжаем село Магаро. По ту сторону реки стеной стоит поросший лесом крутой склон. Через реку перекинут тонкий висячий мостик. Разве на той стороне живут люди? Да, на самой вершине.

— Когда я подъезжаю к этому мостику,— рассказывает водитель машины с пропаном Шамиль,— я всегда долго сигналю и жду. Сверху спускается учитель магаройской школы с порожним баллоном и меняет его на полный. Идти ему наверх почти с километр. И все-таки он предпочитает такое путешествие, лишь бы не рубить лес.

Выше Пшавии лежит высокогорная Хевсуретия. Наша цель — «столица хевсуров», село Барисахо. Прошла гроза, омыла камни и зелень, наполнила реку сверканием яркого солнца. Она посветлела. Помните, у Лермонтова, в «Мцыри»:

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу...

Нельзя было удержаться от искушения, и мы попросили барисахского педагога Этери Чорхаули, самого первого «газового» клиента из этого села, поднять пустой баллон «над головой». Конечно, по инструкции так обращаться с ним не разрешается...

Итак, мы в Барисахо. Уже и сюда дошла сегодня газовая плита! Правда, пока в немногие дома. Вот принимает баллон с пропаном воспитательница школы-интерната Лера Арабули. Но в сельсовете уже идет разговор о том, сколько понадобится плит для газификации интернатской столовой. И много людей приходит сюда с просьбами: «Мы тоже хотим газ!..»

160 тысяч сельских семейств в Грузии уже пользуются газом. Его начали применять для обогрева цитрусовых насаждений и животноводческих ферм, его собираются приспособить для хранения фруктов. Газ облегчает людям быт и труд, сохраняет лесные бассейны горных рек. Не правда ли, это благородно!

ОГНЕННЫЙ ЦЕХ СТРАНЫ

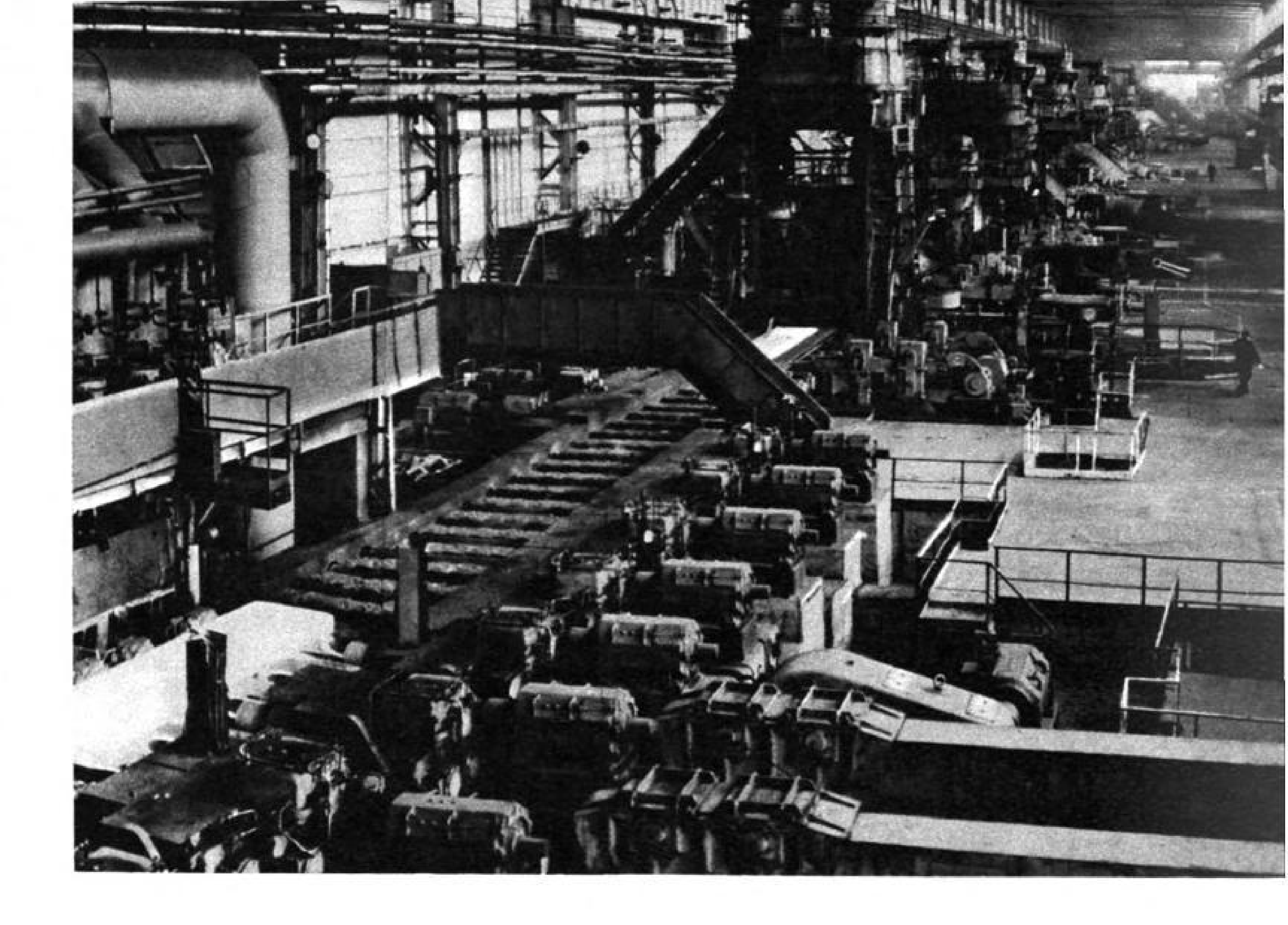
Ни днем, ни ночью не меркнут сполохи над домнами и мартенами, не зная покоя трудятся станы — работает гигантский металлургический цех страны. С чем пришли к своему празднику люди мужественных огненных профессий?

Игорь Андреевич Ващенко, заместитель начальника планово-экономического управления Министерства черной металлургии СССР, показывает сводки, называет цифры. На 5,7 процента, по сравнению с таким же периодом за прошлый год, возросло производство чугуна, на 5,3 процента — производство стали, на 6 процентов — проката, на 6,7 процента — изготовление стальных труб. Что означают эти проценты? Миллионы тонн металла — тысячи автомобилей и тракторов, самолетов и станков... Взять хотя бы производство стали. Еще, кажется, совсем недавно сталеплавильщики стремились к заветному рубежу — ста миллионам тонн стали в год. Сегодня это уже пройденный этап. В прошлом году Родина получила 110 миллионов тонн стали, в этом году ожидается еще один шаг вперед. Это новые резервы, найденные и использованные мастерами мартеновских печей, сталь кислородно-конверторных цехов, вступивших в строй в нынешнем году.

Если же раскрыть проценты прироста проката, то здесь прежде всего бросится в глаза освоение прокатных мощностей новыми агрегатами. Уверенно, все большую силу набирают стан «2500» холодной прокатки Магнитогорского комбината — один из главных поставщиков автомобильного листа; стан «2000» Новолипецкого завода, дающий металл для изготовления сельскохозяйственных машин и труб; станы «1700» Карагандинского завода и «950/800» Орско-Халиловского комбината.

Идет большой металл страны!

Г. ВЛАДИМИРОВА

На снимке: конверторы, установка непрерывной разливки стали, стан «2000» горячего проката — такова единая технологическая схема, смело осуществленная на Новолипецком металлургическом заводе. Она совершенно исключила из классического цикла металлургии слябинг и громоздкое транспортное хозяйство — изложницы, краны, локомотивы, железнодорожные пути. Металл разливается не в ковши, а по специальным коммуникациям устремляется в глубокие колодцы, на ходу превращаясь в заготовку.

На снимке нашего фотокорреспондента А. Бочинина — общий вид прокатного стана «2000».

«НАС МОЛОДЯТ ЖИЗНЬ, ЦЕЛЬ, ТРАДИЦИИ»

Юбилей не только праздник, но и экзамен. Он всегда сопровождается вопросами: что оделал в минувшем? Какой запас сил сохраняешь на будущее?

В свои шестьдесят лет Александр Львович Дымшиц успешно выдерживает этот экзамен. Его писательский отчет перед читателем содержателен и примечателен. Более сорока лет отдано литературоведению и критике. Написано много книг. Среди них — «Журнал «Начало», «Литература и фольклор», «Мартин Андерсен-Нексе», «Литература и народ», «В великом походе», «Звенья памяти»...

Уже заглавия показывают, насколько широк круг интересов их автора — история и современность, советская и зарубежная, особенно немецкая, литературы, критика сегодняшняя и мемуары.

Для полноты картины напомним о статьях в журналах и газетах с большим охватом многонациональных литератур.

Можно удивляться, как один человек столько успевает читать, знать, осмысливать, писать. Александр Дымшиц успевает потому, что непрерывно в труде и, главное, умеет организовать свой труд целенаправленно.

При всем разнообразии интересов у А. Дымшица нет разбросанности и поверхностности. Его мысль, словно магнит, объединяет эти интересы генеральными проблемами литературы социалистического реализма. Именно их развивает он, когда пишет о русских и немецких классиках, о многонациональной советской литературе, когда вступает в острый спор с теоретиками модернизма, с ревизионистами — отступниками от марксизма-ленинизма, с зарубежными «советологами», пытающимися искажать историю советского искусства.

Как критик А. Дымшиц оперативен, часто выступает с первыми оценками новых произведений. Вместе с тем эта оперативность сочетается у него с научностью подхода к книгам еще горячим, неотлежавшимся, нередко спорным. А. Дымшиц умеет хвалить, если книга достойна добрых слов. Он умеет критиковать и спорить. Стиль полемиста отличает его статьи.

И в них всегда ощутима главная цель — борьба за научно обоснованную эстетику социалистического реализма, за партийность и народность литературы, за коммунистическую идеологию.

Я уже называл книгу «Звенья памяти». И еще хочется особо сказать о ней — это весьма ценные мемуары литературного критика. Кстати, он виден здесь не только как исследователь, но и как портретист. Его наблюдения помогают нам лучше понять В. Маяковского, А. Толстого, Д. Бедного, А. Фадеева, О. Форш, В. Вишневского, С. Маршака, И. Бехера, Б. Брехта, Б. Келлермана... Приходится оборвать список, хотя в нем большое число значительных имен. В памяти автора много примечательных звеньев, и хорошо, что критик так свободно, по-писательски впечатляюще их «выковывает».

Коммунист с 1940 года, он с первого дня войны добровольно ушел в армию, был политработником в войсках Ленинградского фронта, участвовал в боях. А после войны А. Дымшиц еще четыре года провел в Германии, работал в Советской военной администрации, очень чутко, профессионально и перспективно способствовал развитию новой немецкой культуры и литературы. Заслуги его высоко ценят в Германской Демократической Республике, они отмечены почетными наградами.

Доктор филологических наук, профессор Александр Львович Дымшиц пришел к своему юбилею-экзамену с весомым вкладом в советскую литературу. На его примере виден высокий уровень современного советского литературоведения.

В одном из мемуарных очерков о себе и людях своего поколения А. Дымшиц написал: «Есть седина, есть одышка, а мы все еще молоды душевно. Нас молодят жизнь, цель, традиции».

Пожелаем юбиляру, чтобы его душевная молодость, его огромный творческий опыт и прочный запас сил так же талантливо превращались в новые труды, литературные и общественные.

Виктор ПАНКОВ,
профессор,
доктор филологических наук.

Федор РЕШЕТНИКОВ,
член Президиума
Академии художеств СССР

ОБРОТА И ПРАВДА ИСКУССТВА

Когда на выставке 1954 года украинский художник С. А. Григорьев впервые показал зрителям картину «Вернулся», о ней заговорили. Зал, где была она вывешена, был полон народу. Люди не спешили отойти от картины. А после бывало, что и не день, не два спорили дома, на работе, с друзьями, сослуживцами о том: «Простит она его или не простит?»

Спор этот, порою весьма категоричный, сохранился на страницах книги отзывов той давней выставки.

«Умная и нужная картина. Еще неизвестно, простят ли возвратившегося,— и в этом сила».

«Вообще, глядя на картину, я мог бы рассказать жизнь четырех душ за последние два года...»

«Был свидетелем тишины, которая убедительно говорит о сильном действии картины. Люблю такую живопись».

Да, зрители любят такую живопись, потому что она прямо обращается к их сердцу и мыслям, а порой и помогает решать реальные жизненные проблемы. У нас, художников, живопись эта называется жанровой. И картина «Вернулся» — характерный образец такой живописи.

Жизненная коллизия, которую изобразил в этой картине художник, была хорошо понятна зрителям. И по этой причине картина заставляла человека задуматься, наталкивала на размышления, на решение житейских проблем...

В русском искусстве жанровая живопись накопила богатые традиции. Какой изумительный жанр, например, «Вот те и батькин обед!» Венецианова! Или творчество Федотова. Это ведь самый чистейший бытовой жанр. Бытописательство. Но в этом бытописательстве философия, настоящее социальное исследование. Исследование это продолжили в своем творчестве передвижники Владимир Маковский, Прянишников, Корзухин, Максимов... В своих картинах они вели со зрителями сурово обличительный разговор о жизни. Учили критическому отношению к жизни. Воспитывали гражданственность.

В советскую эпоху у жанровой живописи, унаследовавшей лучшие федотовские традиции и традиции передвижничества, появились новые цели и задачи. Она по-прежнему живет в гуще повседневных проблем, по-прежнему внимательно приглядывается к быту, говорит с людьми о насущных повседневных делах.

Уже с первых лет Советской власти жанровая живопись показывает черты нового в быту, жизни, времени. Вспомним «Заседание сельской ячейки» Ефима Чепцова. Картину, которая в свое время воспринималась как открытие.

В области жанра работал Б. В. Иогансон, чьи картины воспринимаются мною очень часто именно как жанр в самом высоком смысле этого слова. Ю. И. Пименов, запечатлевающий живые сцены то в магазине или на стройке, то в новом районе или в автобусе, тоже, без сомнения, создает поистине замечательные жанровые картины о нашем сегодня. Советская жанровая живопись среди своих мастеров числит ленинградца Юрия Непринцева, старейшину живописцев Мордовии Федота Сычкова, украинского мастера Сергея Григорьева и еще многих очень разных художников. Имеет она своих приверженцев и среди более молодого поколения живописцев: я с удовольствием назову талантливых братьев Ткачевых из Подмосковья, москвичку Ирину Шевандронову — художника ищущего, тонкого живописца.

Однако, как ни покажется это парадоксальным, у жанровой живописи есть противники, которые безосновательно отводят ей какое-то второстепенное место среди других видов искусства, а то и вовсе утверждают, что она-де «исчерпала себя».

Нет, жанровая живопись нужна и сегодня. Хорошзя. Настоящая. Исполненная с высоким мастерством.

Посмотрите, как в том же полотне С. А. Григорьева «Вернулся» продуманные, точно выбранные детали помогают художнику заставить зрителей действительно взволнованно задуматься о судьбах советской семьи, об ответственности родителей перед детьми.

...Тяжелый мужской ботинок поставлен рядом с хрупким игрушечным сервизом. И от неуместности этого соседства с особенной остротой ощущается, сколь чревато опасностью для мира детства вторжение в него взрослых неурядиц, бед и сложностей. Пепел дымящейся папиросы сыплется на цветной коврик, где только что угощались чаем плюшевый мишка и кукла. Но грузный мужчина — отец, усевшийся на детский столик, не замечает всей нелепости своего поведения. Ведь он шел сюда с двумя коробками конфет в уверенности, что его приход станет в покинутой семье праздником. И вдруг встретил отчужденность в маленькой дочери, непримиримость в сыне-подростке.

Более сложный, противоречивый внутренний разговор читается нами во взглядах, позах, выражениях лиц мужчины и женщины, которые когда-то были самыми близкими друг другу людьми, а теперь выяснилось, что этот внешне сильный человек никогда и не был жене защитой, опорой, другом. Грустная и усталая женщина оказалась сильнее, выше его душевно. Но она его не просто судит, она понимает его слабость. Судят этого человека зрители.

Григорьевские картины словно бы читаешь. Быть может, потому, что Сергей Алексеевич в жизни великолепный рассказчик и этот дар образного повествования вобрала и его живопись. А может, и наоборот — именно дар рассказчика и предопределил то, что Григорьев стал жанристом. Вообще я убежден: жанристами рождаются, как рождаются портретистами, пейзажистами, баталистами...

В 1923 году 13-летним подростком поступил Сережа Григорьев в Запорожское художественно-промышленное училище.

До сих пор вспоминает художник с благодарностью имена своих первых учителей, которые привили ему любовь к русскому искусству, раскрыли перед ним совершенство классических образцов. От них узнал он великую правду творчества: «Требовательность к работе... железная, как военная, доделай, добейся законченности, верности оттенка; добивайся, смени сорок раз, но добейся».

Прошли годы учения. ВХУТЕМАС, живописный факультет Киевского художественного института. Наконец диплом. И перед молодым живописцем широкое поле самостоятельного творчества. Он работает с жадностью. На каждой выставке появляются его картины. Но художник не удовлетворен ими. Чувствует, что это еще не его слово. И он ищет.

И вот в 1937 году, может быть, только как пробу, как проверку себя и зрительской реакции, выставляет Сергей Григорьев небольшую работу «Дети на пляже».

На песчаной отмели расположилась детвора. Трое ловят рыбу, используя вместо бредня майку. Старший занят с младшим братишкой: лежит на песке, спустив ноги в воду, а белоголовый карапуз размазывает мокрый песок по его загорелой спине — моет...

И вот именно эта нехитрая сценка была замечена. Около нее задерживаются зрители, ее обсуждают знатоки, и ее покупает с выставки Киевский музей украинского искусства. А все это вместе значило, что художник нашел себя, свою тему в искусстве. Попал в точку. Всем стало видно: жанрист.

Но случилось так, что от этого первого «попадания» до появления на наших выставках полотен сложившегося мастера-жанриста С. А. Григорьева прошли годы.

Война оторвала живописца от любимого искусства. Но трудные, жестокие ее годы, пройденные с боями, работа военного политработника не пропали даром. Опыт войны стал для художника порой духовного возмужания, проверкой творческих убеждений, драгоценной жизненной школой. И в первые же послевоенные годы одна за другой появляются на выставках картины Григорьева.

...Вот собрались люди «На собрании» — 1947 год; развернул мехи гармони солдат, чтобы отпраздновать возвращение с войны «В родной семье» — 1948 год; расположились на отдых на высоком речном берегу «Юные натуралисты», собравшие полные рюкзаки зеленых «экспонатов» — 1948 год. Идет «Прием в комсомол». Замер в воротах, обозначенных потертыми мальчишечьими портфелями, в одном из дворов Киева лихой бесстрашный «Вратарь» — 1949 год. Содранная коленка перевязана, чулки спустились, старенькие галоши привязаны тесемками. Зато поза как у заправского вратаря. На руках кожаные перчатки. Взгляды усевшейся на скамье разновозрастной компании зрителей устремлены туда же, куда смотрит главный герой,— там сейчас ударят по мячу. И целая гамма чувств, переживаний запечатлена художником на лицах. Причем ни один персонаж не выдуман, все высмотрены в жизни и запечатлены с большим мастерством передачи живого момента.

Заслуга Григорьева, что он поднял в своем творчестве очень важную тему подрастающего поколения.

С. Григорьев. ОБСУЖДЕНИЕ ДВОЙКИ. 1950 г.

Государственная Третьяковская галерея

ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ. 1948.

С. Григорьев. ПЕРВЫЕ СЛОВА. 1961.

РЫБАЧОК. 1958.

Чудесный свет

Фридон ХАЛВАШИ

ГЕНАЦВАЛЕ

Если болен — заменит лекарство любое,
если молод — пленит, поведет за собою,
стар — морщины сотрет, улыбнуться заставит,
все обиды прогонит,
все на место поставит,
веру даст,
исцелит от печали
слово славное — «генацвале»! [1].

Свет по капле со звезд соловьи собирали,
чтоб звездою ты стала моей, генацвале!
«Генацвале» — звучало тебе с колыбели.
«Генацвале» — в глазах небеса голубели.

Это слово зерном и тяжелым плодом
наполняет крестьянский вместительный дом.
Этим словом издревле гостей мы встречали:
«Просим, просим!
Пожалуйте к нам, генацвале!»
И ложится близ яркого пламени мчади [2],
и козуля румянится в сладостном чаде...
Приласкаешь детей,
у огня посидишь,
потолкуешь о жизни,
поблагодаришь:
«Пусть вовеки ваш дом не узнает печали!
До свиданья! Спасибо за все, генацвале!»

...Ночь темна, словно черная гроздь
винограда.
Утром движется солнце горящей громадой.
О грузинские пышные ночи и утра,
кто напишет вас кистью подробной и мудрой?
Но как лучшие вина в лучистом бокале,
вы сливаетесь в слове одном — «генацвале»...

«Генацвале»,— задумчиво ветер поет.
Это слово — полет, это зреющий плод.
Это — наше вино.
Это — хлеб наш пахучий.
Это — вечно цветущие вольные кручи.
Это — древность и юность.
Это — нежность и твердость.
Это — девичья тайна.
Это — юноши гордость.
Это — верного друга надежная клятва.
Это — двери открытые.
Это — радостный взгляд твой.
Это — сила моя, и любовь, и бесстрашье,
Генацвале — отечество кровное наше!

Перевел с грузинского Дмитрий Голубков.

---

[1] Форма ласкового обращения, буквально — я умру вместо тебя, заменю тебя в беде.
[2] Кукурузный хлеб.

ВАРДЗИЯ

Словно камень, я слово вложу
в общий гул похвалы и восторга.
Это слово из сердца исторгла
явь,
которой я здесь прохожу.

Мудрость предка, рука и чело
захотели с веками поспорить.
Так высоко на скалах гнездо
и орел не решался построить!

Нет, недаром каменья тесал
чудный мастер — неведомо имя!
Выходила царица Тамар
на ступени с князьями своими.
Выходила, садилась на трон,
говорила: «Враги не прорвутся!»
Мы стоим и стояли на том,
и об этом здесь песни поются.

Город-камень и крепость-скала!
Отзвучавшая слава героев
в моем сердце навек залегла,
мою нежность к отчизне утроив.

С той поры, как увидел во тьме,
что не выцвела старая фреска,
с той поры полюбил я втройне
и мечту и талантливость предка.

Что еще я добавить могу?
Разве только осмелюсь полслова:
пусть умру, если не сберегу
хоть крупицу наследья родного!

СТАРЫЙ ПАНДУРИ

Пандури чуть дремлет,
но ждет
и просит,
чтоб на руки взяли
и песню ему рассказали:
без песни он просто умрет.
Без песни ослабнет струна
и трещина в теле возникнет.
Пандури никак не привыкнет
молчать: уж такая судьба!
Пускай эти струны поют
о доблести и о печали,
расскажут, как розы увяли,
в то время;
как люди живут.
Лежит мой пандури и ждет,
чтоб к струнам притронулись руки,
чтоб липа исторгнула звуки —
пандури тогда оживет.

Перевел Ст. Куняев.

ОЖИДАНИЕ

Медленно текут
в моей долине воды,
мутные и теплые,
как мысли в полдень.
Медленны
движения природы:
тают птицы
в медленном полете,
медленная
туча проплывает;
медленные тянутся мгновения,
словно вся природа ожидает
твоего,
о радость, появления!
Я приду с работы утомленный.
Сяду в тень
под деревом любимым.
Нет тебя —
и дворик мой зеленый
без тебя покажется унылым.
Ну, а ты —
звезда моя вечерняя,
ты — моя счастливая прохлада!
Руки твои,
словно ветви сада,
снимут боль,
развеют огорчения.
Словно тихий дождик
приближается —
зазвенел серебряный браслет...
Навсегда
в глазах моих останется,
словно в окнах,
твой чудесный свет.

Перевел И. Шкляревский.

Торжественности и ответственности вступления молодого человека в Ленинский союз молодежи посвятил художник картину «Прием в комсомол». И приходится только сожалеть, что после его картин эта тема не получила в нашей живописи дальнейшего углубления, продолжения, развития.

Вслед за «Приемом в комсомол» художник написал о старшеклассниках еще одно большое полотно — «Обсуждение двойки», которое получило добрый отклик у зрителей. Во многих школах появились тогда сразу же репродукции этой картины. «Обсуждение двойки», борясь за доброе в ребячьих душах, не обличала, не грозила, не карала, не наводила на мысль о громких или устрашающих словах, оказывающихся нередко бездейственными в жизни. Она верно и правдиво рассказывала об озабоченности советского школьного коллектива судьбой каждой девчонки и мальчишки, которую выразить бывает не так-то просто. И люди были благодарны художнику. Писали добрые письма. Вот письмо учительницы-москвички:

«Я помню «Прием в комсомол» и «Вратаря» Григорьева. Теперь, увидав «Обсуждение двойки», я, прежде чем глянула на подпись, подумала: «Это тот самый художник!» Значит, есть у художника своя манера, свой изобразительный язык...

Григорьев — отличный наблюдатель! Ведь, как это верно замечено, дети всегда более строго относятся к своим товарищам, получившим плохие оценки, нежели мы, преподаватели. Я представляю себя на месте изображенной учительницы. Зачастую говоришь провинившемуся: «Я не хотела ставить тебе двойку, с удовольствием бы поставила пять, но ты совсем не выучил урока, ты сам заставляешь меня вывести в классном журнале эту постыдную отметку».

А ребята-то не так. Те ежели примутся за кого, то уж заставят его помучиться немало. И в нашем комитете комсомола были подобные «обсуждения».

Светлый, чистый, радостный, полный надежд мир советского детства — любимая тема Сергея Алексеевича.

А в картинах о взрослых именно С. А. Григорьев в числе первых отказался от лакировки и начал сопоставлять характеры, увиденные в жизни. Весьма выразительно сопоставлены они, например, в картине «В приемной».

Сегодняшние противники жанра выдвигают новые, так сказать, художественные «аргументы» против него. Однако я убежден: бытовая жанровая живопись всегда будет занимать свое, очень важное место среди других видов искусства, беседуя со зрителем о жизни, о человеке. И среди будущих ярких ее произведений, которые предстоит создать, конечно, увидим мы и новые картины ветерана советского жанра — народного художника Украины С. А. Григорьева, отметившего в нынешнем году свое 60-летие

2. «Огонек» № 29.

ЛИТВА

И ЗРЕЛОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

Подборка информаций подготовлена корреспондентами Эльта и «Огонька».

Край солнечного янтаря и янтарного солнца — с днем рождения тебя, Советская Литва! Как изменилась ты за тридцать лет, как многого достигла! Новые заводы и фабрики, города и села выросли на твоей земле. Сегодня каждому, кто приезжает сюда, бросается в глаза молодость Литвы, юный задор, напряженный ритм жизни. Уверенно и радостно смотришь ты в будущее — оно прекрасно, как прекрасны люди и песни твои, Литва. Успехов тебе, Янтарная Республика!

Сегодня «Огонек» рассказывает лишь о нескольких эпизодах из твоей богатой жизни.

В Алитус на праздник песни приехали 400 лучших самодеятельных артистов района.

ПЕСНИ ВЕНЧАЮТ ТРУД

Йозеф Кажис — ветеринарный врач. Ушел на пенсию. Но по-прежнему поет в хоре. И непременно собирается в этом году на республиканский праздник песни в Вильнюс. Собирается в столицу Литвы и Антанас Садукас, хотя и ему тоже лет немало. Но как же пропустить праздник! Кажис и Садукас помнят первый послевоенный праздник песни в 1946 году. Трудное было время: разоренная земля, борьба с националистическими бандами. Около двухсот хоров съехались в тот год в столицу Литвы, одиннадцать тысяч человек.

С тех пор праздники стали традицией. К тридцатилетию Советской Литвы мастера народного искусства подготовили свой подарок. Праздники песни прошли уже во всех районах. Лучшие коллективы получили право выступать в Вильнюсе. Около тридцати тысяч самодеятельных артистов встречает столица Литвы. Внесут свою лепту и друзья с Украины, из Белоруссии, Грузии, с берегов Волги. Три дня будет отдано музыке и песням. Как всегда, на празднике прозвучат новые произведения литовских композиторов и поэтов. Откроется он кантатой Римвидаса Жигайтиса «Ленину, Родине — песня сердец»...

Главный дирижер праздника — Конрадас Кавяцкас, который участвует в этих торжествах, как Садукас и Кажис, с 1946 года.

СТРОИМ — ЗНАЧИТ, РАСТЕМ

Никогда в Литве не строили так много, как в последние годы. И как строят! Стоит взглянуть на Дворец выставок в Вильнюсе, на новый проспект Мира в Клайпеде или на здание «Промпроекта» в Каунасе, на новые кварталы Шяуляя или на застройку курортных районов Паланги и Друскининкая — все это красиво, удобно, современно... В республике смело применяются индустриальные методы строительства. Причем талант зодчих и неустанные поиски домостроителей не дают прижиться стандарту, безликости. Достаточно сравнить новые микрорайоны Вильнюса. Они появились один за другим. Разрыв во времени невелик, но Лаздиняй не похож на Жирмунай, а Жирмунай вовсе не копия Антакальниса.

«...Строим — значит, растем»,— говорят люди. Литва тому великолепный пример.

ДИПЛОМ НЕ ДЛЯ АРХИВА

До чего радостное совпадение! Бывает же так. Эдуардас Гармус, Ионас Немчяускас и Видас Римайтис — все они дипломанты Каунасского политехнического института — в один день отметили сразу два праздника. В конце июня молодым технологам-машиностроителям были вручены дипломы об окончании вуза. И в тот же день на головном предприятии объединения меховой промышленности имени К. Гедриса по проекту дипломантов началось строительство нового производственного участка. На участке, спроектированном студентами, будет пущена первая в стране поточная линия очистки и упаковки шерсти. С помощью этой линии производительность труда должна повыситься в двенадцать раз.

Нужно, пожалуй, добавить, что авторы проекта активно участвовали в работе студенческого проектно-конструкторского бюро. Более трех тысяч студентов прошли в нем хорошую школу. И школа эта незамедлительно принесла плоды: по проектам воспитанников Каунасского политехнического в республике построены десятки производственных и культурно-бытовых объектов. Институтское конструкторское бюро разработало, в частности, гамму металлорежущих станков, автоматы для упаковки сыпучих продуктов.

ЛАТВИЯ

ШИРОКАЯ ЗОНА

З. ХИРЕН

Мару Рунце мы повстречали в Риге на пленуме ЦК ЛКСМ Латвии. Она приехала из небольшого латышского города Валмиера и с трибуны пленума рассказывала о том, как им, комсомолкам, удалось повысить производительность труда. Почти весь их выпуск средней школы имени 11 героев пошел работать на завод стекловолокна.

Почему они так поступили? Иначе нельзя было. На одной из окраин комсомольцы построили завод. Совершенно новое производство с уникальными станками, уникальным оборудованием... Ходили всем классом смотреть. Вскоре стало известно, что валмиерскому заводу-новоселу не хватает рабочих, причем рабочих как минимум со средним образованием. На пленуме Рунце не сказала, что в то время была она членом комсомольского комитета школы и первая выступила с предложением выручить завод. Вчерашние школьницы стали ткачихами, хорошими ткачихами — на заводе ими, бывало, не нахвалятся.

А Мара Рунце вместе с подругами решила, что дело обстоит не так уж блестяще. И началась настоящая исследовательская работа. Хронометрировали абсолютно все производственные процессы. И убедились, что 30—35 процентов рабочего времени пропадает даром. Зашла однажды об этом речь на комсомольском собрании. Посыпались реплики:

— Так это вы, наверное, самых отсталых взяли...

— Нет, в том-то и дело,— ответила Мара,— самых передовых. И делали это для того, чтобы лучше понять, в чем причина.

Причин было много: неисправности станков, неправильное освещение, неуютные рабочие места и разные другие «мелочи», которые портят настроение и отрывают от дела. Все эти недостатки устранить было не так уж трудно, особенно сейчас, когда подсчитали, какой убыток приносят они заводу.

Не всем на заводе исследование комсомольцев пришлось по душе. Позднее Рунце назвала это психологическим барьером, который во что бы то ни стало надо было разрушить. И разрушили. Как? Личным примером. Работала Мара на шести станках, попросила дать девять, а потом и двенадцать.

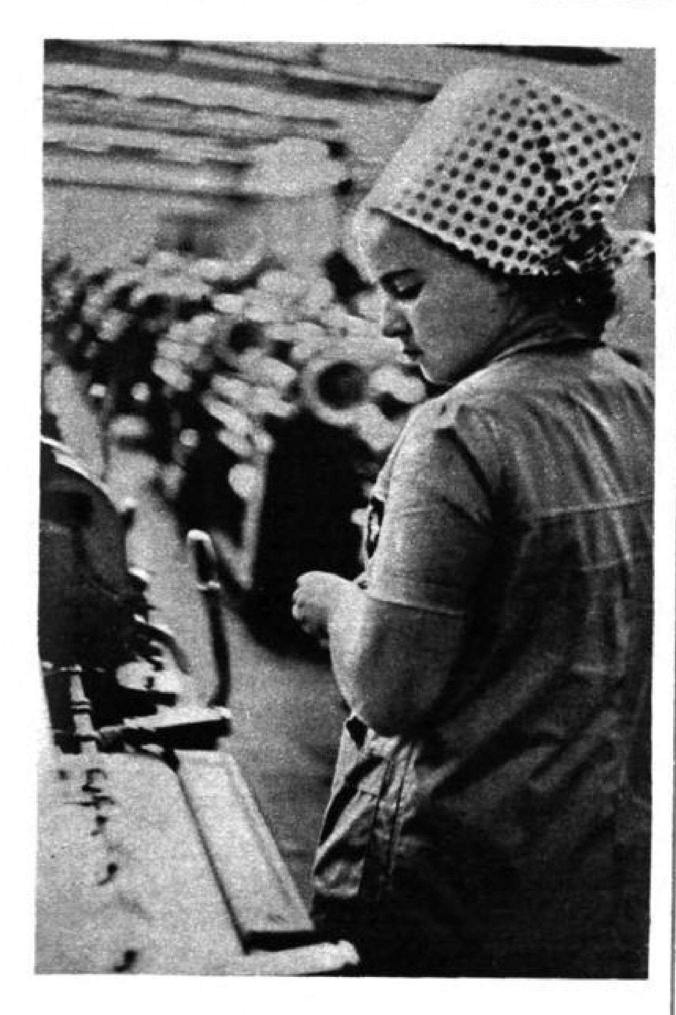
Новый метод назвали широкой зоной обслуживания. А его преимущества стали еще яснее, когда впервые отработали пять дней на сэкономленном материале, когда несколько комсомолок досрочно завершили пятилетнее задание. Сама Рунце выполнила пятилетку летом прошлого года. На заводе уже более ста ткачих трудятся в широкой зоне.

...Едем в Валмиеру. Мы знали, что город этот сравнивают с Краснодоном, с Комсомольском. И тут в райкоме комсомола мы услышали, как девушка читала подруге вслух:

— «Ах, если бы я когда-нибудь могла стать такой! Если бы и я смогла совершить что-нибудь для лучшего будущего нашего народа... Но главное уже совершено! Можно посмеяться надо мной, глупой девочкой, и сказать: где же ты была тогда, когда борьба требовала и твоего участия? Да, где же я тогда была? Тогда я была слишком мала...»

Ни на минуту не сомневались мы в том, что слова относятся к «широкой зоне» валмиерских комсомолок. А оказалось, что девушка читает подруге запись из школьной тетрадки Иоганы Данилевич, тоже комсомолки.

— А разве она не пошла по стопам Мары Рунце? — спросили мы девушку.

Мара Рунце.

Фото А. Маршани.

— Не она, а мы, в том числе и Рунце, последовали по стопам Иоганы и ее соратников, тех самых героев, чьим именем названа наша средняя школа, из которой пришли мы на завод.

Выясняется: Иогана написала эти слова в 1919 году, когда в Латвии победила Советская власть, не подозревая, что через несколько месяцев она вместе с еще десятью коммунарами, оставшимися в Валмиере на подпольной работе, погибнет геройской смертью.

...В Валмиеру съехались ткачи стекловолокна со всей страны, соревновались, показывали друг другу новые приемы. Там мы увидели, каких масштабов достигла «широкая зона» — все родственные ткацкие фабрики страны взяли ее на вооружение.

Совсем недавно Валмиера избрала Мару Рунце депутатом Верховного Совета СССР. Среди избирателей были ее соученицы по школе, ее учителя...

Подвиги, дела и Иоганы Данилевич и Мары Рунце вошли в историю Советской Латвии. К слову сказать, многие из тех, кто творил эту историю, нынче пишут ее, преподают. Регулярно в Валмиере собираются на слет бывшие работники укома комсомола, подпольщики. Они посвящают нынешнюю комсомолию в прошлое славной Валмиеры. Проводят собрания, точь-в-точь такие, как в годы подполья. В Институте истории партии при ЦК КП Латвии в архивах хранятся подлинники протоколов многих собраний, в том числе и тех, которые в июльские дни тридцать лет тому назад, в год восстановления Советской власти в Латвии, проходили здесь. Между прочим, там же, в институте, работает тогдашний секретарь Валмиерского укома комсомола Милда Кандате. Теперь она историк. Человек вовсе не легкой профессии, потому что история Советской Латвии стремительна и богата событиями. Попробуй успеть за ней, если ее торопят такие энтузиасты, как Мара Рунце и ее подруги.

ЭСТОНИЯ

УЛИЦА 21 ИЮНЯ

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

В Эстонии нынче стоит такое же теплое лето, как тридцать лет назад. Я свидетельница событий того далекого лета. Я могу сказать: это для меня и для тысяч безработных парней и девчонок моего поколения, это для того, чтобы стали мы рабочими и учителями, инженерами и журналистами, чтобы не попали в тенета бизнеса и бездуховного мещанства, Коммунистическая партия Эстонии и эстонский рабочий класс восстанавливали Советскую власть.

Я могла бы рассказать, как пролетарская Нарва всеми цветами своих садов и полей, всеми цветами с окон кренгольмских рабочих бараков устлала дорогу войскам Красной Армии, потому что без этих краснозвездных войск любая попытка восстановления Советской власти кончилась бы расстрелами и тюрьмами.

Я могла бы рассказать, как 21 июня 1940 года таллинские рабочие вынесли на улицы и площади свои простреленные знамена 1905, 1917 и 1924 годов.

И про передел земли в эстонской деревне я могла бы рассказать. Только подробности установления Советской власти в Тарту как-то ускользнули от меня. Но именно в Тарту центральная улица названа именем 21 июня того далекого лета.

Итак, Тарту. Июль 1970. Мы с Брониславом Вырсе идем по центральной улице. Я слушаю его рассказ:

— Семья у нас рабочая, отец сапожником был, мать работала на маленькой фабричке валяной обуви. Мне-то, конечно, хотелось учиться, даже в гимназию поступил. Да откуда рабочая семья наберет денег на гимназистов? В шестнадцать лет пошел я на лесосплав, пильщиком был и лесорубом. Но все это работы сезонные, непрочные. А в 1934 году удалось устроиться на кожевенную фабрику. С этого-то года и началась у меня интересная жизнь. Рабочая, профсоюзная. Как в любой капиталистической стране, часть тартуских профсоюзов была подголоском буржуазии. А вот мой профсоюз кожевенных рабочих теперь, по прошествии 30 лет, с гордостью назову школой коммунизма. Фабрика наша была красная, в вожаках у рабочих ходил тоже красный — Освальд Хирш, его в 1941 году фашисты расстреляли. Знаете, чем мы у себя в профсоюзе занимались? Старались оградить наших товарищей от влияния буржуазной идеологии. Слушали лекции о капитализме и борьбе с ним. «Капитал» читать, конечно, сами не могли, но лекции о нем тоже слушали. Выступали за солидарность с борющейся Абиссинией, с республиканской Испанией. Устраивали забастовки протеста. Помогали семьям политических ссыльных. Помните, в Кохтла-Ярве была забастовка шахтеров, около месяца они бастовали, мы собирали средства для них и привлекали к делу классовой солидарности других тартуских рабочих. Изучали жизнь Советского Союза, и оттого, что он креп и рос, мы сами становились смелее и крепче.

И вот наступил он, день 21 июня 1940 года. Утром мне передали, что меня ждут на улице Тяхе, в рабочем доме. Я поспешил туда и застал там коммунистов Пауля Кеердо и Нееме Рууса. Известные в республике люди, они были непримиримыми врагами буржуазии. Они передали мне партийное поручение: быстро созвать на митинг на Ратушную площадь рабочих. Схватил я такси и по дороге продумал свою короткую речь. Ее и произнес на строительстве элеватора: «Товарищи! — сказал я каменщикам.— Настал час и нам по примеру русских рабочих создать свое рабочее государство, прогнать правительство поджигателей войны и соглашателей. Все на митинг на Ратушную площадь!»

Зашумели каменщики, посбрасывали свои передники и рукавицы, ринулись на Ратушную. А я дальше, на фабрику Узванского, это уже побольше было предприятие, человек 300 рабочих. Как собрать их в одно место? Вдруг словно осенило меня: бросился в котельную, дал сигнал пожарной тревоги, народ и высыпал из цехов. «Остановите фабрику, прекратите работу, пойдем на митинг на Ратушную площадь»,— начал я свою речь. А продолжать и не надо было, кто-то кончил за меня: достаточно, мол, гнули спину на хозяев, пора и за ум браться.

Я тогда объехал с десяток предприятий, а потом примкнул к своей колонне — кожевников. Видим, правые профсоюзники тоже вышли со своими желтыми и синими флагами. Мы потеснили их. «Уберите,— говорим,— свои цветные тряпочки, сегодня красный день». Идем вот по этой узенькой улочке. Тогда это была улица Кююни — Сарайная, а позже ее для важности в Рыцарскую переименовали, и на ней квартировал наш главный враг: «По-по» — так мы политическую полицию звали.

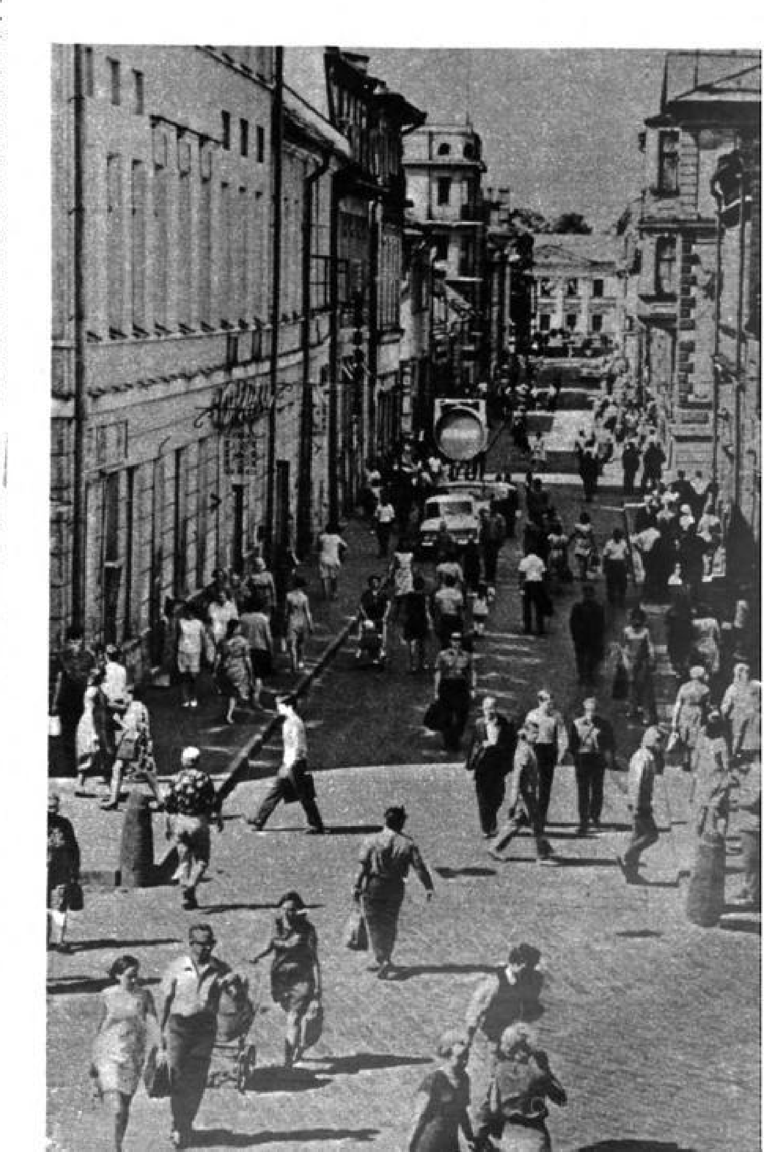
На площади — оборудованный под трибуну грузовик, Пауль Кеердо выступает, наш Освальд Хирш, Виктор Хинон. Загремели в городе митинги. На другой день все рабочие опять собрались на Ратушной площади. Было ясно, что народ уже решил свою судьбу, и в знак этого мне поручили наше красное знамя профсоюза кожевников водрузить на Ратуше. Ну, конечно, университетские корпоранты, сынки кулаков и помещиков-немцев попытались знамя снять. Однако рабочие выставили у знамени караул. И пошли у нас великие перемены. Я из рабочих директором своей фабрики стал... А эту самую бывшую Рыцарскую улицу мы в июле 1940 года, когда установили в Эстонии советскую государственность, переименовали и назвали ее улицей 21 июня — в честь дня народного переворота, в знак освобождения от буржуазии и ее политической полиции.

...Прошел год новой жизни, и коммунист Бронислав Вырсе пошел на войну с гитлеровцами. А сразу после войны восстанавливал Советскую власть в Тарту — был председателем горисполкома. Теперь он работает директором тартуского треста «Спецсельхозстрой»: 400 объектов — вот поле его деятельности. Половина сельских новостроек Эстонии возведена этим трестом.

А улица 21 июня по-летнему пестра, и весела, и полна нарядных молодых людей — она ведь проходит рядом с университетом, в котором народ учит своих детей, всех, кто способен и хочет учиться.

Тарту, улица 21 июня.

Фото В. Сальмре.

«ВО ВСЕХ СТОЯЩИХ ПЕРЕД НАМИ ПРОБЛЕМАХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, БЕЗУСЛОВНО, ВЕСЬМА ВЕЛИКА РОЛЬ НАУКИ».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на июльском Пленуме ЦК КПСС.

Новый хлеб

Николай БЫКОВ

Фото Л. Шерстенникова и А. Гостева.

...Слухом земля полнится,— и снова добрые вести позвали на Кубань, и снова предстоит хотя бы вкратце рассказать о последних работах трех кубанских ученых, гигантов отечественной селекции. Их имена широко известны и у нас в стране и за ее рубежами: Василий Степанович Пустовойт, Павел Пантелеймонович Лукьяненко и Михаил Иванович Хаджинов. Академики. Лауреаты Ленинской премии. Герои Социалистического Труда (В. С. Пустовойт — Герой дважды.) Авторы новейших сортов подсолнечника, озимой пшеницы, кукурузы. Авторы нового хлеба. Без прочной основы, которую составляет зерно, немыслимо дальнейшее развитие животноводства и сельского хозяйства в целом. На июльском Пленуме ЦК КПСС поставлена задача довести среднегодовой сбор зерна в предстоящем пятилетии до 195 миллионов тонн. Предстоит существенно повысить урожайность зерновых в каждом хозяйстве.

С новым хлебом, Родина! С новой славой!..

...На Кубани, да и не только в этом благодатном высокоразвитом крае, все работы в полеводстве давно механизированы, и уровень механизации в пшеничной степи давно достиг почти ста процентов. Но сегодня, как и всегда, хлеборобы озабочены судьбой нового урожая. Годы с засухой и пыльными бурями сменились дождливым, ветреным летом 1970 года. А хлеба кубанцами выращены отменные! Биологический урожай, определенный колхозными агрономами, небывало высок. Каким-то будет урожай амбарный?.. И вот с первых же дней уборки в степь вышли все, кто свободен от иных неотложных дел в саду, на кукурузных и свекловичных плантациях. С огромным нетерпением, со святой жадностью двинули в поля машины комбайнеры. Первым свалили ячмень. И тогда-то на подборку валков, пользуясь каждым погожим окном, вышли их товарищи, жены, матери, сестры. Ибо вырастившие хлеб знают, как долог путь нового зерна от кабинета селекционера, от его бесчисленных делянок до бескрайной нивы. Как же он долог, этот путь...

1

...Василий Степанович Пустовойт — старейшина наших селекционеров и самый, пожалуй, удачливый, счастливый творец новых сортов подсолнечника. На этот раз мне не удалось встретить его в поле, среди рослых зеленых питомцев. Василий Степанович заболел, но забыть ли встречу с таким человеком, если даже и была она четыре года назад? Высокий и прямой, он молча проходил вдоль бесчисленных рядов созданных им растений. Шаг за шагом. А я пытался рассмотреть годы и годы каждодневного труда, постичь великий дар интуиции и методы отбора, выработанные на основе глубокого знания природы бывшего иноземца, «цветка Перу». А можно, можно все это увидеть в пустовойтовском подсолнечнике. Сейчас я припомнил: совсем еще молодого Василия Степановича когда-то не взяли в армию из-за того, что определили: близорук... Но каким же зорким оказался этот человек, умеющий и сейчас, на девятом десятке лет, разглядеть то единственное растение в его живой коллекции, которое поможет еще более повысить вес золотой корзинки, прибавить еще хотя бы десятую процента масличности семян... А ведь высокомасличному подсолнечнику, детищу В. С. Пустовойта, едва ли сорок лет. Уметь получить заветное при жизни — это ли не счастье! И счастье то, что вот сейчас, в дни, когда нездоров ученый, вдоль делянок с подсолнечником будущего проходит его друг и помощник, дочь Галина Васильевна. Наследница... Автор работ сложнейших и многообещающих...

Тысячелетия назад человек — и тогда уже осознанно, хотя и ощупью — приступил к переделке природы. До сих пор он не выпускает из рук волшебного ключа — метода отбора. Отбор, отбор всего лучшего, всего ценного, отбор единственного из тысячи вариантов, предлагаемых природой. Но теперь уже и не только природой, теперь человек сам себе предлагает тысячи вариантов, комбинаций, родительских пар, подбираясь (и с каждым годом все ближе!) к тайне тайн — управлению наследственностью.

Галина Васильевна говорит об отце: «Вечно неудовлетворен, жестоко требовательный к себе, вся жизнь его в семечке задуманного сорта. Именно задуманного, потому что отец всегда отлично знал генетику, и его сорта — не случайный подарок ветра, переопылившего два разных растения». Метод, разработанный Василием Степановичем, и сегодня плодотворен.

В нашей стране сеют очень много подсолнечника — до шестидесяти процентов мирового посева! Это значит, около пяти миллионов гектаров. Так вот почти все они — девяносто процентов — заняты сортами В. С. Пустовойта. А в Болгарии ими заняты все площади подсолнечника.

С чего начинал Василий Степанович? С подсолнечника, у которого ни роду не было, ни племени, а масличность достигала едва ли 25 процентов. Но уже в 1927 году он создал сорт с масличностью до 36 процентов. Когда лет двенадцать назад его «Передовик» и «Смена» дали до 51—52 процентов, все справедливо сочли победу окончательной. Шутка ли, больше половины веса семян — чистое масло! Но Василий Степанович уже овладел выработанной им «методой» и шел все дальше вперед. Он не знал покоя, не знает его и сейчас. В 1964 году был районирован «ВНИИМК-309» с масличностью до 55 процентов!

И вот последняя новость: Василий Степанович Пустовойт получил перспективные сорта с масличностью до 60 процентов! А на подходе — вот они, эти богатырские делянки — номера, образцы лучших его растений, в которых содержание масла достигло фантастической величины — 64 процента!..

Я от многих людей в Краснодаре, в кубанских колхозах слышал восторженное:

— Возьмешь семечко, чуть надавил — и масло! Только чуточку, вот так — и масло! Каплища вот такая!.. Кажется, тиснешь корзинку, так из нее и потечет... Золотой старик!

О чем же думает старый, безмерно уставший в поле селекционер? Быть может, достигнутое — предел? Вряд ли. Каждый, кто побывает в Круглике — на зеленой окраине Краснодара,— увидит, как много делянок в институте масличных культур, растений, требующих тщательных анализов, поправок, осторожных направляющих толчков — и будут, будут новые сорта. Процесс поиска необратим, он идет теперь не вширь, а вглубь, человек овладевает молекулярной биологией — кладезь этот неисчерпаем! Вот почему до заката не покидают знойного поля Галина Васильевна Пустовойт, все соратники великого селекционера. А сам он думает, как и встарь, о крестьянах, о колхозниках. Его мысли не только о новинках в селекции, но и более приземленные — о сортообновлении подсолнечника. Он всегда яростно хлопотал о судьбе своих сортов, потому что высокая масличность дорога ему не столько во время конкурсных испытаний, сколько на маслозаводе. Выход масла с гектара — вот чем озабочен селекционер. Такой уж он, Василий Степанович...

Только благодаря системе обновления семян, разработанной В. С. Пустовойтом, последние двадцать лет масличность подсолнечника, поступающего на заводы, неуклонно поднимается каждый год на один процент! Все тот же золотой процент, который в нашей стране — помните? — весит 50 тысяч тонн! Прибавка за счет селекции и семеноводства, его, пустовойтовская прибавка! Дар удивительного таланта и удивительной трудоспособности.

Несколько лет назад Василий Степанович сказал мне негромко и твердо, как давно продуманное, совершенно очевидное:

— Когда много лет учишься и много лет работаешь, то начинает получаться...

Поразительный итог жизни. Не творил, не подвиги свершал этот человек — учился. Много лет учился. У кого? Очевидно, у природы, у жизни, у самого себя, упрямо шедшего через годы и годы открытий, потерь, обид, труда и новых открытий. И все-таки больше всего учился, конечно, у природы. Он не боролся с ней — он познавал ее, великий мастер, старейшина сегодняшних советских селекционеров.

Между прочим, в этом подходе сказалась школа Николая Ивановича Вавилова. Его в Круглике любили, он, тогда еще молодой, очень деятельный, не однажды приезжал сюда. И всем запомнился страстным стремлением непременно поделиться своими знаниями. До сих пор наши селекционеры стартуют от грандиозных запасов растений, собранных Н. И. Вавиловым. А какими урожайными и морозоустойчивыми оказались принципы, разработанные Николаем Ивановичем! Именно они помогли и помогают науке одолевать антинаучную бездарь. Это и есть школа. Ее наверняка имел в виду В. С. Пустовойт, когда сказал: «Когда много лет учишься...»

2

Только что побывав в Краснодаре и узнав о новых достижениях В. С. Пустовойта, П. П. Лукьяненко, М. И. Хаджинова, я еще и еще раз убедился, что наше время, замечательное многими человеческими свершениями, запомнится еще и тем, что именно в последние годы на наших глазах наука стала производительной силой. Производительной! Сбылась мечта В. С. Пустовойта — мы имеем сорта, которые скоро дадут нам по 12 и более центнеров мас-

Василий Степанович Пустовойт.

Павел Пантелеймонович Лукьяненко.

Михаил Иванович Хаджинов.

ла с гектара. Наука дает прибыль. И, конечно же, прежде всего такая древнейшая наука, как селекция. Сегодня она базируется не только на «наметанном глазе», на интуиции и культуре, выработанной практикой, но и на достижениях современной генетики, на молекулярной биологии. Сегодня селекция—наука точная. Как математика, физика... Человек изучает процессы, протекающие в живой клетке, причем изучает их на молекулярном уровне. Он отныне в силах не только отбирать, но и программировать выдающиеся растения, растения с заданными качествами. На этот путь встали еще Л. Бербанк и И. В. Мичурин, его торил Н. И. Вавилов и его стойкие последователи. Этим путем идут сегодня наши селекционеры. Селекционер-ваятель зачастую сам лепит, формирует будущие сорта, отсекая все лишнее, ненужное от бесчисленного числа растений из предварительного селекционного материала.

Цель стара, как мир! Цель — получить новое растение. Получить новый хлеб. А хлеб, он, как говорится, всему голова.

В глубь веков уходят первые сведения о хлебопашестве. Зерна пшеницы найдены в древнейших могильниках. Об урожаях пшеницы говорится в одах Горация, жившего более двух тысяч лет назад. О жницах, которые белую сеют муку для сладостной вечери, писал в «Илиаде» Гомер. Один из героев древнерусского эпоса—землепашец Микула Селянинович. Когда не оставалось хлеба в осажденных крепостях, они сдавались. Доброе зерно — богатство государства.

К. А. Тимирязев как-то заметил, что мы не обращаем внимания на самые замечательные факты только потому, что они слишком обыкновенны. Многим ли действительно приходила в голову мысль, что ломоть хорошо испеченного пшеничного хлеба составляет одно из величайших изобретений человеческого ума?..

Мечта получать хлеба как можно больше зародилась, быть может, так же давно, как мечта о полете к звездам. Задачу о двух колосьях там, где рос один, К. А. Тимирязев считал самым жгучим, самым коренным политическим вопросом своего времени. Таким он остается и сегодня. В постановлении июльского Пленума ЦК КПСС «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства» говорится: «Ключевой проблемой по-прежнему остается рост производства зерна».

Имя Павла Пантелеймоновича Лукьяненко навсегда связано с повсеместно известной «Безостой-1». Эта озимая пшеница помогла серьезно улучшить зерновой баланс в нашей стране. «Безостая» Лукьяненко за рекордно короткое время заполонила более 6 миллионов гектаров. Случай беспрецедентный. Кроме того, более 3 миллионов гектаров отдали ей в братских социалистических странах Европы. Например, в Болгарии — до 81 процента площадей, занятых пшеницей!

...Поймать, а тем более разговорить Павла Пантелеймоновича весьма сложно. Не помог и его соавтор, начинающий селекционер Юрий Пучков. Юрий Михайлович тоже человек, занятый своими делянками. Но от паломников в Краснодарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства ни маститому, ни начинающему никуда не деться. Посланцы ближних и дальних колхозов, районов, областей приезжают почти каждый день за советами и, главное, за семенами новых сортов. Прослышали! Новые сорта — это «Аврора» и «Кавказ», они призваны побить рекорд «Безостой-1». Призваны самими селекционерами.

— Самое трудное для селекционера — преодолеть себя, перешагнуть через свое детище,— говорил мне почти на ходу о своем учителе Юрий Пучков. А я подумал, как хорошо, что именно это в высшей степени человеческое качество подметил ученик у своего учителя. В самом деле, урожайность «Безостой-1» до сих пор побивается с превеликим трудом. А ведь автор ее, создатель — один и тот же человек! Ему бы радоваться, пожинать плоды потрясающей удачи всей его жизни, а он старается, всеми силами старается побить «Безостую-1», затмить ее популярность да еще призвал на помощь молодого кандидата наук Ю. Пучкова.

Им удалось это сделать. «Безостая-1» повержена. Пока еще не в хлебной степи, но на делянках, на полях государственных сортоучастков, на колхозных полях у друзей-бригадиров. Все-таки повержена. На пьедестале победителей — «Аврора» и «Кавказ». Сразу два сорта — и в этом тоже сенсация. Хотя именно элемента сенсационности больше всего опасается П. П. Лукьяненко. Он категорически противв суесловия. Что ему до «шумного света»! Он идет дальше — даже дальше новых, едва народившихся «Авроры» и «Кавказа»...

Сейчас новые сорта «Аврора» и «Кавказ» проходят широкие производственные испытания. Я видел отличное поле «Кавказа» в знаменитой четвертой бригаде ордена Ленина колхоза «Кубань» — у Героя Социалистического Труда Михаила Ивановича Клепикова. Его поля П. П. Лукьяненко назвал лабораторией новых пшениц. Я слышал, как дорожат обычно селекционеры каждым зернышком нового сорта. Просят-то все! Всем бы дал новых семян, но только имеет ли право селекционер давать их всем? Когда речь идет о производственном испытании, о размножении элиты, тут хлебороб должен быть на высоте. Он не просто повивальная бабка, он первым принимает дитя научной лаборатории. От его хлеборобского отзыва многое зависит. Тут ситуация, наверное, сродни той, что бывает, когда конструктор передает новую машину летчику. Летать летчикам, а не конструктору. И сеять хлеб хлеборобам на миллионах гектаров, а не ученым на делянках. Так вот М. И. Клепикову автор лучших советских пшениц доверяет.

Коротко об «Авроре» и «Кавказе» можно сказать следующее. Поражает прежде всего сам колос той и другой. Зерна в таком колосе намного больше, чем у контроля — у «Безостой-1». Вес 1 000 зерен — 45 граммов! Новые сорта интенсивного типа. Что это значит? Максимальный эффект они дают только при высокой агротехнике. Такое условие поставил П. П. Лукьяненко перед колхозниками. Эта особенность очень существенна: сорта заранее рассчитаны на самое внимательное, хозяйское к ним отношение. Они отзываются только на хорошее обеспечение питательными веществами и влагой.

Прошлый год на Кубани был нехарактерным, ураганы с морозами сорвали производственную проверку на значительных колхозных площадях. Из выстоявших пшениц почти вся была (более 90 процентов!) сорта «Безостая-1». И вот в такой-то год «Аврора» в институте дала прибавку по сравнению с контролем почти 7 центнеров на гектаре, «Кавказ» — до 4,5 центнера. А перспективнейший сестринский сорт «Безостая-2» — до 8 центнеров! «Аврора» лучше перезимовала — так скромно о самом главном сказано в годовом отчете. А ведь изучались, сравнивались одновременно 28 сортов! Но «Безостую-1» побили только пять из них, только пять... В том числе и два сорта, вышедшие нынче на испытания в колхозную степь,— длинноколосые «Аврора» и «Кавказ».

Как проходят широкие испытания? Второй год новые пшеницы высеваются во многих областях и республиках, а также за рубежом. Всюду они занимали первое место по урожайности. И на юге Краснодарского края, в предгорной зоне, и на орошаемых землях Средней Азии, и на Украине, где урожаи составили 60—70 центнеров. А в Болгарии, Венгрии прибавка урожая составила 7,8 центнера у «Кавказа» и 9,2 центнера у «Авроры». В Югославии — даже 14 с лишком центнеров!

«Аврора» и «Кавказ» продемонстрировали достаточную устойчивость против распространенной болезни — бурой ржавчины. Значит, сорта идеальные? Пока нет, Юрий Пучков говорит, что есть у них «слабина — невысокая засухоустойчивость». Поиск продолжается!..

И еще одна очень интересная

работа у П. П. Лукьяненко — с полукарликовыми пшеницами. Давно замечено, что урожаи за 30 и 40 центнеров нашими комбайнами убирать нелегко. Слишком велика хлебная масса, которую должна на достаточной скорости поглотить, переработать машина. Когда-то солома представляла не меньшую ценность, чем хлеб. Времена и отношения к злаку меняются. Во всем мире селекционеры (конечно же, и П. П. Лукьяненко) давно уже мечтают посадить пшеничный колос на короткую соломинку.

Я попросил Павла Пантелеймоновича показать полукарликовую. Он охотно провел к делянкам короткостебельных пшениц. Многие номера уже включены в конкурсные испытания. Есть уже такая пшеница, которая дает на 3,5 центнера больше контрольной, то есть при короткой соломине, при небольшой массе растения достигнута повышенная урожайность. Такую пшеницу ни дождь, ни ветер не повалят. А дает она, пока безымянная и не выпущенная с поля ее творца П. П. Лукьяненко, до 80 и более центнеров зерна с гектара. Разумеется, пока в пересчете на гектар. Еще работы много, и говорить о новинке рано... Для нас важно другое: снова Лукьяненко против Лукьяненко, и, кто знает, как долго «Аврора» и «Кавказ» продержатся на пьедестале победителей... Селекционер по-прежнему сам ставит на своем пути новые и новые барьеры. Победа требует огромной биологической эрудиции, зоркого глаза, знания тончайших особенностей родительских пар, их родословной в самом глубоком (молекулярном!) генетическом смысле этого слова.

Павлу Пантелеймоновичу некогда, Павел Пантелеймонович коротко и несколько наставительно перечисляет задачи, стоящие перед отделом селекции пшениц:

— Главное — повышение урожайности. При этом особое внимание такому качеству, как устойчивость против болезней. Затем — добиться зимостойкости, особенно важно для северных районов. Ну, и низкий стебель... А также сорта для орошаемого земледелия. Идем к новому несколькими путями. Скрещиваем географически отдаленные формы. Сочетаем старые, испытанные методы селекции с новыми, которые оказались весьма и весьма эффективными.

— Можно ли сказать, что сейчас селекционеру легче добиться желаемого?

— Вряд ли легче... Вопрос следует поставить иначе. У нас не только методы познания природы теперь иные. Совершенствуется теория, совершенствуется лабораторное оборудование, это особенно важно. Богаче селекционный материал, то есть сейчас у нас под руками огромный выбор форм. Значительно больший, чем еще тридцать лет назад. Но и задачи усложняются. Не забывайте, мы старались перейти рубеж в двадцать, а теперь надо одолеть пятьдесят, шестьдесят, даже семьдесят центнеров на каждом гектаре...

Значит, задача получить два колоса там, где рос один, решена? Кажется, так. Но не стало легче селекционерам. Хлебная индустрия требует новых сортов. И Павел Пантелеймонович, распрощавшись, уходит к оставленным всего лишь на минутку своим делянкам. Высокое солнце немилосердно. Но где-то погромыхивает. Лежат пшеницы, не выдержавшие испытания жизнью. Академик проходит мимо — они для него умерли задолго до жатвы. Он медленно, грузно уходит к любимчикам, к тем пшеницам, что люди скоро назовут новым хлебом.

3

Уезжая со Славенского госсортоучастка, П. П. Лукьяненко пошутил, что с ним бывает редко:

— Ну, желаю, чтобы пшеница догнала по урожайности кукурузу!..

Пошутил ли? Урожай кукурузы здесь в прошлом году составил 80 центнеров. А мы уже знаем, что для новых пшениц Лукьяненко 60—70 центнеров с гектара — это реальность. Нет, не шутил селекционер. Мне кажется, он просто ненароком поделился новой мечтой...

А кукуруза и впрямь стоит сейчас повсюду на Кубани великолепная. Помните «Песнь о Гайавате»?

И не кончилося лето,
Как в своем уборе пышном,
В золотистых мягких косах
Встал высокий стройный маис...

Михаил Иванович Хаджинов посвятил жизнь кукурузе, самому, пожалуй, загадочному растению на планете. Первыми селекционерами ее были древние народы Америки — ацтеки, инки и другие. С тех давних пор человек совершенствует кукурузу. Это растение перекрестноопыляющееся, то есть мужские и женские соцветия у него раздельны, что позволяет широко использовать гибридизацию (скрещивание). Однако наука гибридизации сравнительно молода. Веками соблюдалось одно правило: сыпь, подмешивай, болтай, что-нибудь выйдет другое. Именно этими словами характеризовал науку гибридизации И. В. Мичурин в начале своей деятельности. В чем же польза скрещивания разных растений? По словам Ч. Дарвина, природа самым торжественным образом заявляет нам, что она испытывает отвращение к постоянному самооплодотворению. И тут, коли речь зашла о подвижниках отечественной селекции, нельзя не вспомнить Ивана Васильевича Кожухова. Он гениально использовал именно то, чего боится природа,— самооплодотворение, самоопыляющиеся растения кукурузы. Такая выродившаяся кукуруза, оказалось, стойко, консервативно сохраняет наследственность (умирая, не сдается!). В этом-то и вся штука. Скрещиваются не просто растения, а специально угнетенные, нежизнестойкие. Переопылив два таких ослабленных самоопыленнем растения, селекционер получает необычный гибрид — его урожайность носит прямо-таки взрывной характер. Прибавка до тридцати и более процентов! Такие гибриды назвали межлинейными. Известные у нас сорта являются двойными межлинейными гибридами, их авторы — лауреаты Ленинской премии Г. С. Галеев и М. И. Хаджинов, ученики Кожухова.

Значение работ Михаила Ивановича Хаджинова еще в одном. В скрещивании кукурузы участвует лишь пыльца отцовских растений. Но ведь свою пыльцу дают и материнские! Чтобы получить гибрид, все метелки с материнских растений тщательно удаляют. Операция несложная, но весьма и весьма ответственная, от нее зависит урожай. Хорошо бы от добавочного труда избавиться. Как? Нужно было получить стерильные материнские растения, не способные к самооплодотворению, так как к взрыву урожая ведет только чужая пыльца. Михаил Иванович Хаджинов добился получения таких растений. Генетика способна и на такое! В настоящее время М. И. Хаджинов уже перевел на стерильную основу 13 районированных гибридов! Теперь экономятся тысячи и тысячи рабочих человеко-дней.

Но может ли селекционер, вообще ученый остановиться? Нет, конечно... Мы встретились с Михаилом Ивановичем опять-таки не в поле, а во дворе больницы, но ничем этот энергичный, никогда не знавший покоя человек не напоминал больного. Так, недомогание, помеха в разгар лета: «Ох, уж эта медицина!..»

Михаил Иванович, так же, как и П. П. Лукьяненко, избегает давать интервью — все еще в работе. Конца работе не видать, и тут не до печати... Однако не рассказать о новой кукурузе он просто не мог. Не мог! А кукуруза-то действительно новая, какой на свете не было, какую мать-природа и не задумывала. Задумал человек.

Итак, академик М. И. Хаджинов подставил лицо солнцу, прикрыл уставшие глаза (только что закончил статью для журнала «Кубань») и приступил к рассказу. Вкратце все выглядит так.

В наши дни основная проблема в развитии животноводства — кормление, качество корма. В сегодняшних кормах мало белка. Белок нужен очень, но не любой, а высококачественный.

Ячмень и кукуруза — основные виды корма — имеют неполноценный белок. К ним нужны добавки: горох, люцерна и т. п. При недостатке зернобобовых ущербное кормление одной кукурузой ведет к потере привесов. Более того, несбалансированные по белку корма означают заведомый перерасход их на единицу привеса. Вот откуда высокая себестоимость мяса.

Прежде чем сказать, в чем выход, уясним природу белков. Белок кукурузы состоит из четырех фракций, одна из них — зеин. Но белок белку рознь. Кормовую ценность его, в свою очередь, определяют аминокислоты. Так вот зеин не содержит таких ценнейших аминокислот, как лизин и триптофан. Давно замечено: сколько ни добивайся повышения белка в кукурузе, толку мало — повышение это идет за счет увеличения именно зеина.

Селекционеры увлеклись стремительным ростом урожайности гибридов. И забыли о лизине. Да и не были до последнего времени наши селекционеры достаточно вооружены теоретически и технически, чтобы изменить низкобелковую природу кукурузы.

Теперь иное дело. Со временем узнали, что качество безбелковости кукурузы из поколения в поколение передается особыми генами. Но бывают и отклонения. Бывают нарушения в аппарате наследственности. Тогда на свет появляются «уродцы» — растения почти без зеина. Итак, ненормальность, вызванная изменениями в генетическом аппарате, может быть и полезной! Вот он, выход, подсказанный генетиками.

В 1963 году были обнаружены мутанты кукурузы (уродцы, отщепенцы, их давно ждут животноводы), в которых биохимики обнаружили ген, уменьшающий содержание зеина. Гену дали имя «Опейк-2». Он-то и ведет к увеличению лизина. На 70 и даже на 100 процентов больше! Значит, будет и кукуруза высокобелковым кормом? Будет. Высоколизиновая, как назвал ее М. И. Хаджинов.

М. И. Хаджинов приступил к созданию высоколизиновых аналогов тех самых гибридов, которые давно завоевали славу своими урожаями. Он хочет получить гибриды вроде бы те и не совсем те. Как это понять? Они сохранят высокую урожайность, но теперь их еще как бы насытят геном «Опейк-2». Растения (линии), выделенные только по этому признаку, содержат лизина на 100 граммов белка вдвое больше, чем обычная кукуруза. Вдвое!

Редки ли в природе формы с нужным геном? Нет, говорят, не редки. Значит, слово за селекционерами. М. И. Хаджинов и его помощник Константин Зима разработали схему создания новой кукурузы. Путь — строго направленные скрещивания, насыщающие аналогов в течение 5—6 поколений геном «Опейк-2». Селекционеры торопятся. Они используют теплицы и получают два поколения в год. Одновременно на уровень мутаций «Опейк-2» переводятся сто самоопыленных линий. В лаборатории оценки изучено уже свыше 600 номеров (образцов) кукурузы, они представляют собою плоды различных комбинаций, скрещиваний между высоколизиновой кукурузой и ценными линиями. А ведь четыре года назад, в 1966 году, исходный материал — мутанты, носители уродства — составлял едва ли более 100 зерен!

— Мы нынче заложили участки гибридизации на ста семидесяти гектарах,— говорит М. И. Хаджинов,— с тем, чтобы поскорее собрать семена новой кукурузы, двинуть ее в колхозы. Хорошо бы засеять ими в будущем году тысяч двадцать гектаров! Уже сейчас испытываем двадцать пять гибридов в пяти пунктах края. Высоколизиновая кукуруза прошла проверку. Сначала на белых крысах, потом поставили на откорм свиней. Кормили нашей кукурузой — и никаких добавок бобовых! Опыт шел сто двадцать дней. Довели свиней до веса в сто двадцать килограммов! Но это опыт. Сейчас четыреста свиней на откорме в производственных условиях. Кукуруза, содержащая незаменимые аминокислоты, чудеса делает!

И Михаил Иванович показал расчет экономической эффективности его новой селекционной работы. Если новая кукуруза заменит препарат лизина, а он стоит дорого, то экономия составит более 100 миллионов рублей в год (это при посеве высоколизиновой кукурузы на 5 миллионах гектаров при урожае хотя бы 35 центнеров). Если же заменить горох, которого обычно надо бы добавлять (да нет его!) в объеме 15 процентов к скармливаемой кукурузе, то экономия составит около 340 миллионов рублей, так как горох стоит что-то рублей 200 за тонну, а тонна высоколизиновой кукурузы будет стоить не дороже 70 рублей. А вот расчет выхода мяса: каждый гектар высоколизиновой кукурузы при скармливании даст мяса на 65—70 килограммов больше, чем обычная.

Но это проблема не только для кукурузы. На очереди — высоколизиновые ячмень и пшеница.

* * *

Фантастически увлекательна работа селекционеров. Есть ли более счастливые люди, чем те, кто изменяет природу растений?! Нить подлинного творчества связывает слепые поиски ацтеков, инков, жителей Древнего Египта с нашими современниками-селекционерами. Эта нить прошла через руки Н. И. Вавилова, собравшего растениядички со всего света для коллекции Всесоюзного института растениеводства. В народе давно живет формула творчества: по щучьему велению, по моему хотению!.. Все начинается с, казалось бы, несбыточной мечты, с надежды на «чудо». Но как только зажглось страстное желание овладеть несбыточным, новизной, сразу же вступает в силу закон, выраженный второй частью формулы: ...по моему хотению! И тут уж начинается творчество. Человек не уповает на природу, а материализует свое хотение, дерзость первооткрывателя и конструктора новых форм растений, животных, новых моделей жизни во всех ее проявлениях. Таков человек! Такова реальность и наших дней, когда наука стала силой производительной. Ее пароль: новое во всем!

СТРАНИЧКИ
ИЗ ПОЛЬСКОГО
БЛОКНОТА

«ЗДЕСЬ НАШ ДОМ!»

Недавно почтовые отделения польского побережья Балтики ставили на письмах особый штамп: «999 судов построены в Польше после второй мировой войны». И среди них — «Зигмунт Старый», который проводили в первый рейс щецинские судостроители.

Фото Станислава Мороза
(ЦАФ для «Интерпресс»).

Новелла **ЦВЕТКОВА**

Здесь — это значит на Одре и Нисе-Лужицкой, на исконных пястовских землях, на месте древних поселений славян.

После кровопролитной войны с немецким фашизмом к Польше вернулись ее древние Западные и Северные земли, разоренные и безлюдные. Только огромная любовь народа и сознание, что возвращение сюда — событие историческое, позволили при жизни одного поколения преобразить край, проделав труд гигантского масштаба. Ныне здесь живет около девяти миллионов и производится более одной трети всей промышленной продукции страны.

Есть у этой вновь обретенной земли еще одна особенность — ее называют землей молодежи: более сорока процентов жителей не достигло еще 25 лет.

В канун большого национального праздника страны — Дня возрождения Польши — мы публикуем репортаж нашего корреспондента, побывавшего в Щецинском воеводстве.

Спальный вагон поезда Варшава — Щецин молниеносно захватили путешественники. И только в моем купе, неправдоподобно узком, напоминающем трехъярусный пенал без крышки, отчего-то еще пустовали два места. Но едва поезд тронулся, в купе появилась молодая женщина в модных красных сапожках, с дорожной сумкой в руках. Быстро и деловито она устроила вещи, ловко, по-пластунски вползла на верхнюю полку и, включив крохотный ночник, зашуршала бумагами. Одна из них, слетев, опустилась ко мне на подушку. «Тезисы выступления на активе Союза польских студентов»,— нечаянно прочитала я и, протянув соседке листок, поинтересовалась, не из Щецина ли она.

Мне повезло, потому что Богуслава Реннель (так звали мою попутчицу), во-первых, оказалась щецинкой, во-вторых, была членом городского комитета Союза польских студентов, в-третьих, она ни чуточки не хотела спать и потому стала первой жительницей Щецинского воеводства, у которой я получила интервью.

Биография семьи Богуславы оказалась, как я потом убедилась, типичной для тех, кто живет сегодня на этих стародавних польских землях. В сорок пятом ее отец, как и тысячи других, таких же полуголодных и плохо одетых людей, приехал сюда и увидел одни руины.

Гауляйтер Поморья Шведе-Кобург любил повторять, что «немецкий город Штеттин навсегда останется вернейшим оплотом Гитлера и никогда не будет славянским». Заслышав гром канонады наступающих советских и польских войск, он отдал приказ вывести из строя все мосты, портовые сооружения, судоверфь. Он приказал также собрать уцелевших в городе поляков, вывести за город и расстрелять. Только сто пятьдесят жителей польского происхождения — в городе, где до войны было 270 тысяч жителей,— встречали освободителей...

Казалось, жизнь навсегда ушла с этих улиц. Но люди, те, что пришли сюда, заставили ее вернуться. Да, прошлое родного края Богуслава узнавала не из книг. Это была жизнь ее семьи, ее детство и юность.

— Ну, а теперь, что такое Щецин сегодня?— поинтересовалась я.

— Видите ли, по образованию я экономист,— принялась объяснять мне пани Богуслава,— и для нас сопоставление показателей хозяйственного развития довоенного и послевоенного времени, или так называемый баланс открытия, уже давно составлен. Сразу же после освобождения города было подсчитано, что уцелело, а что погибло. А позднее для сравнения, проще было перечислить, чего здесь не было до сорок пятого года. Не было химического комбината и заводов электроники, не строились суда грузоподъемностью в девятнадцать тысяч тонн. Прежде в Щецине не было ни одного вуза, а сейчас их пять. А знаете ли вы, например, что тут, на Западных землях и Северных зарегистрирован самый высокий в стране прирост населения, что здесь особенно много читают газет, журналов, книг, ходят в кино, театры, на концерты?..

— Но все-таки Варшава есть Варшава,— коварно заметила я,— и, наверное, если бы представилась возможность, пани охотно переехала бы в столицу...

— Ни в коем случае! — горячо возразила она.— Я люблю этот край, свой город. Здесь я выросла, вышла замуж, получила образование, тут у меня родился сын. Это же мой дом, а разве бывает где-нибудь человеку лучше, чем в его родном доме!

И вот я брожу по улицам древнего польского города, мимо домов, построенных немецкими бюргерами по образцу и подобию берлинских строений прошлого столетия. Город, казалось, поднялся из моря, и, судя по многочисленным путеводителям, 350 тысяч щецинцев прямо или косвенно живут за счет морской торговли, судостроения, морского рыболовства, морской службы. Как же я была поражена, узнав о том, что 90 процентов тех, кто работает сегодня в порту или рыбачит, еще совсем недавно были людьми абсолютно сухопутными. Долгие годы пахали они землю, рубили лес, добывали уголь, никогда даже не помышляя о морской жизни, и, только попав сюда, уже после сорок пятого, впервые увидели море.

Первый мэр освобожденного Щецина, инженер-градостроитель, профессор Петр Заремба, сообщив мне сведения, которых не увидишь ни в одном путеводителе, явно был доволен произведенным эффектом. Этот очень подвижный, несмотря на преклонный возраст, человек живет удивительно интересно. Кроме учебных дел в политехническом институте, где он возглавляет кафедру строительства городов и поселков, член-корреспондент Академии наук Петр Заремба обучает градостроителей Индии, Пакистана и других развивающихся стран и еще ухитряется каким-то чудом писать книги. Одну из них, «Первый щецинский год — 1945», ставшую уже библиографической редкостью, мне раздобыли польские друзья-журналисты, и я с интересом прочла ее. Узнав об этом, профессор, покопавшись на книжной полке, достал толстенную папку. В ней оказались документы, письма, справки, датированные 1945 годом. «Гражданка Яворская направляется в военный госпиталь в состоянии заболевания тифом». И неразборчивая подпись младшего лейтенанта, то ли Сидорова, то ли Сидоренко. На другом листке написано, что «тов. Петр Заремба направляется в Берлин для встречи с маршалом Жуковым». Здесь же я увидела приказ о начале 1 сентября 1945 года учебного года, подписанный первым мэром Щецина.

— Помню, решили мы открыть школу в той самой гимназии, где до войны учились только дети богачей,— рассказывает Петр Заремба.— На весь город всего-то и набралось человек десять учителей из тех, кто вернулся из концлагерей. Спрашиваю у них: сколько ребят пойдет в первый класс? «Десять...» А во второй? Молчат, а потом смущенно: «Один...» Ну что же, говорю, значит, будет один второй класс!

Да, так начиналась новая история польского города Щецина. В те годы градостроитель Петр Заремба, сидя в тесной комнатушке бюро пространственного планирования, показывал заезжим журналистам рыжее пятно развалин на плане города и говорил: здесь вырастут многоэтажные дома. И они выросли. А теперь, меряя быстрыми шагами кабинет, заставленный книжными полками, профессор Заремба с юношеской увлеченностью объяснял мне, каким грандиозным портом станет в ближайшие годы Свиноуйсьце, что лежит близ Щецина, какая мощная рыболовецкая океанская база там будет построена и как неузнаваемо изменится весь этот край. И слушая его, я поняла, что совсем не случайно книгу «Первый щецинский год — 1945» открывает надпись: «Моим дочери и сыновьям, родившимся и выросшим в польском Щецине, посвящаю эту работу».

Да, старшее поколение, те, кто отвоевал эти земли и вновь возродил на них жизнь, все мечты свои, все помыслы связывает с молодым поколением, с будущим страны.

— Я знаю молодежь нашего края, она, можно сказать, выросла на моих глазах. Все они очень любят свой край и верны ему,— говорил профессор.— Их не тянут красоты и удобства жизни в других районах страны не только потому, что они выросли здесь. Молодости свойственно преклонение перед техникой и жадность к техническим новинкам. А здесь у нас идет бурное промышленное развитие. На счету каждые умелые руки, каждая умная голова, и, зная это, уже со школьной скамьи молодые люди готовят себя к тому, чтобы стать участниками этих событий.

Прожив в Щецине несколько дней, я много раз убеждалась в правоте этих слов. В гимназии Мешко Первого, в воеводском комитете партии, в студенческом клубе «Контрасты», на предприятии дальноморской ловли — всюду я встречала таких разных, с непохожими судьбами людей, но все они казались мне одной семьей, главной фамильной чертой которой была влюбленность в свой край.

— Расскажите советским людям о том, как мы живем здесь, на нашей земле,— сказала мне 16-летняя школьница.— Мы, щецинская молодежь, знаем, что с Запада к нам тянутся жадные руки. Но пока мы живы, никому Щецина не отдадим. Щецин был, есть и будет наш. Разве можно жить без города, который своими корнями врос в наши сердца?

«Здесь моя родина, здесь мой дом». Вот краткая формула патриотизма тех, кто живет сегодня на этих древних польских землях. Это их дом навсегда. Они говорят: «здесь наш дом» — и на их стороне все права так называть эти земли: права исторические, которые восходят еще ко временам пястовских граничных столбов по Одре, права политические, вытекающие из международных соглашений, и самое важное — право, завоеванное самоотверженным трудом отцов и детей, рожденных в новой, социалистической Польше.

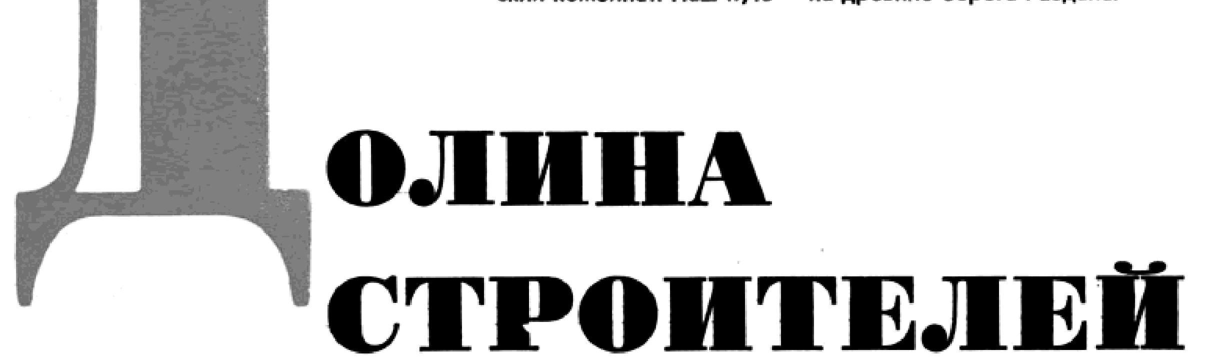
Щецин — Москва.

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«АРМЯНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Предусмотреть дальнейшее развитие... химической промышленности...»

Это записано в Директивах. И указан объект: Разданский горнохимический комбинат. Наш путь — на древние берега Раздана.

ДОЛИНА СТРОИТЕЛЕЙ

Н. АНДРЕЕВ

Фото Л. Шерстенникова.

Природой дано: базальт и быстрые гремучие реки, минеральные источники и нефелиновые сиениты, молчание орлов и близкое в горах солнце. А человек всему этому богатству — хозяин!

Такова разданская формула. Вывести ее было нелегко, ход доказательства многосложен, но вывод близок, нынешним летом вступит в строй первая очередь Разданского горнохимического комбината, люди осуществят первый этап комплексного развития богатейшего района страны.

...Много веков назад пришли в долину реки Раздана армяне, много веков назад... Хачкары, эти каменные страницы истории с кружевом строк, высеченных на камне, расскажут каждому, кто того захочет, о таланте народа, поселившегося среди камней и рек. И тогда, сотни и сотни лет назад, первыми здесь были строители. О земле армян говорят: библейская. О ней, о ее жителях написано в самых древних книгах. Здесь были и первые пастбища, и первые жилища, и первые храмы.

Строители нового Раздана и сегодня во всем первые. Все началось с сооружения каскада гидроэлектростанций, с Атарбекян-ГЭС, с Гюмушской ГЭС и других. Но ушли гидростроители — и остались жилье, бетонное производство и прочее. А вокруг рай земной, долины с неиссякаемыми источниками минеральной воды, вокруг горы с пастбищами. И тогда пришел новый отряд строителей.

К самому Раздану скатились да так и замерли на века отроги Памбакского хребта. Ходят над ним кругами орлы — точь-в-точь как у нас над городом кружат голуби...

Армения — страна камней. Здесь любят камень, знают, что с ним делать. А вот нефелиновые сиениты, из которых сложены отроги Памбакского хребта, долгое время считались бесполезными.

Более тридцати лет Манвел Гарегинович Манвелян колдовал над «бесполезной» породой. Химики, они такие — для них ничего не стоит превратить горную землю... ну, хотя бы в алюминий или в хрусталь. Впрочем, такое превращение многого стоит. Тридцать лет жизни отдал ему академик Манвел Манвелян. Он добился своего, разработал технологию комплексной переработки нефелиновых сиенитов.

...Как только не называли наш век, век, в который мы живем! Среди всех названий есть и такое — век алюминия. Вот уж действительно, без этого металла нынче ни шагу. Ни на земле, ни над землей, ни за пределами земной атмосферы. Сырье для алюминия — бокситы. А запасы бокситов стремительно сокращаются. И вот академик М. Г. Манвелян нашел, доказал и показал, как можно, обогащая «бесполезные» нефелиновые сиениты, получить глиноземный концентрат с довольно высоким содержанием алюминия. Более того, получаемый при этом аморфный кремнезем можно и должно переработать! К вашим услугам масса побочных продуктов, в том числе три вида ереванита. Ереванит — не слышали? Получен химиками Армении такой новый материал. Он-то и идет в конечном итоге на производство хрусталя. Хрусталь из горной земли, по которой со времен прозорливого и расторопного Ноя бродили только овцы...

Но это еще не все. В процессе, затеянном химиком, конца не бывает — тут уж пошла цепная реакция превращений одних веществ в другие! Так вот на Разданском горнохимическом комбинате задумано осуществить технологию комплексной переработки нефелиновых сиенитов. Здесь буквально днями получат на первом — горном — этапе производства цемент и глиноземный концентрат, а уж потом, через год, на втором — химическом — этапе получат ереваниты. И не только. Далее, по схеме, пойдет метасиликат натрия, который до сих пор выпускался лишь в опытной лаборатории (нужен для отбелки тканей, промывки стекла, обезжиривания деталей). Далее — метасиликат кальция: его ждут творцы пластмасс. Комбинат, кроме того, даст новое моющее средство — «тракторин», а также сырье для красителей и т. д. и т. п.

Предполагается в идеале осуществить замкнутый цикл, то есть ничто не должно пропасть. Полная утилизация всех побочных веществ и продуктов! Ведь главное — это химическое обогащение сиенитов с помощью щелочи. Но и щелочь эту со временем не будут покупать и завозить, ее получат здесь же. И даже после процесса обогащения не выбросят нефелиновый шлам на ветер: он-то и пойдет для производства разданского цемента самых высоких марок.

Такова схема М. Г. Манвеляна, доброго и умного волшебника из Института общей неорганической химии Академии наук Армянской ССР. Но у схемы этой есть и противники. Очевидно, иначе в науке не бывает. Новое сулит переворот в химической промышленности, да ведь не все любят ломку однажды построенного. Я это к тому, что сейчас, когда на строительстве первой очереди Разданского горнохимического комбината наступили горячие дни, строители почувствовали некое влияние противников новой схемы. Самое время для монтажа технологического оборудования, а оно не поступает. Возникают нежданные трудности с комплектацией этого оборудования. Поставки задерживаются. Сроки уходят, но не все наряды комбината удовлетворяются... Так борьба научных мнений ощущается монтажниками, химиками-производственниками.

Итак, были на комбинате предпусковые недели. Дни, часы...

— Как у вас дела?—как-то спросил я знакомого бригадира монтажников из треста «Южтехмонтаж» Ивана Беговича Хачатурова.

— Как сажа бела! — ответил он.

— Что такое, что-нибудь не ладится?

— Да нет, наоборот, кончаем монтаж горячего конца цементных печей.

Иван Бегович смеется.

Белая сажа здесь, в Раздане, синоним удачи! Дело в том, что и строители и вот они, монтажники, давно прослышали, что химики будущего комбината в числе других продуктов получат и «белую сажу»! Ох, уж эти химики!..

Что касается монтажников, они свое дело знают, а Иван Бегович — бог, ас и как там еще. Он из племени кочующих. Строил в Сумгаите, в Донбассе, в Болгарии. По его команде многотонные махины взлетают и встают на место. Допуск: плюс — минус миллиметр!..

Еженедельные диспетчерские совещания, а их проводят руководители республики, координируют пусконаладочные работы. Сроки поджимают.

Я познакомился со многими строителями. Но путем и не поговорил, потому что в пусковые дни не до разговоров. Знаю одно, что бригадиры Бабкен Айрапетян, Волга Бадалян, Грачик Рустамян не погоняют своих ребят, не понукают. Ну, во-первых, строители понимают, что к чему: пуск-то на носу! А во-вторых, здесь так организовали труд, так по-современному увязали его с материальными стимулами, что ни плотнику, ни бетонщику, ни электрику, ни крановщику, ни шоферу не выгодно бить баклуши.

— У меня многие ребята курить бросили! — смеется Грачик Вагаршакович Рустамян.— Чтобы на перекуры не собираться!..

Не знаю, как насчет перекуров, Грачик — человек веселый, мог и пошутить, вроде того, что дела, как сажа бела! Но вот какую ис-

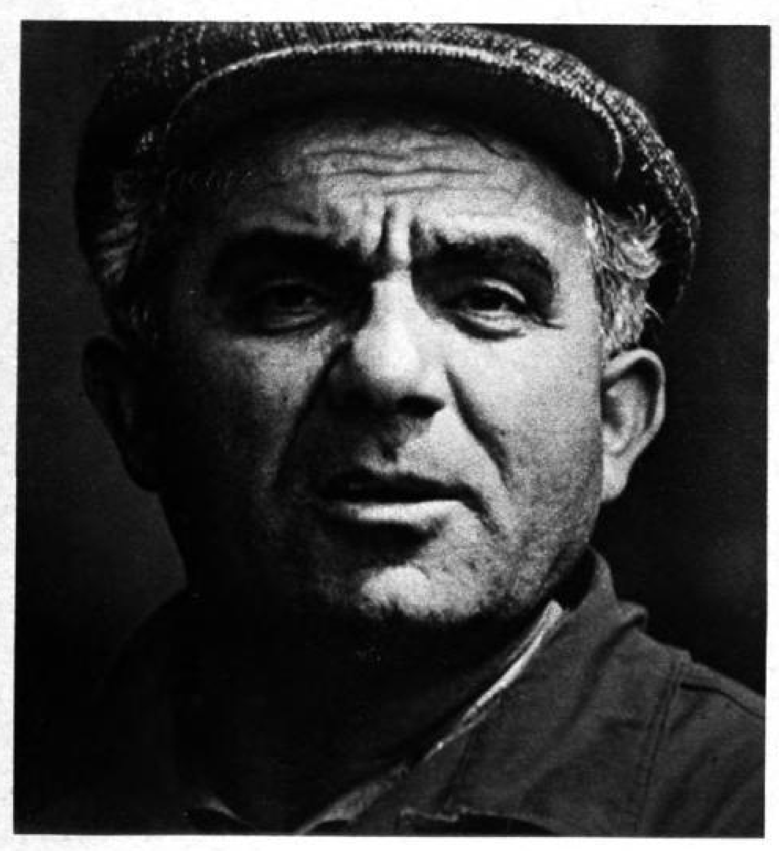
Долина Раздана... Тысячелетия назад пришли сюда первые строители Армении.

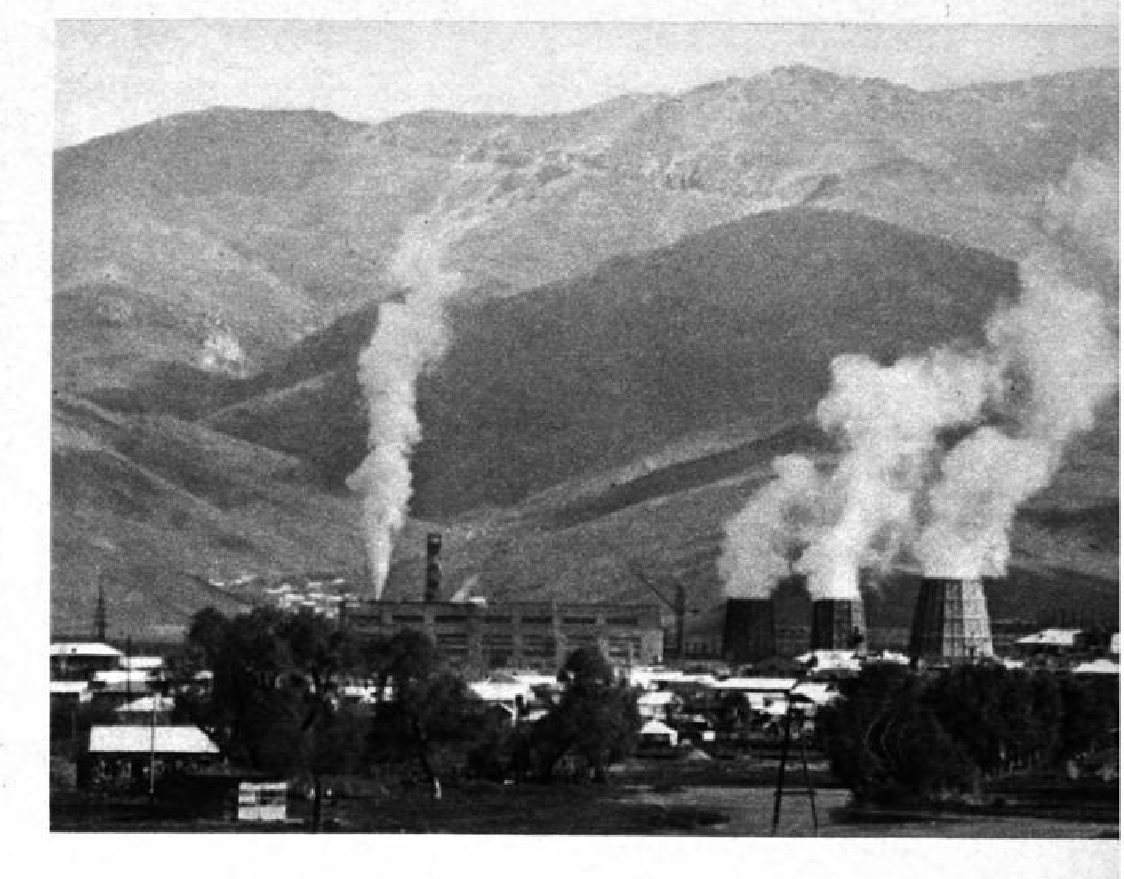
Иван Бегович Хачатуров, бог спецмонтажа.

...И здесь был город заложен!

«Вира!..» — пошла последняя секция цементной печи.

Спартак Галстян, депутат Верховного Совета СССР, бригадир.

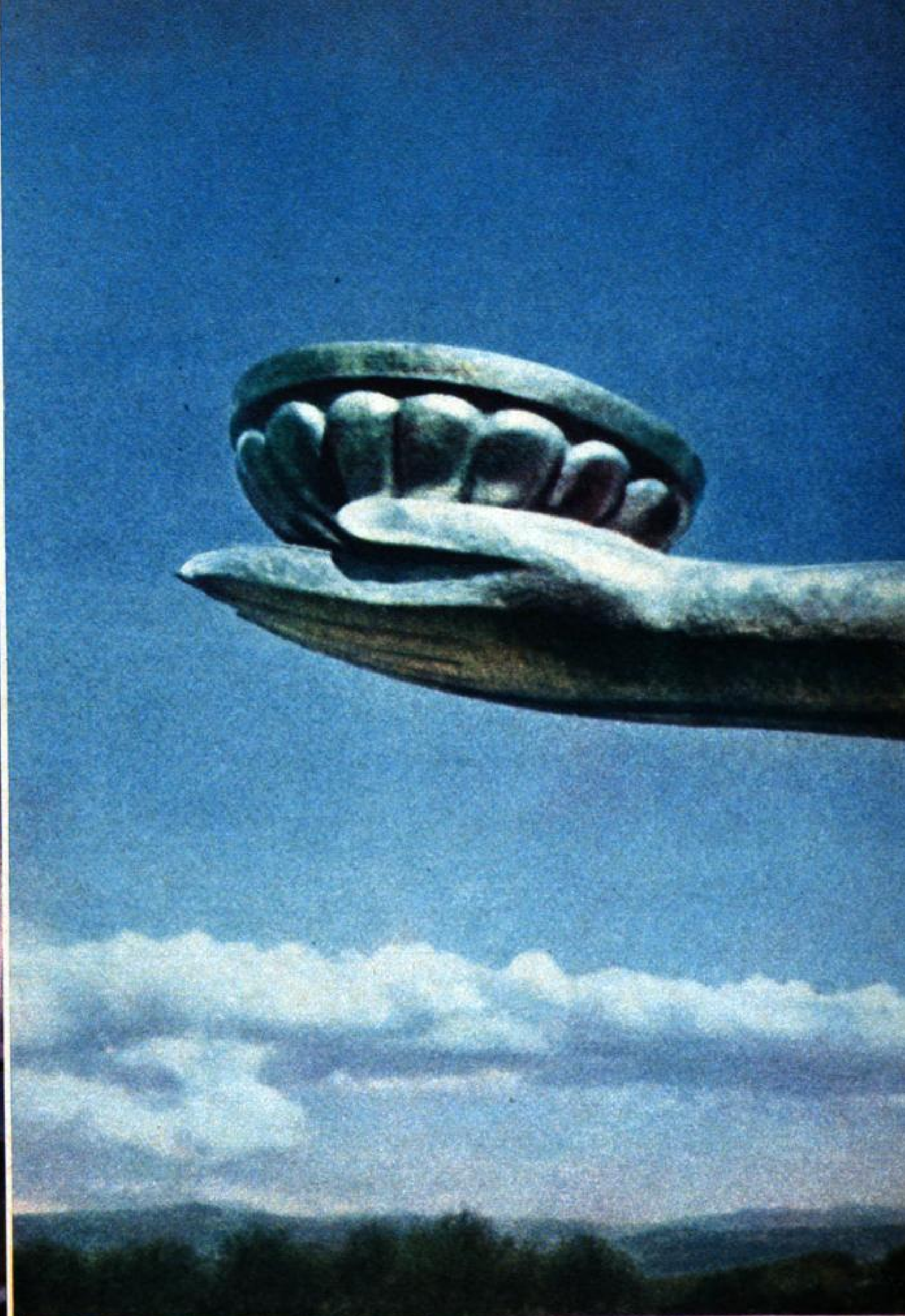

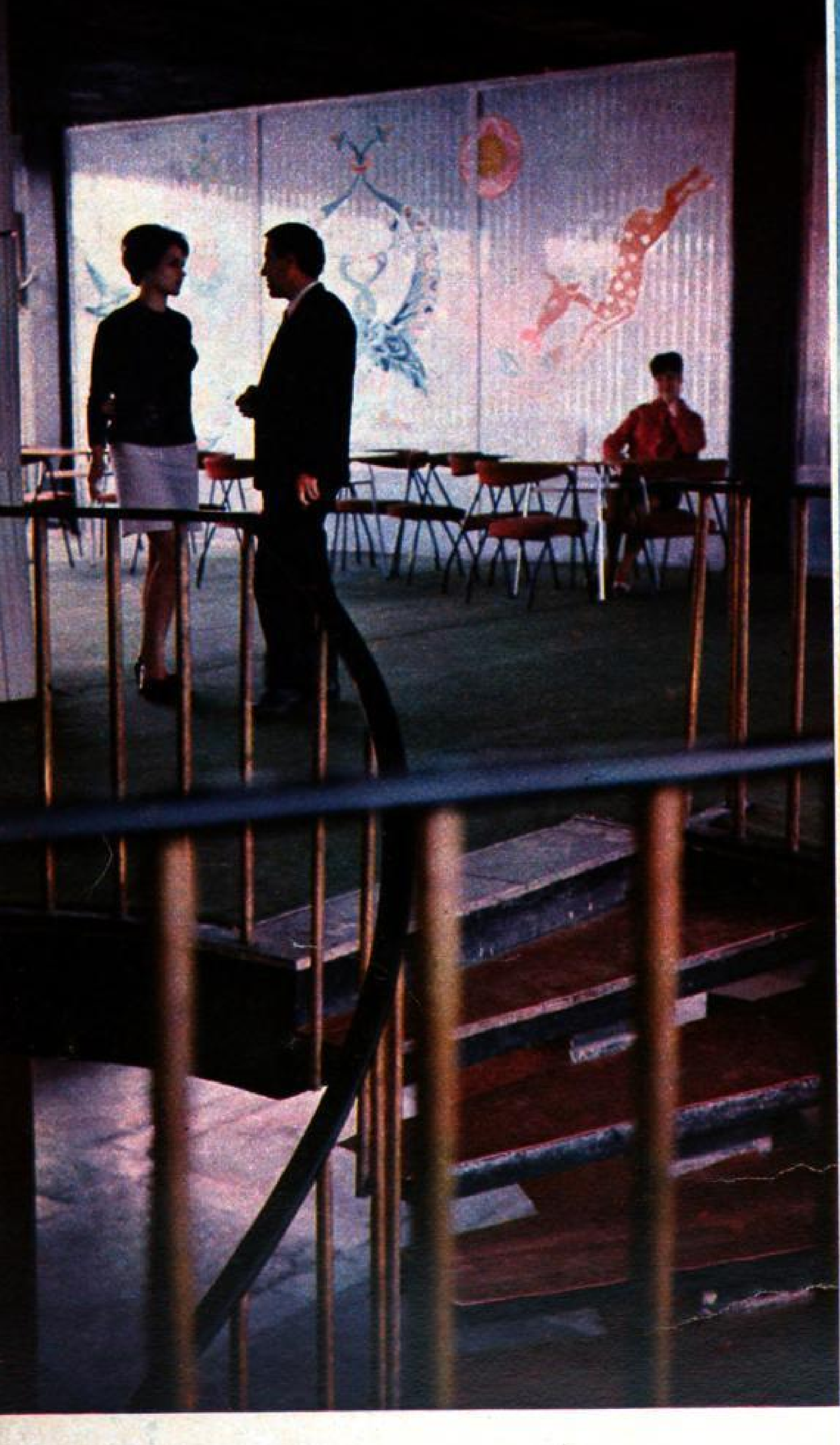

Дарящая солнце... Работа скульптора К. Нуриджаняна.

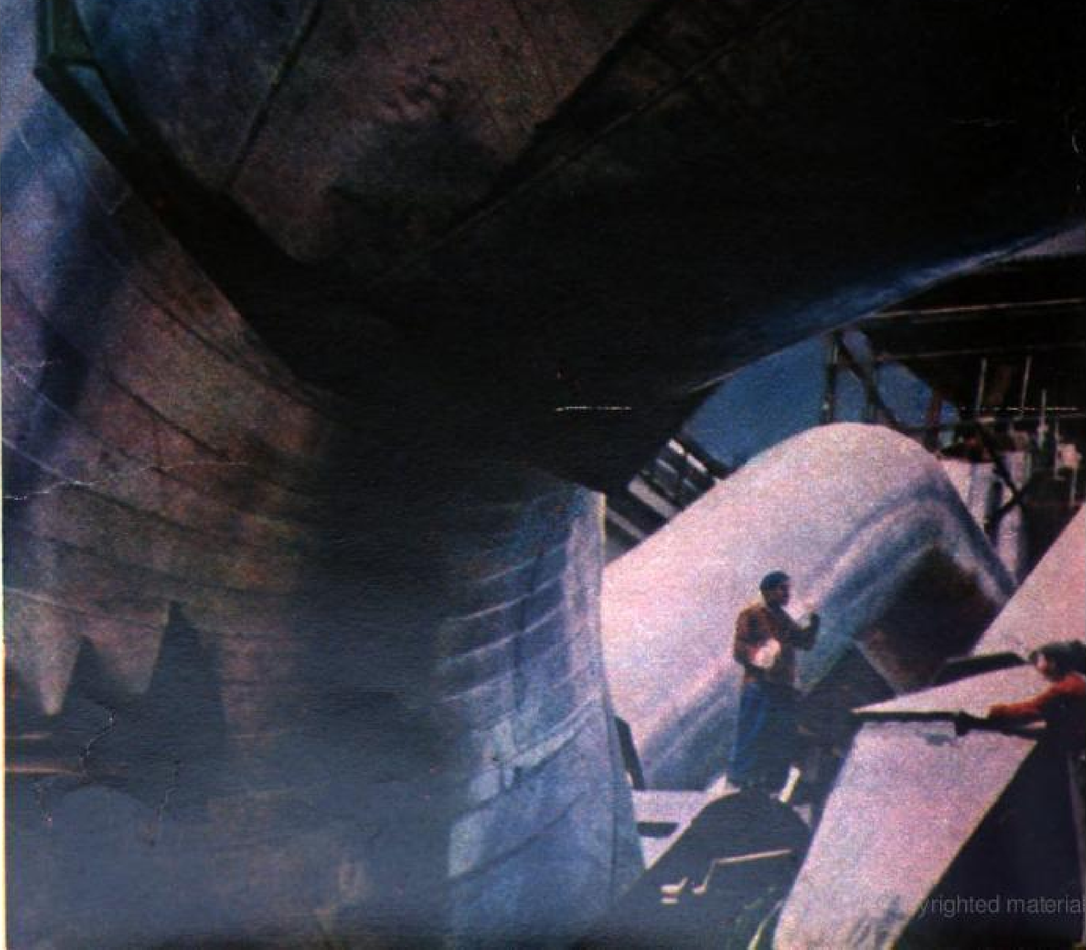

Кафе в Цахкадзоре.

Так выглядят газоотводы.

Начальник участка Джон Казарян.

торию рассказал о бригаде Рустамяна первый секретарь Разданского райкома партии Саркис Макарович Хачатрян. А уж он-то всех людей на стройке знает и только через них, через людей, их способности и возможности смотрит на монтаж оборудования, и на сроки пуска, и на будущее города Раздана и его окрестностей.

Была весна 1969 года. Строительство горнохимического комбината, до того финансировавшееся слабо, вдруг ожило. Быстрее забегали самосвалы, меньше простаивали экскаваторы. Приехали монтажники из Новороссийска. Короче, поступили деньги, стало ясно: принимаются все меры, чтобы претворить в жизнь и эту строку из Директив XXIII съезда партии. Оставалось немногим более года до пуска первой очереди — производства цемента. А рабочих рук мало. Откуда быть людям в старом, тихом Раздане? Пригласить рабочих из соседних селений? Так и сделали. Колхозы пострадали, это уж точно. И все-таки иного выхода не было. Только вот...

Дело в том, что не все местные мастера-строители заняты были в родных колхозах. Иные отправлялись на Кубань, в Казахстан. Я даже в Туве встречал бригаду строителей из Армении — они ставили великолепный Дом культуры в знаменитом колхозе «Большевик». В чем дело? А дело в любви к строительному делу вообще и к камню в частности. Здесь не место рассказывать, как много построили бригады из Армении в дальних от республики краях. Дома культуры, фермы, мастерские, детские сады повсюду, где их строили армяне, загляденье.

Вот и уходили, вот и уезжали, улетали по весне многие жители из долин Раздана и Мармарика туда, где была нужда в их потомственном мастерстве. Так было, страна каменотесов всем помогала строиться. Но все это в прошлом. Теперь в республике бурно строят жилье, новые дороги (автотрасса на Севан), новые заводы, в том числе и в районе будущего Раздана. Были годы, уезжал и Грачик Рустамян. Руки просили дела. С ним полтора-два десятка мужчин, парней. Грачик — за старшего, в бригаде почти все родственники. И каждый мастер на все руки. И каждый исповедовал закон таких летучих бригад: «работать объект» быстро и на совесть, дабы не бежала дурная слава впереди бригады. Доброе слово о мастере дорого стоит. Дороже денег. Потому что кормят трудовых людей их мастерство и старание.

Итак, весной прошлого года задумано было привлечь на стройку комбината разданских мастеров-отходников. Не знаю, уж о чем и как там Саркис Макарович говорил с бригадирами, с тем же Грачиком. Одно знаю, что самого Хачатряна в Раздане действительно уважают. Ему отказать не могут. Не только потому, что он секретарь райкома партии, человек слова знает такие, против которых не попрешь. А главное, любит секретарь эти горы, райские долины, землю, из которой можно делать хрусталь. Любит и видит, хорошо видит будущее Раздана — жизнь, которая будет здесь через год, пять, десять лет...

В общем, со всеми отходниками встретился Саркис Макарович. И они в ту весну остались дома. Я спросил Грачика:

— Довольны?

— Конечно! Смотри, какое дело сделали! Наших рук дело. И заработали не меньше.

— ...Они сделали очень много, очень,— так говорили мне специалисты — и начальник участка Джон Казарян, и начальник ПТО, парторг Эдгар Саркисов, и главный «генерал», то есть главный инженер СУ-2 (генподрядчик!), Генрих Арустамян.

Бригады Грачика Рустамяна, Бабкена Айрапетяна, Кирова Конджуряна, Волги Бадаляна комплексные. В каждой может быть от пятнадцати (как у Грачика, до сорока человек (столько рабочих у Бабкена). И бригадиры и рабочие — народ молодой, чаще всего не старше сорока лет. Это, как я уже подчеркивал, мастера на все руки. Бригады очень мобильные. Работают на совесть. А главный принцип — аккордная оплата! Можно сказать, оплата «безнарядная», то есть наряд бригаде выписывают, но обязательно до работы и не по отдельным процессам, а аккордно — за объект. И, главное, сразу же этот наряд, как только его выписали, закрывают.

Бригада Бабкена Айрапетяна клала фундамент под «башни» — гигантские склады для будущего цемента. Особенно тяжко досталась «нулевка» — грунт промерз, а зима была снежной (Раздан называют здесь армянской Сибирью). Но все, все без исключения было сделано досрочно и только на «отлично». Иногда работали более восьми часов в день, например, до тех пор, пока бетон идет. Ну, что же, зато каждый сэкономленный для стройки день — это процент перевыполнения задания, записанного в наряд. А сокращение сроков — дополнительная оплата. К тем деньгам, что получили на руки еще при выдаче наряда. Разумно? Очень! Выгодно? Еще как! Кому выгодно? Да всем — руководителям стройки, рабочим. Государству выгодно.

— А не переплачиваете?—спросил я. Мне подумалось, что, поощряя рабочих, не жалея для аккордной и премиальной оплаты денег, легко выйти за пределы сметы, ассигнований.

— Это хотя и обычные, но напрасные опасения,—ответил Джон Казарян, строитель и сын строителя.— Каждое задание разрабатывают специалисты. Все работы оплачиваются строго по утвержденным нормам. Инженеры, прораб и бригадир комплексной бригады каждую цифру пощупают, прежде чем приступить к делу.

...Тут подошел к нам Грачик Рустамян и сказал еще об одном:

— В такой бригаде нет лодыря. Ему не выжить. Я знаю, кто на что способен. Выигрыш в том, что каждый сразу оказывается на своем месте, делает любимое дело. Хорошо делать любимое дело! Тогда сроки не страшны. А если моей бригаде не дадут бетон, или машину, или электроэнергию, то я, простите, такой шум подниму. Иначе я плохой бригадир, лишу своих людей работы, и тогда они вспомнят про Казахстан... А тут, дома, в Раздане, такие дела!

Джону было некогда. Его объекты «на выданье». В те дни участку Казаряна осталось покончить с некоторыми отделочными работами. Там и тут вспыхивали сварочные огни. И свет этих земных звезд был сильнее солнца.

...К одному из участков стройки прошла группа озабоченных людей. Это командиры будущего горнохимического комбината во главе с директором А. М. Саакяном и главным инженером Г. В. Овнаняном. Строители еще не ушли, а на площадке рядом с ними, вместе с ними уже работают начальники цехов, мастера, технологи. Устанавливают оборудование, монтируют технологическую линию, рабочие узлы первой очереди Разданского горнохимического.

Я вижу, каким будет Раздан завтра. Карьеры на горе Тежсар (Горячая), рудники, заводы, мощная ГРЭС, паутина электросети. И курорт в долине Мармарика — новые санатории, дома отдыха. Доступными станут и очарование Медового ущелья (Меградзора), и прозрачный, холодный, как хрусталь, воздух Цахкадзора — высокогорной Долины цветов. Раздан, светлый и тяжелый, как ртуть... Все это — ожившая строка пятилетнего плана.

Здесь, в Раздане, человек докажет, что творимая им химия — джин, выпущенный из горных теснин, из тысячелетнего заточения,— не убьет голубизну и зелень неповторимой библейской земли. Джин не страшен, если знать заветное слово. Мне кажется, разданцы его знают. Поэтому схожа с работой поэтов и повелителей джинов работа придирчивых сантехников, которым скоро устанавливать здесь пылеуловители и хитроумные фильтры очистных сооружений. Не более одной пятой части щелочи разрешат они спустить в реку!..

Но все это заботы завтрашнего дня. А пока знойный канун пуска, канун открытия нового индустриального детища трудолюбивой Армении...

Ах, если бы, если бы земляк разданцев, неистовый Егише Чаренц прошел вдруг по этим берегам! Уж он-то нашел бы те слова, которых достойны люди Раздана. Это он оставил бессмертные строки — свидетельство того, что Егише знал, думал о нас, о новой жизни, о силе ее правды:

Мне часто снится светлая река.
Над ней дворцы, и у воды, по лугу,
Проходят девушки, в руке рука,
Рассказывая жизнь мою друг другу.
Уже прошла столетий череда,
С ней звуки строф моих и песен ясных
Дошли, как эта плавная вода,
До берегов Грядущего прекрасных..

РОВЕСНИК ВЕКА

15 июля 1900 года в белорусском краю, где плещутся волны знаменитого озера Нарочь, в деревне Огородники в семье крестьянина Николая Дубовки родился мальчик Володя. Многотрудными оказались его жизненные и литературные дороги. Мальчишкой вместе с родителями уходил он в начале первой мировой войны на восток. Остановились семьей в Москве, да и остались тут. Москва стала второй родиной Дубовки. Тут он прошел рабочую школу. Вместе с железнодорожниками восемнадцатилетний Владимир Дубовка участвовал в демонстрации на Красной площади в честь первой годовщины Октябрьской революции, видел и слышал В. И. Ленина.

А потом с оружием в руках защищал республику рабочих и крестьян, закончил Высший литературно-художественный институт, вел учебно-просветительную работу в Наркомпросе. Но главным делом его жизни стала поэзия.

Около полувека звучит в белорусской литературе имя талантливого и мудрого поэта, знатока истории и культуры родного народа, большого жизнелюба и оптимиста. Он становится певцом труда и вечного борения, «новой правды» и «молодости силы золотой». Он рассказал своим читателям о горожанах Кричева, что двести с лишним лет назад восстали против насилия и полонизации, и он же первым прославил юную, может, даже самую юную в Белоруссии восьмилетнюю партизанку Анелю, что пятнадцать раз пробиралась через колючую проволоку, доставляя узникам концлагеря гранаты и пистолеты, которые помогли им потом вырваться на свободу.

В немолодые уже годы Владимир Дубовка совершает путешествие по родным и памятным историческим местам своей родины. И появилась в результате этой поездки книга «Полесская рапсодия», принесшая новую славу поэту. В ней он воспел советскую новь.

Лучшие стихотворения этого цикла: «Поет девчонка над рекою...», «Город Туров», «Полесье» и сказки «Миловица», «Материнский совет» и другие — составляют золотой фонд современной белорусской поэзии.

Обогатил В. Дубовка нашу поэзию и своими переводами из Шекспира, Байрона, Словацкого, Ду Фу и других известных поэтов.

Для многих из нас Владимир Дубовка — пример мужества и верности долгу, великого трудолюбия. Он дорог нам, патриарх белорусской советской поэзии, учитель и старший друг литераторов нашей большой многонациональной семьи.

Михаил ГОРБАЧЕВ

Фото Н. КОЧНЕВА.

Четвертый год работает литературный зал М. А. Шолохова в 504-й школе Пролетарского района г. Москвы.

Выставочные материалы рассказывают о жизни, творчестве писателя, его общественной деятельности, участии в Великой Отечественной войне, о зарубежных поездках.

Экспозиция все время пополняется новыми материалами, поиски продолжаются... Ребята 504-й школы только что вернулись из станицы Вёшенской.

Об этой поездке рассказывает преподаватель русского языка и литературы Галина Александровна Слаущева.

МЫ БЫ

Три раза побывали мы на донской земле, три раза встречались с замечательным советским писателем.

Несмотря на свою огромную занятость, Михаил Александрович всегда находит время поговорить со школьниками. Его интересует все: и программа преподавания по литературе в школе, и какими книгами учащиеся больше всего увлекаются, и по какой дороге думают идти после школы.

Нас каждый раз поражает в Шолохове простота, задушевность, большая, искренняя забота о молодежи и любовь к ней.

Ведь это он сказал: «Замечательная у нас молодежь. Страна многим обязана ее молодому энтузиазму, ее героическому труду».

«Как можно больше читайте!»— вот основная мысль всех бесед писателя с учениками. И эту мысль он умеет довести до сознания школьников глубоко, убедительно, както по-своему, по-шолоховски. Из последней поездки вспоминается один разговор о книгах: Михаил Александрович спросил, читают ли ребята Диккенса и какое его произведение больше нравится.

В ответ робко: «Читали, но не помним...» И, только вернувшись со встречи, стали называть книги, которые читали.

Зато по приезде в Москву взялись за Диккенса и долго еще сокрушались, что не выдержали экзамена по Диккенсу перед Михаилом Александровичем.

Всех наших ребят прямо-таки удивила необычайная наблюда-

М. А. Шолохов со своим внуком Андрюшей.

ЛИ В ГОСТЯХ У ШОЛОХОВА

тельность, зоркость Михаила Александровича. Школьники преподнесли писателю цветы, а он улыбнулся своей особенной улыбкой и сказал: «А розы-то вёшенские». Розы действительно были сорваны в вёшенских садах.

Все мы по-настоящему счастливы, что встретились и разговаривали с Михаилом Александровичем Шолоховым. «Книги, которые подарил нам любимый писатель, будем беречь как самое дорогое воспоминание о поездке на Тихий Дон»,—в один голос говорят участники экспедиции.

Михаил Александрович не просто давал ребятам автографы. Лиде Никифоровой написал: «Лиде—будущей Александровне» или: «Галине Александровне Слаущевой—почти вёшенской казачке — на память о станице Вёшенской. М. Шолохов». Подписывая книгу Гале Борисовой, Михаил Александрович, услышав ее фамилию, сказал: «Я помню, был у нас ученик Борисов...» — и рассказал забавную историю из школьных лет. Когда Саша Хаткин объяснил, что его фамилия от слова «хата», М. А. Шолохов заметил: «Люблю, когда объясняют происхождение слов».

В этом году мы приняли участие в конференции по творчеству Шолохова вместе с вёшенцами и ленинградцами, рассказали о работе своего зала.

Когда Толя Гусев сделал вывод: «Обо всем, что есть в нашем зале, не расскажешь, это надо видеть, и мы приглашаем Вас, Михаил Александрович, в нашу школу...»,— писатель ответил: «Я понял ваш намек. Обязательно приеду». В предыдущих поездках в Вёшенскую участвовали десятиклассники, в этом году были восьмиклассники и даже три человека из шестого класса. Михаил Александрович сказал: «Что-то вы маленьких привезли в этом году».

— Большие выросли, ушли из школы...

— Какой же это класс?

— Восьмой.

— А вот эти ребята?

— Шестой.

— И такие маленькие поехали?

— Поехали с радостью, Михаил Александрович, даже со слезами просили их взять.

Затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы одно слово, слушали участники встречи то, что говорил Михаил Александрович.

Надо было видеть в это время лица ребят и взрослых!

Мы очень благодарны Михаилу Александровичу за эти встречи, каждая из них запоминается на всю жизнь!

М. А. Шолохов и его жена Мария Петровна.

И. С. Погорелов, секретарь М. А. Шолохова, А. А. Ширяева, сотрудник Государственного литературного музея, М. А. Шолохов.

ЖИЗНЬ НА

Михаилу Александровичу Шолохову

1

Днем, едва холодное солнце покатилось вниз, на зареченских лугах и дальше, на убранных пашнях, начали ходить туманы, поднимаясь над заболоченными местами, низинками. К вечеру гнезда их густели, наливались холодом, разбухали все больше. И наконец беззвучно сомкнулись друг с другом. Мутная пелена над заречьем все тяжелела, ползла к реке, закрыла сперва противоположный берег, затем половину широкой, тихой обессилевшей за знойное лето Оби, неотвратимо подступала все ближе к деревне, грозя залить ее, раздавить своей невесомой тяжестью.

— Врешь, брат Татьян,— тихо вздохнул Павел Демидов. Он по обыкновению сидел у стены своей мазанки и глядел через реку на тускнеющие зареченские дали.

— Об чем ты это, пап?— спросил у Демидова восьмилетний приемный сын Гринька, заходя во двор. Посиневшими руками он держал облезлый школьный портфель.— Кто врет?

— Туман-то! — кивнул Демидов в сторону Оби.— Ишь, шельма.

Гринька шмыгнул носом, потер под ним пальцем, подумал.

— А как он врет?

— Ну — грозит. Не чуешь?

Они еще помолчали. Гринька — маленький, в огромной отцовской фуражке, в новой суконной тужурке, купленной только нынче перед школой в сельмаге. Демидов — сухой, тощий, угловатый какой-то, нескладный: остро торчали выставленные далеко вперед его колени, из-под толстой телогрейки остро выдавались плечи. Лет ему было уже за шестьдесят, он получал пенсию, но стариком назвать его было нельзя. Лицо он, хоть и редко, брил, вот и сегодня побрился, и крепкие, совсем не дряблые щеки поблескивали в неярком свете угасающего дня.

— Чую,— сказал Гринька.— Чем гуще туман к вечеру, тем утренник крепче будет. Ты всегда так говоришь.

— Это так. А еще что чуешь?

— Боле ничего.

— А ты замри. Замри и слушай. Ну, чего слышишь?

Гринька, старательно наморщив лоб, постоял без движения.

— Ничего. Пес какой-то лает.

— Балда. Сучка это лает. Бригадира Митрофана. Еще?

— Вроде на задах грузовик проехал. Девчонки где-то, кажись, пищат.

— Колхозного конюха Артамона дочка это повизгивает, Клавка-то.

— Их там много хохочет, девок-то,— уточнил Гринька.

— И Клавка там. Там она. А сейчас гармонея Леньки-тракториста запиликает. Дурак он, Ленька. Гармонь у него дорогая, вся блестит, как в изморози, а играть не умеет. Так, будто лесину сырую пилит... Так-то он парень ничего, и тут ладный.

Вскоре действительно донеслись тусклые, почти совсем задавленные расстоянием, нескладные звуки гармошки.

— Ну вот. А он грозит,— опять кивнул за реку, в сторону надвигающегося тумана, Демидов.

— А что ему грозить? — все также непонимающе спросил Гринька.— И кому? И как это он может грозить?

— Балбес!— Глаза Демидова сердито блеснули.— Ступай домой. Там картошки для тебя сварены. На подоконнике в крынке молоко... А я посижу тута еще.

— Пап, ты только в магазин к Марьке Макшеевой не ходи,— попросил Гринька, как просила всегда Надежда, неродная Гринькина сестра, вот уже два года работающая в Маршанихе на лесоустроительной станции. И так же, как сестра, прибавил: — Не пей ты, пап, эту проклятую водку.

— Сгинь, чтоб тя! — прикрикнул Демидов.— Сказано, тут посижу. Никуда не пойду.

Гринька ушел и, ужиная в одиночестве, думал, что отец как всегда беспременно пойдет в магазин, едва мигнет «волчье око» (так называл сам отец, а за ним и вся деревня, светящееся по вечерам низкое оконце в доме Марии Макшеевой, через которое она продавала водку «без сдачи», что у нее означало — четыре рубля бутылка). Пьяный отец был добрый, пожалуй, добрее, чем трезвый, часто приносил ему купленные через то же оконце то дешевенькие конфеты или пряники, то бутылку лимонада. И пока не проходил хмель, все крутился по комнатушке, оправдываясь, что выпил вот, убеждал его, Гриньку, никогда в жизни не пить, часто гладил по голове и иногда, кажется, плакал. Но, боясь, что слезы заметит Гринька, встряхивал головой и, так же шагая из угла в угол, мурлыкал без конца одно и то же, странное, непонятное:

А кто ж я такой? Просто так — имярек.
Я, братцы-р-ребятцы, чудной человек...

Уж нет-нет, да угомонится он, уляжется. И все же Гриньке не хотелось, чтобы отец каждый вечер был пьян. Трезвого он любил его больше.

Прибирая со стола, Гринька думал: он, отец, чудной у него, это правду он про себя поет. Три года назад он взял его из Маршанихинского детдома со странным условием:

— Тебя Вовкой кличут? Отныне я тебя Гринькой звать буду.

— Я не хочу,— сказал Гринька, бывший тогда еще Вовкой.

— Это уж обязательно. Иначе, сынок, не выйдет у нас ничего. Не возьму я тебя, хоть ты малец вроде ничего, с гвоздем парень. Другого выберу.

И помолчав, выкурив в молчании длинную самокрутку, старательно затоптав окурок в землю (они разговаривали в детдомовском саду), начал длинную, наполовину непонятную речь:

— Сам я, сынок, лесник, деревья, значит, сторожу, за лесом ухаживаю, зверюшек всяких оберегаю. Сторожка моя в лесу стоит... А лес какой у меня?! Ого-го, брат! Вот лежу я в сторожке или иду по лесу — деревья шумят, шумят... Ты думаешь, они просто от ветра шумят? Не-ет, сынок. Они это со мной разговаривают: какая, значит, радость у них или какая беда... Или, скажем, кто прошел, проехал мимо — такой-то, мол, человек, или плохой, или хороший, Ну, понятно, хороший — так и иди себе. А коли плохой — нет, брат, шутишь, погоди-ка! Вот так обо всем докладывают. Деревья, они, сынок, и не деревья вовсе, а живые люди. Это лесина спиленная — дерево, бревно, словом... А живем мы в сторожке с дочкой Надеждой. Она тоже у меня приемная. Я ведь бобылем все жил, жены у меня никогда не было. А почему? Это, сынок, такой вопрос, под старость только и сумеешь разобраться, может. А может, по глупости. Ну да ладно... Вот и надумал я: присмотрю-ка с детдому я себе дочку. После войны мно-ого их было, детдомовцев, да... Больше, чем теперь. Ну и присмотрел... понравилась одна, сопливая такая. Конопатая, как ты. Люблю отчего-то конопатых я. Только ее Анной было звать. Анька-встанька, муженька достань-ка... Вот глупые слова, а отчего-то ударили мне в голову, когда с ней, как с тобой вот, беседовал. Что ж, думаю, выращу ее, она муженька-то и достанет, а я опять один. Будешь, говорю, ты Надеждой теперь. Тебе, говорю, имя, а для моей жизни смысл. Вот так я ей сказал. Будто при новом имени не присмотрела бы она себе муженька и рано ли, поздно ли не ушла от меня. Вот ведь какой глупый я был, а? Как думаешь?

И Гринька припомнил, что он вдруг горячо воскликнул тогда:

— Почто же нет! Ты правильно... Раз ты ее берешь в дети, так и она должна!

— Вот-вот, угадал я — с гвоздем ты! Да только, брат, должна-то должна, а человек-то по человечьи и жить обязан. По весне зацвесть радостью, как поле росными цветами, все лето — рожать, а после и озимь посеять. Семена свои, значит, после себя оставить. Это я вот один — чудной человек... Да-а, хорошая она у меня, Надежда, дочка добрая выросла. Да только в Маршаниху вот теперь часто бегает то в кино, то на танцы. А там, у лесовода одного, парень — Валентином звать. Парень, скажу тебе, тоже ничего, с гвоздем человек будет, да, считай... Чуешь, словом, чем пахнет?

— Девки, они такие! — опять вырвалось у Гриньки, тогдашнего Володьки.— А я тебя никогда не брошу.

— Ага! Согласный, значит?

— Что ж тут хорошего, в детдоме-то? Только уж Вовкой я был, Вовкой пускай и останусь.

— Ну, это невозможно. Никак, сынок, невозможно.

— Да почему?

Его будущий отец тогда опять помолчал, выкурил еще одну самокрутку.

— Надька-то замуж выйдет, уедет к мужу, понятно. К Валентину ли, к другому ли кому... Девка выросла, говорю, что надо — красивая, гладкая, в бедрах сильная. Глаза у ней, Гринька — ишь какое хорошее имя-то, сынок! — глаза у ней светлые, лучистые, блеснут — зажмуришься. Да что ж,— вздохнул он,— я свое исполнил, вырастил ее. Пущай она теперь свое исполнит. На земле должно быть как можно больше людей со светлыми глазами. Уйдет, а я опять один останусь. Один? Ан нет. Просыпаюсь я ночью, скажем, а в ушах у меня — гринь-гринь-гринь... Что это: оконные стекла от ветра, может, дребезжат? Нет, это сына так моего зовут. Иду я по лесу, а кругом — гринь-гринь-гринь... Кто это? Птицы, может, поют? Ну да, верно, они поют. А про кого? Про моего сыночка щебечут они... Нет, никак невозможно, чтоб Вовкой ты оставался...

...Гринька прибрал со стола, накрыл блюдечком крынку, из которой наливал молоко. За окнами давно стояла плотная темень, такая плотная, будто стекла кто-то заклеил снаружи черной бумагой. Отца все не было.

Вздохнув, мальчишка разобрал свою постель, щелкнул выключателем и залез под одеяло, продолжая вспоминать недалекое прошлое. Ему жалко, очень жалко было расставаться тогда с прежним своим именем, но чем-то понравился ему этот пожилой человек, а несколько раз сказанное им непривычное слово «сынок» выжимало слезинки.

— А зайцев... их тоже ты оберегаешь? — спросил он тогда, опуская стриженую голову, чтобы спрятать глаза.

— Зайчишек-то? А как же. Самый беззащитный народ. Их вокруг сторожки моей прыгает, как воробьев вокруг весенней лужи.

— Ладно, я согласный.

Анатолий ИВАНОВ

ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Он-то был согласный, но потом вышли большие осложнения, его долго не отдавали в сыновья этому человеку.

— Возраст,— говорил директор детдома,— у вас преклонный, товарищ Демидов.

— Что возраст? Я крепкий, на лесном духу настоенный, еще двадцать лет, как заяц, проскакаю! — доказывал его приемный отец тогда.— А коли что — дочерь Надежда его довырастит. Я вам приведу ее, поглядите, какова деваха.

И он привел ее. Она, высокая, решительная, и вправду с какими-то удивительно добрыми и лучистыми глазами, тоже что-то доказывала директору, потом несколько раз ходила, выхлопатывая разрешение в различные районные организации. И выхлопотала.

В лесной сторожке Гринька прожил с отцом и Надеждой всего два года. Что и говорить — там было хорошо. Вот только зайцы вокруг дома не прыгали и вообще близко не подходили к жилью: боялись, видимо, собачьего духа, зато поблизости текла небольшая прозрачная речка, в которой они с сестрой ловили удочками жирных усатых пескарей, а по берегам собирали ежевику и смородину.

Надежда была озорница, беспрерывно хохотала, оглашая весь дом, весь лес звонким своим голосом, глаза ее, когда она смеялась, лучились еще больше. Только к вечеру они, по обыкновению, притухали. Сперва Гринька не понимал в чем дело, а потом стал догадываться — беспокоится Надежда об отце.

И верно, отца вечерами долго не было, и довольно часто приходил он пьяный. Он никогда не шумел, не ругался и, если выпил очень много, сразу ложился спать. А иногда до света мерил шагами просторную кухню и мурлыкал свою песню.

Один раз Гринька слышал, как Надежда, плача, говорила ему:

— Не пей ты, папа, эту проклятую водку. Ну отучись. Ведь сын у тебя теперь малолеток, его на ноги ставить надо.

— Поставим, Надежда, поставим... Я пью, да разум не теряю.

— Как же! Прошлой зимой не замерз чуть. Кабы я не отыскала тебя в сугробе...

— Это было, доченька... Дурак я. Растревожил сильно уже меня тогда Денис Макшеев, Марькин муж, сдохнуть бы ему. Да это раз только и было. А так — в контроле я завсегда.

— Да отчего ты пьешь ее, проклятую?

— Так, приучился.. Жизнюха-вилюха, не жил бы, да надо.

— В который раз ты про этого Дениса Макшеева... Что у тебя с ним произошло? Что не поделили?

И тут Гринька почувствовал, как отец посуровел, рассердился, чего с ним никогда не бывало:

— Замолчь! Чего пытаешь? Ум покуда короток, а туда же...

Надежда всхлипнула, и отец тотчас обмяк, начал виниться:

— Доченька... Дурак я, говорю... Я подберу себя. Брошу пить. Вот на пенсию скоро выйду... Гриньке в школу как раз. Да, переедем в Дубровино, купим хатку какую-нибудь. И брошу. Какая в ней радость?

И вот уж больше года живут они в деревне. Надежда вышла замуж за своего Валентина, отец теперь не работает, получает пенсию. А пить так и не бросил...

Гринькины глаза слипались, сон заволакивал сознание. Засыпая, он опять подумал, что отец его непонятный и чудной. Туман у него Татьян, дождь он называет Дементием, вьюгу — Акулиной, а пасмурный день — Митрофаном. «Туман — Татьян — понятно, похоже, вроде. Дождь — Дементий — тоже на одну букву. А почему вьюга — Акулина? Или крепкий мороз — Филарет? Ага, кажись, идет...»

Проснуться Гринька уже не мог. Откуда-то из другого мира, далекого и нереального, донеслось только до Гриньки знакомое:

— А кто ж я такой? Просто так, ниярек...

2

Уже несколько дней шел то дождь, то снег, землю расхлябило, люди с трудом выдергивали ноги из клейкой дорожной грязи. Небо было серым, низким и промозглым, мир сузился, перемокшие дома, казалось, съежились и потихоньку оседали вниз, в разжиженную землю. И еще казалось: небо над деревней никогда не распахнется больше, сроду не появится на нем солнце.

Тусклый короткий день был просто длинным сумеречным вечером.

Павел Демидов с толстой палкой в руке вышел за калитку, когда сплошная чернильная темнота залила всю улицу. Кое-где светились окна, бросая желтоватые пятна на дорожную грязь, отчего грязь эта жирно лоснилась. Перед домом напротив росли гу-

стые деревья, свет из окон этого дома не доставал до улицы, запутывался где-то в голых ветках.

В конце улицы, как всегда, горело «волчье око». Демидов помедлил, вздохнул и пошел на его красноватый огонек.

Оконце, через форточку которого Мария Макшеева принимала от ночных покупателей деньги и подавала бутылки, было задернуто занавеской. Демидов постучал в стекло. За красноватой тряпкой качнулась тень, занавеска поползла в сторону, и Павел увидел за стеклом не Марию Макшееву, а усатое, жирное, ненавистное лицо ее мужа Дениса.

— Сколько?— равнодушно спросил Макшеев, открыв форточку, не узнавая пока Демидова.

— Одной досыта будет... с твоих-то рук.

Рыжие брови Макшеева чуть переломились, он поближе припрянул к стеклу, будто хотел проверить, не ослышался ли, тот ли за окном человек, которому принадлежит голос.

— Давай деньги.

Когда он говорил, тускло поблескивáли от электрического света два его вставных металлических зуба.

Протянув с пятерки полную сдачу — Демидов был, наверное, единственным, кому Макшеевы продавали водку по ее настоящей цене,— Денис хотел захлопнуть форточку, но Павел сунул в створку грязный конец палки.

— Чего, чего еще?

— Не отравленная? Ты ведь грозил когда-то...

— Жри без опаски. Не сдохнешь.

— Марька-то где сама?

— Проваливай! Будет тут пьянчужка всякий... Убери, говорю, палку!

— Жена где, спрашиваю, твоя?

— А на свидание к тебе побегла. А ты тут вот...— В голосе Макшеева была едкая насмешка.— Мне что, за участковым сбегать?

— Это уж сама Марька сделает, когда я, Денисий, придавлю тебя где-нибудь, как таракана сапогом.

Усы у Макшеева от бешенства задергались. Но бешенство его было бессильное, он сам это чувствовал. И ничего не говорил, только багровел все больше и больше.

— Придавлю и разотру, чтоб и праха от тебя на земле не осталось.

По-прежнему молчал Денис, стоял, уронив, как плети, обе руки. Лицо его теперь стало бледнеть, словно какой-то насос начал откачивать с лица всю кровь. А Демидов, понимая состояние Макшеева, безжалостно продолжал:

— Да только что мне участковый? Я жизнь свою использовал, так и так помирать скоро. Но сперва я тебя на тот свет спроважу. Да ты и сам, должно, чуешь, что твоя голова все ниже и ниже к плахе клонится. Чуешь али нет?

Макшеев лишь усмехнулся.

— Врешь, чуешь. Все живое это чует. Даже курица, когда ее ловишь в курятнике, чтобы лапшу сварить.

— Не пугай. Пуганный я тобой.

— И правильно — бойся,— как бы не слыша его слов, продолжал Демидов, раскрывая форточку чуть пошире.— Я это давно бы сделал, да поджидал, покуда дети ваши подрастут. Малых не решился сиротить. А теперь что ж — обои твои дети обженились в городу, слыхал, на собственные ноги встали... А там пусть приходит за мной хоть сотня участковых. Тюрьма мне больше без надобности, на старости-то. Так что живым они меня не найдут. Гриньку Надежда к себе возьмет.

Демидов вынул палку из форточки, наклонился поближе к оконцу и сказал Макшееву, как говорят что-нибудь хорошее близкому другу:

— Конечно, не шибко удачливо ты, Денисий, судьбой своей распорядился.

Макшеев рывком захлопнул форточку, задернул занавеску. Но по тени Демидов видел, что он не отошел от окошка, стоял недвижимо на прежнем месте. Усмехнувшись, Павел покачал на ладони холодную тяжелую бутылку и вдруг, размахнувшись, швырнул ее в бревенчатую стену дома. Бутылка раскололась звонко, но осколки просыпались почему-то беззвучно. Тень за занавеской вздрогнула, будто бутылка попала не в стену, а в самого Дениса, и окошко потухло.

Когда Павел Демидов шел к дому Макшеева, сеял редкий, унылый дождичек, небо, видно, иссякало, выцеживало из себя последки. И вот теперь действительно сверху уже не капало, дул только влажный и тяжелый ветер, бессильный высушить крыши, голые мокрые ветки деревьев, суконную тужурку Демидова.

Павел шагал не к своей мазанке, а так, куда-то по какому-то переулку, неизвестно зачем. Полчаса назад ему действительно сильно хотелось выпить, сейчас ничего не хотелось.

Многолетняя жизнь в лесу обострила его слух, приспособила его глаза хорошо видеть в темноте. И сейчас он услышал: кто-то хлюпает по грязи навстречу ему. А подняв голову, сразу различил, что это Мария Макшеева.

Мария, может, не узнала его, а может, не захотела узнавать — прошла, было, мимо. Он окликнул ее именем, каким звал в юности, каким звал иногда и теперь...

— Марька...

Она оглянулась, затем пошла еще быстрее, но сделав несколько шагов, остановилась:

— Ну что, что?

— Да так я...— произнес Демидов, подходя.— Что мне с тобой?

— Гляди-ка, трезвый.— Глаза Марии во мраке чуть поблескивали, и Павел знал, что она глядит на него как всегда холодно и враждебно.— Когда ты от водки этой сгоришь только!

— Вот как Денисия твоего прижулькну где-нибудь.

— Зверь ты, зверь! Чем он тебе дорогу перешел? Что ты над ним висишь всю жизнь, как.. Чем он-то виноват перед тобой? Это я пускай виновата, коли выбрала его, а не тебя. И хорошо, что не тебя! Ты ведь пьянчужка, бирюк лесной. Хватила бы я с тобой горюшка...— и Мария заплакала.

— Врешь ты,— сказал ей Демидов с тихим вздохом.— Все врешь. Все ты знаешь.

— Я тебя по-всякому просила — оставь ты нас в покое. У меня семья, дети, я... Что ж я с собой могла поделать, тогда... коли не тебя, а его полюбила.

— Врешь,— повторил Павел.— За меня б вышла, коли б не посадили меня перед войной.

— Никогда! — воскликнула женщина.

— Ветру у тебя в голове много было, это верно,— как-то грустновато произнес Демидов.— Ладно, может, и не за меня. А от Денисия-то ушла даже бы и сейчас, будь твоя воля. Да нету. Запутал он тебя в грязных магазинных делах, завязил сперва в них, как муху в паутину... А теперь тюрьмой пугает. Вон полушалок на тебе и тот ворованный.

— Не трожь ты! — Мария отступила, ударила его по протянутой руке, будто боялась, что он сорвет с ее головы полушалок.

— Водку и ту заставил продавать ночами на рубль с лишним дороже. С меня только и берете настоящую цену. Куда он деньги-то складывает?

— Как я ненавижу тебя, паразита!— прохрипела Мария, отступая, будто изготавливаясь к прыжку.

— И это неправда,— произнес он с каким-то укором.

Мария зарыдала тяжко и глубоко, согнулась, уткнула лицо в концы полушалка. Он терпеливо ждал, пока она выплачется.

— Нет, это правда,— сказала она, вытирая глаза.— Я тебя возненавидела по-правде с того дня, когда ты меня там... в лесу в кровь исхлестал ружейным ремнем. И до смерти за это ненавидеть буду.

— Не ошибись гляди, глупая ты баба,— произнес Демидов.

— Ишь ты, как себя ставишь! Поглядите-ка на него! Еще противней ты мне после таких слов.

И она быстро пошла прочь, разбрызгивая резиновыми сапогами грязь. Павел стоял, опершись на палку, глядел ей вслед, будто ожидая, что она вернется.

И она вернулась. Она остановилась сперва, потом резко повернулась, торопливо подбежала к Демидову.

— Вот глупая я, ты произнес. А?

— Я это сказал.

— А почему?

— А ни бабы, ни человека из тебя не выросло. А могло бы и случиться.

В соседнем доме загорелось окно, свет из него упал прямо на Павла, а Мария осталась, отрезанная в темноте. Но Демидов увидел ее запрокинутое к нему лицо, действительно холодное и враждебное.

И все равно она была красивая, Мария. Она была на четырнадцать лет моложе Павла, ей подбиралось под пятьдесят, но время словно не трогало ее. Все такие же гладкие щеки с румянцем («И это не ветер нахлестал»,— отметил Демидов), свежие еще губы, которыми она когда-то целовала его жарко и ненасытно, такие же густые, без единой сединки волосы. Лишь вокруг глаз стали пробиваться морщинки, да и то едва-едва.

— Оставь ты нас с Денисом в покое, Пашенька!— умоляюще заговорила вдруг она.— Мы старики уж, жизнь сызнова не начнешь... Уедь куда-нибудь, али мы с Денисом уедем, а ты за нами не тащись следом, дай нам пожить спокойно под старость хоть, не преследуй боле. Ты ригу колхозную поджег, в тюрьму угодил, и пошла твоя жизнь наперемол. А Денис при чем?

— Ты?! — вскрикнул он и тяжко задышал.— Денис, значит, ни при чем? Он ни при чем?! Н-ну, отвечай?!

Он схватил ее за плечи и сильно затряс.

— Господи, в уме ли ты?! Я закричу, Павел!

Он застонал, отшвырнул ее от себя чуть не в грязь и быстро пошел, почти побежал...

3

Тяжелые черные волны хлестали в борта лодки. Демидов, сжав зубы, греб и греб, не обращая внимания, что весла опасливо потрескивают. В непроглядной черноте крохотного речного островка было не видно, но Павел чутьем чуял, что плывет правильно, что нос лодки сейчас заскрежещет по гальке.

Потом он сидел под небольшим обрывчиком в затишке, смолил одну за другой дешевенькие папиросы, слушал, как уныло посвистывает ветер в голых кустах, росших на островке, хлюпает у ног осенняя обская вода.

Напротив островка вдоль берега была рассыпана деревня Дубровино, сейчас она угадывалась по редковатым огонькам. Среди этих огоньков Демидов безошибочно отыскал вновь горевшее «волчье око».

«Ты ригу колхозную поджег... А Денис при чем?» Эти слова звучали в ушах Демидова, пока он греб к островку, звучали и сейчас.

«При чем? — тяжко усмехнулся он.— Это можно бы тебе еще раз объяснить. Только что́ объяснять — и без того все помнишь ведь...»

Потом Павел стал размышлять, что его вот, Демидова, многие называют чудным человеком. А ежели подумать, вся жизнь чудная. Земля вот большая, много на ней места. А бывает так, что двоим на ней тесно. Не разойтись им никак. Да-а, люди — человеки... Много на земле всяких разных живых тварей, а красивше человека нету, с разумом потому что, с сознанием. А раз так, живи и не мешай другому, вон сколько на земле благодати, найдешь свою, зачем другому дорогу переступать? Так нет же... И опять же, ежели с другой стороны, взять,— ну ладно, сделал тебе зло кто-то. Не от большого ума, конечно. Пойми и прости, какое бы тяжкое оно, зло, ни было. Ты ж человек все же. А вот он, Павел Демидов, простить не может. Он и простил бы, он и пить бы бросил — все сделал бы Павел Демидов, пойми люди, что он ни в чем не виноват перед собой, перед жизнью, перед людьми. А не поймут, не поверят... Но это опять же — с одной стороны. А с другой — понимать и прощать некому. Здесь, в Дубровино, его жизни никто не знает, кроме Дениса да Марии. Лесник и лесник, пьяница только, мол, да с Макшеевыми почему-то не ладит. Теперь, значит, на пенсии. Знали там, на Енисее, в Красноярском крае. Да и там, в деревне Колмогорово, люди тоже попеременились — кто уехал, кто приехал, а многие и померли, ведь больше трех десятков лет прошло с тех пор, как... Кто теперь помнит там о нем, Павле Демидове? Кому и зачем кричать: люди, я не виноват! Вот, допустим, можно бы крикнуть было этак на весь мир. И что же? Люди бы и впали в неодумь — полоумный, что ли, орет? И оно действительно... Так, значит, что ж, по таким-то рассуждениям, вроде и простить ему, Денису Макшееву, можно? А я не прощаю, ношу эту обиду в себе, как курица яйцо, и снестись не могу. Отравляю ему и себе жизнь...

Так думал Павел Демидов, чувствуя одновременно, что он какой-то не такой уже, чем был даже вчера, что в нем происходит что-то непонятное, подбирается к его сердцу какая-то доброта, ненужная ему, и вообще — предательская. Гринька, когда вырастет, не одобрит, должно быть, такой доброты...

Огоньки на берегу становились все реже, гасли один за другим. А «волчье око» все продолжало гореть, прокалывало темень неприятно-красным светом. Демидов глядел на него, и в груди, под черепом — везде вскипала у него кровь будто.

— Не прощу, нет... Не могу!

Он закрыл глаза, откинулся назад, ударился затылком о земляной обрывчик. Он очень плотно, до ломоты в веках зажмурил глаза, а все равно видел «волчье око», оно горело и горело...

4

Начало жизни Демидова складывалось не хорошо и не плохо. Он родился и вырос на берегу Енисея, реки малорыбной, зато неописуемо красивой. Отец погиб в партизанах — он был в отряде легендарного Каландарашвили, мать — тихонькая, маленькая, робкая, она все почему-то держала заскорузлые от работы руки под фартуком, точно стеснялась показывать их людям,— как и другие, вступила в Колмогоровский колхоз. И Демидов работал в колхозе, потом служил действительную, вернулся с нее в начале тридцатых годов.

— Теперь жениться бы те, Пашенька,— говорила мать несколько раз.— Я уж слаба стала.

С женитьбой как-то не получалось. А потом стал ждать, когда подрастет Мария.

Мария росла хохотушкой — этим и привлекла сперва его внимание. В четырнадцать лет она была уже стройной, грудастой, туготелой. В шестнадцать хорошо научилась целоваться, он, Павел, ее научил. Целовал ее, но и в мыслях никогда не было, чтоб тронуть, понимал: рано и ни к чему до свадьбы.

— А когда же свадьба-то? — спрашивала она частенько.

— Скоро. Подрасти еще. Порода чтоб крепше от нас пошла.

Когда Марии исполнилось семнадцать, в Колмогоровском сельсовете появился новый счетовод — Денис Макшеев. Он был примерно одногодок Павла, тоже отслужил давно действительную, ходил по деревне в полувоенном френче, синих галифе и хромовых сапогах. И еще от него всегда пахло одеколоном. По тем годам это было невидалью в деревне — девок осуждали, если чем помажутся, а мужику-то и вовсе позор.

Откуда Макшеев родом, было неизвестно. Деревенские бабенки глухо поговаривали, что вроде из самого города Красноярска, где родитель его держал будто бы когда-то не то мучной лабаз, не то булочную. Но бабье есть бабье, к их сплетням никто всерьез не относился. Да и не было ни для кого нужды устанавливать родословную приезжего счетовода. Те, которые поставили его на эту работу, знали, наверное, кого ставят, им, значит, было виднее.

Однажды Павел застал на берегу Енисея Марию и Дениса. Денис что-то рассказывал, картинно красовался, поставив одну ногу, обтянутую плотно синей штаниной на крупный камень. Мария заливалась смехом, сидя на носу лодки.

— Занятный он,— сказала она, когда Павел увел ее с берега.

Это было где-то в мае тридцать восьмого. По осени Демидов намеревался сыграть свадьбу, мать тихонько собирала к этому дню все необходимое.

— Хороша бабенка, да не планида ей горизонт увидать,— сказал как-то Денис Павлу, встретив его среди деревни.

— Как понять? — насторожился Павел.

— Ей муж-то надобен с кругозором. А в тебе какой интеллигент? Ты ведь, дядя, цветок нюхаешь, а запаху не чуешь.

Демидов высоко себя не ставил, но и низко не опускал. И потом он был не какой-то робкий недоносок, и он тут же схватил Макшеева за отвороты френча:

— Ты! Приподниму и опущу об землю. Только шмякнешь!

— Убери крючки, ну! — побагровел Денис, схватил Павловы руки за запястья, оторвал от френча. Он, Денис, тоже силенку имел.— Обломлю и в Енисей кину. Я, дядя, решительный. В кавалерии служил и лозу лихо рубил.

Они разошлись красные, взъерошенные, оба чувствуя, что еще сойдутся.

— Зачем ты ему о свадьбе сказала? — спросил в тот же вечер Павел у Марии.

— А занятный он,— ответила она, как и в первый раз.— Да что он нам, ты не думай...

Но Демидов думал, потому что нет-нет, да и заставал где-нибудь Марию в компании счетовода. Она с хохотками уверяла, будто встретилась с ним случайно и только что.

А однажды произнесла с обидой за Макшеева:

— Ты его не любишь, я вижу. А в нем интеллигенту-то побольше, чем во всех деревенских парнях.

— Во-он как! Так ты что ж, за него и выходи.

И тут Мария зарыдала, прижалась к нему:

— Пашенька! Я тебя, тебя люблю... А когда с ним, вроде бы не тебя, а его... Убереги меня от него! Я не знаю как, только убереги. Иначе быть греху...

— Ладно,— угрожающе произнес Демидов и пошагал в сельсовет.

В сельсовете они поговорили с Макшеевым тихо и мирно, как добрые товарищи. Из сельсовета вышли и пошагали рядом, плечо в плечо, по улице, за деревню. Макшеев шел, грыз семечки и равнодушно плевался шелухой.

За Колмогорово сразу начиналась тайга, они отыскали глухую поляну, Макшеев снял френч, а Демидов пиджак и верхнюю рубаху. Каждый аккуратно свернул свою одежду и положил на траву.

Дрались они долго, молчаливо, в кровь, все больше наливаясь свирепой угрюмостью, изорвав друг на друге нательные рубахи. Договорились: пока один из них не упадет без сознания. Лежачего, как известно, не добивают, но зато уж устоявшему на ногах достается Мария.

Устояли оба, только до дна выдохлись. У Демидова текла кровь даже из ушей, Макшеев выплюнул два передних зуба.

— Будет,— прохрипел Денис, обтирая клочьями рубахи кровь с лица.

— Признаешь, что слабожильнее? — тоже с хрипом спросил Павел.

— Ни в жисть.

— Тогда погодь одеваться, лабазник! До оконечности давай, как договорено.

Демидов качнулся было к Макшееву, но тот поднял с земли увесистый еловый сук.

— Ты что?! Договорились — на кулаках только.

— Подходи... Я покажу, как договаривались!

На всякий случай Демидов пошарил под деревом, тоже нащупал крепкую палку.

— Скажу те так, хамло навозное,— тяжко дыша, проговорил Макшеев.— Лабазник я али еще кто там, а Марии не видать тебе все одно. Отказывайся лучше добровольно. Иначе икать всю жизнь будешь. Это я тя заставлю, найду способ. Я, дядя, решительный.

— Жди, как же. Сиди дома и гляди в окошко, не идет ли Пашка Демидов, не ведет ли тебе Марьку за руку: вот, мол, возьми.

— Ну я сказал, а ты слышал. И, значит, судьбу свою добровольно выбрал...

...Не знал тогда Павел, что за человек Денис Макшеев, предположить и близко не мог, что за судьбу он ему уготовил.

Отполыхало лето, бленкнуть стало небо, и вскоре густо посыпался древесный лист. Как-то допоздна засиделся Демидов у родителей Марии, обговаривая круг гостей, которых через неделю предстояло звать на свадьбу. Под конец попробовали самогонки, которую Марькина мать накурила для свадьбы. Кувшинчик принесла сама Марька, бледная какая-то, с опущенными глазами. Когда разливала по стаканам, пальцы ее подрагивали.

Прощаясь с Павлом, подняла все же свои густые ресницы. Зрачки ее сильно расплылись, были огромными, в широко распахнутых теперь глазах стоял ужас, какой-то немой крик.

— Ты что, Марька? — спросил Демидов.

— Пашенька... Давит отчего-то все у меня внутри...— Она припала к нему. Павел слышал, как бешено молотит в ее груди сердце.

— Устала, видно. Ты ляг пойди...

— Я лягу, лягу... Еще, может, стаканчик выпьешь?

— Что ж, давай.

Когда Марька наливала этот стакан, дрожали у нее не только руки, но и спина.

— Пей... на здоровье.

Голос у нее был теперь чужой, незнакомый, и в глазах не стояло уже ни ужаса, ни беззвучного крика. Они были, ее глаза, бессмысленными, пустыми, до дна выгоревшими. Как ни пьян был Демидов, он все это заметил, еще раз спросил:

— Да что, в самом деле, такое с тобой?

— Ой, Пашка! Женское сердце вещун, говорят...— выдохнула она, вжалась в стену.— А у меня такое чувство, будто последний раз видимся...

Последний не последний, но долго потом не пришлось им увидеть друг друга. Добрый десяток лет с гаком.

Самогонка оказалась зверь зверем, в голове у Демидова шумело, августовские звезды пошатывались на небе.

Когда он шел мимо колхозной риги, из-за хлебной скирды вышел Денис Макшеев.

— Ну вот... Долго я ждал такого случая.

— Отойди, я пьяный,— попросил Демидов.

— Это нам и сподручно, дядя,— проговорил, шепелявя, Макшеев и чем-то твердым ударил Павла по голове. Демидов качнулся и рухнул наземь.

Потом Макшеев безжалостно пинал его сапогами в голову, в грудь, в лицо. Павел только глухо и беспомощно стонал, пока не потерял сознание. Потерял он, видимо, его ненадолго, потому что, когда открыл глаза, Макшеев был тут же. Он будто по нужде сидел на корточках у хлебной скирды. И вдруг Демидов увидел: из-под руки Макшеева змейкой пополз огонек, начал лизать, разрастаясь, угол хлебного зарода. Даже в темноте было видно, как заклубился черный тяжелый дым.

— Ты! Ты чего делаешь?! — будто задыхаясь от этого дыма, прокричал Павел, попробовал приподняться на локтях.— Ты чего сделал?!

— А это не я... Это ты, дядя, сделал,— проговорил Макшеев и, хищно ощерясь, стал приближаться к нему от пылающей скирды.— И сейчас люди об этом узнают.

Голова Павла мотнулась и будто оторвалась. Опять потухающим сознанием Демидов сообразил, что Макшеев снова пнул его сапогом, снова, крича теперь на всю деревню, призывая людей на помощь, принялся его избивать. Но боли Павел не чувствовал. Вспухло перед ним что-то большое, оранжево-красное, разрослось и лопнуло беззвучно...

...За поджог колхозной риги (дотла сгорело несколько ржаных зародов, молотилка и две веялки) Павла Демидова осудили на двенадцать лет. Что бы он ни говорил в свое оправдание, слова его звучали для всех както жалко, неубедительно — так уж все подвел Денис Макшеев, который, достигали до Павла отрывочные слухи, ходил теперь в героях за поимку поджигателя колхозного хлеба на месте преступления.

И покатилась жизнь Демидова колесом куда-то в пропасть, все глубже и глубже...

Срок он отбывал в лагере неподалеку от родных мест, строил на мерзлой земле рудник, что ли, какой-то. В сорок втором, осенью, попал на фронт, в штрафной батальон.

Но хоть и штрафной, а полегче все же стало, мир пошире открылся, вокруг штрафников — люди обыкновенные, какие живут на земле. Поставил перед собой задачу Демидов: хоть и несправедливо обошлась с ним судьба, а надо доказать, что он человек все же, человеком и останется.

Но, видно, недаром говорят: судьба — индейка, а жизнь — копейка. Досуха выпил он вроде горькую чашу, да самая горечь на самом донышке еще оставалась. И ее довелось выхлебнуть.

В первом же бою был он захвачен в плен. Случилось это в ноябре, под станцией Качалинской. В ту пору ходили слухи, что Красная Армия готовится к могучим боям, чтобы отбросить фашистов от Сталинграда. И бои эти, по всему видно было, начались.

Их штрафному батальону поставили задачу во что бы то ни стало преодолеть полузамерзшую реку Дон, достичь другого берега, зацепиться за него и любой ценой удержать.

— Форсировать-то будут в другом месте, а нас кинули, чтоб внимание немцев отвлечь,— сказал Демидову какой-то солдат из уголовников перед началом операции.

— Оно так... Да на серёдке лед, говорят, совсем тонкий. Перетопнем еще.

— Заткнись ты! — глухо кинул Демидов.

— Слушай, кореш... Я видел на занятиях, метко ты из винтовки лепишь,— не унимался рыжий.— А наше дело такое: до первого ранения, до первой крови.

— Ну? — насторожился Демидов.

— Вот тут в гомонце у меня пара кусков. И бока золотые.

— Что-что?

— Две тысячи, говорю, денег. И часы. Вот, возьми. И один кусок... Сейчас, перед атакой, артподготовка начнется. Отойдем в овражек, а? Лупанешь меня из винтовки по левой руке... Ведь так и так... Грохот будет, выстрела никто не услышит. И я тебе другой кусок... Уцелеешь коли, пригодятся...

— Давай,— сурово проговорил Демидов.— Все давай, и вторую тыщу.

На первых порах заключения Павел боялся всякой шпаны, а потом уяснил: эта сволочь силу уважает, подчиняется ей беспрекословно, и еще наглость. И он научился управляться с этим народом. Поэтому сейчас, получив часы и деньги, он, не торопясь, спрятал все в карман. Потом развернулся и тяжко, с придыхом ударил жестким кулаком прямо в широкоскулое лицо уголовника. Тот отлетел в снег, быстро вскочил, вытирая кровь с подбородка.

— Сука,— спокойно сказал Демидов.— Я тебе не по руке, в самую голову прицелюсь, ежели ты во время дела начнешь за спины других прятаться. И не промахнусь, не надейся. Впереди меня пойдешь. И гляди у меня!

По растерянным глазам уголовника Павел видел, что он сломал его, подчинил себе без остатка, хотя, конечно, понимал, что при удобном случае рыжий без колебаний пристрелит его. Но случай такой должен еще наступить, а Павел не лыком теперь шит...

Этот эпизод почему-то вселил в Павла уверенность, что он останется жив.

И остался, да лучше бы не оставаться.

Из затеи форсировать в тот день реку ничего не вышло, почти весь штрафбат полег на льду. От фашистской пули упал, опрокинувшись на спину, и рыжий уголовник, добросовестно бежавший все время впереди Павла. А тут и самого Демидова садануло в голову, она мотнулась, как когда-то от пинка Макшеева, больно заныли шейные позвонки.

Это было последнее, что почувствовал или запомнил краем сознания Демидов. Очнулся он где-то в тесном, вонючем бараке, услышал непривычную немецкую речь, сразу без удивления и почему-то даже без досады понял, где очутился. «Ах, Макшеев Денисий, ну погоди!» — подумал он только, как думал и прежде бессчетное количество дней и ночей, но на этот раз безразлично как-то, равнодушно, без злобы к нему. Внутри у Демидова словно ничего не было теперь живого, все онемело.

Таким онемевшим, отупевшим, безразличным ко всему, что с ним происходило, он и остался на многие годы. Это, наверное, и помогло ему выжить. Немцы знали, что он штрафник, считали за бывшего уголовника, вербовали в какую-то власовскую армию, даже уговаривали. Демидов не знал, что это такое, но отказывался. Уговоры сменялись избиениями...

Неожиданно от него почему-то отступились, отправили в концлагерь на территории Польши. Там он был уборщиком трупов, каждое утро собирал их по всему лагерю и свозил на пегой лошаденке к крематорию.

Он возил их и возил до января сорок пятого года, к этому привыкли и узники и сами немцы. Он никогда не брился, редко стригся, густо и безобразно заросший волосом, походил на старика, ни сами немцы, ни узники вроде уж и не принимали его за заключенного, а считали вольнонаемным уборщиком трупов, к тому же полуидиотом.

Советская Армия захватила лагерь военнопленных стремительно и неожиданно. Даже в отдалении боев никаких не было слышно, пролетали только в последнее время на большой высоте над лагерем советские самолеты, и вдруг утром, перед самой зарей, в бараках послышался лязг железа. Узники высыпали на плац, и Демидов выскочил — за колючей проволокой, обтекая лагерь, грохоча гусеницами и воя моторами, стремительно неслись куда-то танки. «Куда ж они торопко так?» — подумал Демидов, убежденный, что это немецкие танки.

И вдруг один из них круто повернул, порвал, как паутину, туго натянутую колючую проволоку и остановился, поводя из стороны в сторону длинным пушечным стволом, будто выбирая, куда бы влепить снаряд. И Демидов увидел на его броне пятиконечную звезду...

...Утром, когда рассвело, Павел стоял, комкая лагерную шапку, в толпе воющих, плачущих от радости заключенных, ждал своей очереди к представителям Советской Армии, составляющим списки бывших узников.

— Погодите, это что за чучело? — спросил кто-то, едва Павел переступил порог.— Откуда такой?

С. Григорьев. ВРАТАРЬ. 1949. Государственная Третьяковская галерея

В ПРИЕМНОЙ. 1962 г.

С. Григорьев. ВЕРНУЛСЯ. 1954. Государственная Третьяковская галерея

Владимир СОКОЛОВ

ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ДНИ»

МАЙ ЭТОГО ГОДА

Мы снова станем тайной и загадкой
И для других и для самих себя...

Снег отличался лисьею повадкой,
След заметал, себя же торопя.
Взмах фонаря во тьме, как взгляд украдкой,
Шуршание поземки, как слушок,
Сугробов низких серый бережок,—
Вот все, что ночью позднею тебя
Сопровождало. Вроде полусна.
Когда ты шла домой. Уже одна.

Мы снова станем тайной и загадкой
И для других и для самих себя...

Я жил с какой-то смутною догадкой,
Таких догадок очень не любя.
Возможно, в тот же час невдалеке,
Сминая снег нетающий в руке,
По этому же городу ночному
Я шел один. Но город был другим.
С названьем тем же, но он был другим.

В нем облака не слухами сорили,
А звездами легчайшими, как дым,
И чистоту зимы боготворили.

И ниспадали и не пропадали.
И оба города не совпадали.

Возможно, в эту ночь хотя не вьюга,
А лишь поземка малая мела,
На улице, что нас двоих ждала,
Мы разминулись, не узнав друг друга.
Надолго... А потом
из-за угла
Не снег, а чья-то добрая услуга
Той ночи все итоги подвела.

Ты замечала? Стоит отвернуться,
Как все деревья тут же встрепенутся
И, словно бы не прикасаясь к ним,
Их окружат зеленые созданья,
Зеленый смех, зеленое порханье,
То, что листвою боязно назвать:
Настолько это
маленькие листья.
Я думаю, нельзя и высшей кистью
Их по отдельности нарисовать.

Гляди, как жаждут смелого побега
На волю травы городской земли!
Закрой глаза. Открой. Уже взошли.
Я думаю, что оба наших снега
Для почвы тоже даром не прошли.

(Кто там мелькнул и скрылся, в чем-то зимнем,
Испуганно увидев нас с тобой?
Беги, беги. Я добрый. Бог с тобой.)

Найдя дворы в зеленом, окна в синем,
Сам небосвод любуется травой.
Старинный дом, не зная, не скорбя,
Залюбовался кранами и кладкой.
Все снова стали тайной и загадкой
И для других и для самих себя.

Как в облегченье — в чистом пересвисте
И город весь и пригороды все.
И, словно вдруг очнувшиеся листья,
Твои глаза зеленые в росе.

СНЕГ ЭТОГО ГОДА

Да, это снег... Такие горы пуха!
Почти неразличимые для слуха,
Но чрезвычайно видные для глаза
Путем сплошного, в общем, непролаза.
Как от тебя, легчайшего, светло!

Мы стали так к своим любимым чутки.
Берем их под руку, себе назло...
Но как уйти из телефонной будки,
Когда ее по крышу замело?

Да, это снег... Мне не хватает духа
Сказать, что он, как белая разруха,
Или как злато, или серебро.
Иди! Желаю «ни пера, ни пуха»!
Хотя при чем тут пух или перо?

Я не люблю классических сравнений,
Поскольку я давно уже не гений,
А наконец-то просто человек.
Я до своей подруги дозвонился.
Я схлопотал свое. Остепенился.
А ты нисколько не переменился.
Ты самый наш, ты самый русский снег.

Нет телефона на опушке леса.
А то б я позвонил для интереса
Весной кукушке: как она живет,
Что накукует, если запоет?

(Шел некий конкурс. И один поэт...
Он выиграл поездку по России.
А не по Англии Он был обижен.
Он рассердился. Он пылал во гневе.
Его язык маячил над жюри,
Несправедливо премии раздавшим.
И я считаю, что несправедливо.
Как может Вестминстёрское аббатство
Не повидать
такого
человека?)

Лети, мой снег, кружись над головой.
Долепливай, что мы недолепили.
Столбы, карнизы. Улучшая стили
Так весело и чисто. Я с тобой.

Кружись, танцуй. Хоть нам не до танцулек.
И уходи все дальше по Руси.
Но на весенний вернисаж сосулек
Хотя б снежком последним
пригласи!

●

— Я русский. Демидов по фамилии.
— Ты ж облик человеческий совсем потерял.
— Кто ж тут его сохранил?
— Где в плен попал?
— На Дону где-то. Из штрафников я.
— За что в штрафники угодил?
— Осужденный был. За то, что будто бы колхозную ригу сжег.
— Как будто бы?
— Я не поджигал. Денисий Макшеев поджег. А я жениться хотел на Марии. Оттого все и началось...
— Погоди, погоди, старик.. Он полоумный, кажется.
— Нет, в уме покуда. И не старик, мне сорока нет пока еще. Вы послушайте...

Демидова выслушали терпеливо. Рассказывая обо всем, что с ним произошло, Павел видел, что ему не верили.

— Да, тут разобраться не так-то просто,— сказал офицер с двумя полосками на погонах.— И не наше это дело.

— Да чье бы ни было, все едино не разберутся.— обреченно махнул рукой Демидов.— Лучше уж посадите до конца срок отсидеть, который мне дален.

...И еще три года мыкался Демидов по каким-то пересыльным пунктам, лагерям, по-прежнему безразличный к тому, что с ним происходит. Он только чувствовал: люди, занимающиеся его судьбой, не знают теперь, что с ним делать.

Наконец, в сорок восьмом году, Демидова выпустили, обязав три года еще жить на поселении в том же северном районе, где был лагерь.

Но все проходит. Прошли и эти добавочные три года. Мог теперь ехать Павел Демидов куда угодно. А куда? Где жизнь доживать? Мать умерла еще до войны, получил он известие как-то. Мария, Денис Макшеев, родное Колмогорово — все это было где-то уже в другом мире, будто за какой-то мутной бесконечной далью, преодолевать которую не было ни смысла, ни желания.

Продолжение следует.

ПОЧЕМУ?

Вячеслав ГАВРИЛИН

Воскресенье, 14 июня. На стадионе «Ацтека» только что закончился четвертьфинальный матч сборных команд СССР и Уругвая. Мы проиграли. За три минуты до финального свистка, когда все — зрители, футболисты, тренеры — были уверены в ничейном исходе игры, мяч влетел в наши ворота, мяч, перечеркнувший наши надежды и позволивший уругвайцам войти в четверку сильнейших.

В нашей раздевалке царила глубокая тишина. Игроки переодевались молча. Никто из них не хотел верить, что чемпионат для советской сборной уже закончен. У Владимира Капличного был рассечен лоб, кровь заливала лицо, но он не замечал этого. Позже, когда мы вместе с ним ехали в машине «Скорой помощи» в госпиталь, Володя сказал:

— Никак не могу поверить в проигрыш. Как это случилось? Ведь раньше мы всегда побеждали сборную Уругвая.

Вечером мексиканский повар спросил меня:

— Вашим игрокам не понравилось, как мы приготовили пищу?

— Почему вы так думаете?

— Почти весь ужин остался на столах.

Нет, пища была приготовлена вкусно, но после проигрыша какой уж аппетит...

Часа в два ночи мне позвонила Москва. После передачи материала в редакцию я вышел во двор отеля. Навстречу мне попался Володя Мунтян.

— Не могу спать. Все пытаюсь разобраться, почему мы оказались за бортом.

В самом деле, почему? Сколько уже дней прошло после окончания чемпионата. Отбушевали уже карнавалы в бразильских городах, богиня Нике навсегда поселилась в стране Пеле, вернулась на родину наша команда, занявшая всего лишь пятое место, а точного ответа на вопрос, мучивший Мунтяна, пока нет. Вот и я все стараюсь понять. Почему мы так неудачно сыграли с уругвайской сборной? Что это — случайность, невезение или следствие многих ошибок, допущенных еще задолго до отъезда в Мехико?

Попробуем же разобраться в случившемся.

Наставники нашей сборной не раз заявляли о приверженности советской команды к атаке. Однако атакующий характер сборная СССР показывала далеко не всегда. Лишь одну встречу — с бельгийцами — наши футболисты провели по-настоящему агрессивно. В трех остальных матчах результативность сборной СССР оказалась на низком уровне. Команде Сальвадора, которая, по мнению специалистов, была слабейшей среди шестнадцати участниц соревнований, наши футболисты сумели забить лишь два гола, а ворота сборных Мексики и Уругвая так и остались нераспечатанными. Форварды в этих встречах действовали разобщенно, а защитники и полузащитники не поддерживали их в должной мере.

В матче с уругвайцами была взята на вооружение оборонительная тактика, когда шесть спортсменов — пять защитников и вратарь — охраняли ворота, разрушая атаки двух, реже трех нападающих соперника и не утруждая себя организацией наступления (исключение составлял лишь один А. Шестернев). На долю наших нападающих выпала трудная задача: пробиваться сквозь оборону уругвайцев, состоявшую из 7—8 игроков. Такая тактика, рассчитанная на случайный промах соперника или на слепую удачу при жеребьевке в случае ничьей, не могла, конечно, принести успеха во встрече с сильной командой. И вот поражение. Поражение тем более обидное, что советские футболисты пять раз уже встречались со сборной Уругвая и все пять раз добивались победы. Это был соперник, тактику которого наши спортсмены хорошо знали и против которого умели играть.

После четвертьфинального матча команд СССР и Уругвая одна из мексиканских газет писала: «Русские футболисты легонько постучали в дверь, ведущую к воротам уругвайцев. Естественно, что она от стука не отворилась, ибо ее надо было взламывать при помощи тарана. Добиться успеха в матче с уругвайцами, атакуя двумя-тремя форвардами,— непосильная задача. Только мощный штурм мог сломить защиту южноамериканцев. Обстоятельства позволяли русским организовать такой штурм, но они почему-то этого не сделали. Как и уругвайцы, они решили положиться на судьбу и плыть по воле волн».

Группа мексиканских специалистов провела на чемпионате исследования относительно объема работы, выполняемого игроками во время матча. Оказалось, что в целом футболисты передвигались на поле больше, чем на прошлом чемпионате мира в Англии. Особенно возрос объем действий защитников в командах Бразилии, Англии, Уругвая, ФРГ, Италии. Игроки обороны стали принимать самое активное участие в атаке. Бразильский защитник Карлос Альберто, участвуя в 6 матчах, подключался в наступление 73 раза. Причем он не ограничивался лишь организацией атак из своей зоны, а нередко выходил на ударную позицию. Почти две трети мячей бразильцев в ворота соперников были забиты после комбинаций, в которых в той или иной мере участвовали защитники и полузащитники. В финальной встрече из четырех мячей, проведенных в ворота итальянцев, два забили полузащитник Герсон и защитник Карлос Альберто, а еще один — Пеле с отличной подачи полузащитника Ривелино.

После одного из матчей Пеле спросили, что он думает о защите сборной Бразилии.

«Она не так слаба, как утверждают некоторые журналисты,— сказал Пеле.— Все дело в том, какие функции выполняют защитники: только ли они разрушают или, разрушая, создают. Несомненно, наши защитники могли бы сыграть сильнее, действуя лишь в обороне, но тогда бы атакующий потенциал команды уменьшился».

Англичанин Купер, уругвайцы Убиньяс и Мухика, итальянцы Факкетти и Бургнич, бразилец Карлос Альберто — все эти первоклассные игроки обороны активнейшим образом участвовали в атаке. В нашей же сборной подключение защитников в наступление, к сожалению, носило эпизодический характер, хотя возможности у них были отличные. В немалой степени это объясняется тем кругом задач, которые были поставлены тренерами перед игроками обороны. Уверен, что наши защитники в исполнении своих обязанностей в обороне ничуть не уступают ни бразильцам, ни футболистам ФРГ, ни, пожалуй, итальянцам. Беда в другом: в том, что они неуверенно, неохотно шли в атаку, мало помогали форвардам.

Каждая команда, претендовавшая на высокое место в чемпионате, естественно, заранее позаботилась о том, чтобы иметь свой «козырь», при помощи которого она рассчитывала добиться победы над соперником. У футболистов ФРГ это была хорошая физическая подготовка, у перуанцев — скоростной маневр, у бразильцев — отличное тактическое и техническое мастерство игроков, у итальянцев — четкое взаимодействие и умелая подстраховка футболистов. У одних эти «козыри» оказались весомыми, у других — нет. В данном случае я хочу подчеркнуть другое — эти козыри были. Наша же сборная выглядела на чемпионате этакой бескозырной середненькой во всех отношениях командой. А ведь еще сравнитель-

Пеле забивает гол. Фото ЮПИ

но недавно у советских футболистов были отличные «козыри», против которых не всегда могли устоять даже самые лучшие команды мира: быстрый темп в течение всего матча, выносливость, высокие бойцовские качества.

Не оказалось в нашей сборной и «звезд» — первоклассных футболистов, которые могли бы повести за собой в трудную минуту всю команду. Вспомним, какую огромную роль играют в нашей хоккейной команде Анатолий Фирсов, Вячеслав Старшинов, Виталий Давыдов, Александр Рагулин. С них берет пример молодежь, они ведут команду вперед. «Звезды» — талантливые спортсмены, преданные коллективу, отдающие все силы команде,— нужны. Их-то и не хватало нашей сборной в Мехико. Вполне естественно, что высококлассный футболист имеет свой «почерк», и его не нужно нивелировать, как это порой случалось в нашей сборной. Футболист должен действовать в интересах команды, не теряя в то же время своего стиля игры. Чем больше ярких индивидуальностей в сборной, тем труднее ее обыграть. И чемпионат дал множество тому примеров.

В Мехико мне не раз приходилось беседовать с тренерами, игроками разных команд, интересоваться их подготовкой к ответственным турнирам. И все они подчеркивали, что в сборной происходит лишь «доводка» футболиста до определенной кондиции, шлифуется его взаимодействие с партнерами. Основы же технического мастерства, тактического мышления спортсмена закладываются в клубных командах. Думается, что за выступление советских футболистов в Мехико ответственны не только наставники сборной, Федерация футбола СССР, но и тренеры клубных команд мастеров. Неудача нашей сборной находится в прямой зависимости от выступлений наших лучших клубных команд в розыгрышах Кубка европейских чемпионов и Кубка обладателей кубков. Это звенья одной цепи.

Есть и ряд других причин организационного и методического порядка, повлиявших на выступление нашей сборной в Мехико. Безусловно, они должны стать предметом глубокого разбирательства в Федерации футбола СССР, чтобы подобные ошибки не повторялись в будущем при подготовке к ответственным соревнованиям.

Серьезные претензии следует предъявить и к Международной федерации футбола (ФИФА). Непонятно, например, кому и зачем понадобилось проводить воскресные матчи в самое жаркое время дня. Одни утверждают, что виною этому традиционная коррида, которая проходит в мексиканских городах в воскресенье вечером. Часть зрителей, мол, отказалась бы от футбола в пользу корриды. Думаю, что это — ошибочное мнение, ибо мексиканцы страстно любят футбол, и стадионы на таких воскресных встречах, как Мексика — СССР, Мексика — Италия, Англия — ФРГ, СССР — Уругвай, были бы полны независимо от того, в какое время проводились матчи. Другие считают, что начало воскресных встреч было поставлено в зависимость от европейского телевидения: любители спорта хотели бы видеть матчи лучших команд мира в день их проведения в Мексике. А ведь от телекомпаний ФИФА получает немалые доходы. Так или иначе ФИФА в угоду кассовым интересам поступилась здоровьем спортсменов.

Накануне чемпионата судейский комитет ФИФА провел семинар с арбитрами, стремясь добиться от них одинакового толкования правил. Но если бы проблема судейства сводилась лишь к этому! Беда в том, что некоторые арбитры порой вообще не руководствовались правилами.

Никоим образом не оправдывая действия футболистов СССР в матче со сборной Уругвая, когда они, увидев, что мяч вышел за пределы поля, прекратили борьбу до свистка судьи, следует заметить, что арбитры (основной и боковой) допустили в данном случае грубейшую ошибку, следствием которой был гол в наши ворота.

Да разве это единственная ошибка судей на чемпионате?

Но все трудности, с которыми столкнулись наши спортсмены в Мехико — и непривычная высота, и жара, и недобросовестное судейство,— не могут объяснить причину нашей неудачи: она таится в технических и тактических просчетах, допущенных нашими тренерами дома — на тренировках, в текущих календарных играх.

И есть еще одна причина: неумение психологически подготовить спортсменов к предстоящим им суровым испытаниям. Англичане вернулись в Мехико из поездки по Колумбии и Эквадору без своего капитана Бобби Мура. Один из лучших защитников сборной Англии остался под арестом в Боготе по подозрению в краже в ювелирном магазине золотого браслета стоимостью около 1 500 долларов. (Месяц спустя в латиноамериканской печати промелькнуло сообщение, что браслет, якобы украденный в свое время Муром, ювелиры видели у жительницы Боготы, известной связями с преступным миром.) Но команда вышла из этой психологической атаки без потерь, и Мур и его товарищи сохранили уверенность и спокойствие.

По мнению южноамериканского психолога А. Кастанья, большинство футболистов, участвовавших в чемпионате мира, испытывало нервное напряжение в 8—10 раз выше обычной нормы. «Спортсмен не может отгораживаться каменной стеной от окружающего мира,— писал Кастанья.— Неуверенная игра некоторых талантливых футболистов и даже целых команд в отдельных матчах объясняется прежде всего чрезмерным нервным напряжением, которое тренеры не сумели снять».

Команды применяли различные методы психологической разрядки. Бразильцы, уделяющие этим вопросам большое внимание, исходя из опыта прошлых чемпионатов, разработали целую систему мер, направленных на то, чтобы снимать нервное напряжение у игроков. Они, например, создали ансамбль музыкальных народных инструментов, в который вошли Пеле, Клодоальдо, Ривелино, Жаирзиньо и другие ведущие футболисты. Ансамбль исполнял бразильские народные мелодии, а также песни, созданные Пеле (их у него уже около восьмидесяти, причем четыре написаны во время чемпионата). Клодоальдо, один из инициаторов создания ансамбля, рассказывает: «Мы долго размышляли, как отвлечь игроков от дум о предстоящем матче, как сохранить их нервную энергию, и в конце концов среди прочих мер решили создать ансамбль народных инструментов. Я не хочу сказать, что это подходящая форма психологической подготовки для всех команд. Нет. Но для нас эта форма хороша. Самба давала нам заряд энергии, помогала забыть тревоги и волнения».

Некоторые меры, направленные на то, чтобы снять чрезмерное нервное напряжение у игроков, были осуществлены и в советской команде. Но полностью этого сделать не удалось. И не случайно в матчах с командами Уругвая, Мексики многие наши футболисты заметно волновались, нервничали и, как следствие, допускали грубые ошибки. Вопрос о психологической подготовке спортсмена к ответственным соревнованиям — очень важный вопрос, и тренерам немалую помощь должна оказать наука.

Золотая богиня Нике уже не занимает умы футболистов и болельщиков, но их внимание привлекает теперь другой приз, правда, с более прозаичным названием — «Кубок ФИФА». И начинать подготовку к борьбе за этот кубок нужно, лишь трезво осмыслив уроки мексиканского чемпионата.

«ТИХИЙ» ВЕЧЕР В ВУЛВЕРХЭМПТОНЕ

Борис ДМИТРИЕВ

Я ехал в Вулверхэмптон. Вечером должен был состояться большой митинг, посвященный ленинскому юбилею, на который среди других ораторов приглашен был представитель Советского Союза.

Дорога в Вулверхэмптон не очень дальняя — километров 200 к северу от Лондона,— но довольно хлопотная в последней четверти пути, потому что здесь идут подряд три больших города — Бирмингем, Вест Бромвич, Вулверхэмптон, и автомобиль, войдя в пригород Бирмингема, поминутно застревал в скопище машин, заполонивших городские улицы.

Все эти три города сродни друг другу. Взяв свое начало от первых в Англии железорудных шахт и металлургических заводов, Вулверхэмптон и его соседи составляют сердцевину «черной страны» с ее многомиллионным рабочим людом. Но все же есть одно обстоятельство, которое делает Вулверхэмптон отличным от его соседей и тем более от других английских городов. Дело в том, что здесь, может быть, более, чем где-либо в Великобритании, явственно видны социальные противоречия. Не в малой степени это объясняется тем, что в Вулверхэмптоне сосредоточено больше, чем в других городах, цветное население и поток выходцев из Индии, Пакистана, Африки, Вест-Индии продолжает расти.

Своеобразная демаркационная линия разрезает город пополам. Южная часть его (точнее Юго-Западный район) служит довольно прочным оплотом английского расизма, пророком которого выступает член парламента консерватор Энок Пауэлл. Здесь его избирательный округ, тут особняки побогаче и заборы вокруг полузагородных вилл повыше. Страх перед собственными пролетариями соединяется у жителей этой части города с презрением к инородцам. И демагогическая логика заклинаний Пауэлла проста. Цветные уже здесь, они теснят истых британцев в бизнесе. Подумайте только, в местном госпитале впервые в истории Вулверхэмптона врачом стал пакистанец, белых детей учит в школе английскому преподавательница из Вест-Индии, и даже в полицию впервые приняли на работу индийского сикха. Что станется с нами и нашими детьми, если дела пойдут так дальше, ведь в ближайшем будущем число цветных в Англии перевалит за два с половиною миллиона...

Такие проповеди ведутся громогласно и вкрадчивым шепотом, сея смятение и тревогу. И Энок Пауэлл ловко играет на этом, стремясь завоевать Вулверхэмптон целиком, превратить в «Пауэллвиль» не только южную часть, от которой он избран в парламент, но и весь город. На всеобщих выборах, которые состоялись в Англии 18 июня, он получил чуть ли не в четыре раза больше голосов, чем в предыдущую избирательную кампанию. Но Пауэллу и его единомышленникам приходится сталкиваться с решимостью другой половины горожан дать отпор расизму.

В тот тихий вечер линия борьбы «северян» с «южанами» проходила у отеля «Молинэ», где люди собирались на митинг. На улице, у входа в отель, несколько десятков джентльменов с аккуратно выписанными плакатами провозглашали здравицы во славу «великого христианина Пауэлла» вперемежку с примитивными антисоветскими лозунгами.

А за дверью отеля был совсем другой народ и другая атмосфера. Здесь собралась самая разная Англия, неимущая и имущая, коммунистическая и лейбористская, белая и цветная, чтобы отдать должное жизни и деятельности Ленина.

Первым, кто меня встретил у дверей, был Джеф Чарнсби, лектор местного колледжа, руководитель окружной организации коммунистов. За ним, пробиваясь через толпу индийцев, у которых на пиджаках были красные банты со значками Ленина, к нам подошел широкоплечий человек.

— Пусть наши партийные боссы в Лондоне думают, что хотят,— пророкотал он,— а мы, заводские лейбористы, считаем Ленина своим и вместе с коммунистами отмечаем его юбилей.

Хозяину отеля явно было не по себе, глядя на эту расцвеченную красными флагами маевку. По-видимому, точно так же чувствовали себя некоторые из пришедших в «Молинэ» советников муниципалитета и прочие должностные городские лица. Куда охотнее они отсиделись бы где-нибудь в другом месте, но что поделаешь, приходится подлаживаться под настроения избирателей!

Когда наконец все расселись и угомонились, на трибуну поднялся Джеф Чарнсби. Его речь о Ленине, хотя и немногословная, была яркой, наполненной аплодисментами и одобрительным гулом аудитории. Впрочем, не все аплодировали с одинаковым жаром: ряды советников ограничились несколькими вежливыми хлопками.

После выступления Джефа притулившийся у трибуны небольшой джаз заиграл пролетарские песни, а в залах, как заведено у англичан, началась «дискуссия». Говорили о Ленине и России, о судьбах социалистического движения в Британии, о необходимости более энергичных действий против английских расистов.

Не прервать «дискуссии», она затянулась бы до бесконечности. Но вот на трибуне появляется лейбористка Рене Шорт, член парламента от северной части Вулверхэмптона. Нет, она не коммунистка, но не может не преклоняться перед величием ленинского гения. С пафосом и искренностью Рене Шорт говорит о значении идей и дел Ленина для мирового прогресса, ярко рассказывает она о Стране Советов, где недавно побывала. И снова долгие аплодисменты, теперь уже почти всеобщие.

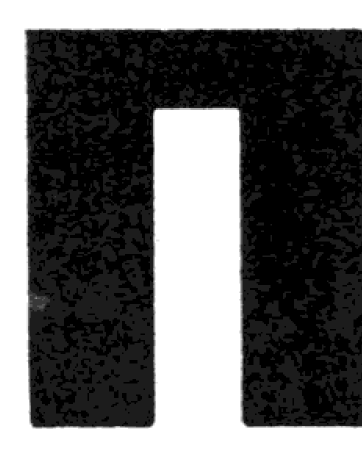
И тут наступил мой черед. Но едва я поднялся на трибуну, как в зал вошли несколько человек. Один из них тут же стал проворно разворачивать плакат. И когда белый парашютик плаката запоздало распустился у входа в зал, я узнал в нем одного из «пауэллских джентльменов», которых видел у входа в отель.

Впрочем, все это продолжалось считанные секунды. Не успели коллеги Пауэлла взять первые октавы тщательно отрепетированных профашистских лозунгов, как были выдворены, а их плакаты разорваны в клочья. Если до той поры в «Молинэ» еще и оставались люди, сдержанно встречавшие ораторов, то теперь даже ряды советников негодовали по поводу провокации вместе с остальными.

Когда же в зале все стихли и мне, советскому человеку, снова дали слово, едва я произнес первое слово — «Ленин», как все потонуло в аплодисментах.

Потом на трибуну поднялся кто-то из присутствующих и стал дирижировать залом, скандировавшим «Ленин — Россия», «Ленин — Россия». И уже не было тихого вечера в Вулверхэмптоне. Казалось, от «Молинэ», как от эпицентра, расходились волны протеста, рожденные решимостью рабочей Англии защитить демократию, свободу и гражданские права, подтверждая, что в Англии идеи Ленина живут и дают людям духовную отвагу и веру в победу.

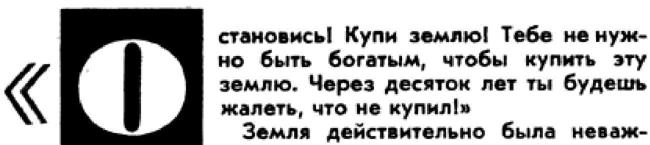
Лондон — Москва.

Пустынники

Генрих БОРОВИК

«Остановись! Купи землю! Тебе не нужно быть богатым, чтобы купить эту землю. Через десяток лет ты будешь жалеть, что не купил!»

Земля действительно была неважнецкая. Одно слово — пустыня. Настоящая, без шуток. Серая земля с песочком до горизонта. Голубое небо без облачка и—солнце. Тяжелое, бьющее жаром и злобой. Оно бьет не только сверху, но и с боков, снизу— рикошетом от блестящих жестяных банок и бутылочных осколков, которые тянутся вдоль обеих сторон дороги, как драгоценное украшение или как две контрольно-следовые полосы — это уж как вам больше нравится. А само шоссе, белое, нескончаемое, как дорога в вечность.

Еду, высунув в окно машины руку, как собака язык. Левая щека горит: солнце надавало пощечин. С рукой совсем плохо. Пришлось обвязать полотенцем. Конец полотенца бьет по металлическому зеленому боку машины, развевается, как белый флаг капитуляции.

Не я один капитулирую перед солнцем. В окна высовывают даже ноги. Грязные пятки, протянутые к солнцу,— это уже последняя степень отчаяния.

Хорошо тем, кто с кондиционером. Сидят, застегнутые на все пуговицы, в прохладе, за холодными, покойницкими стеклами. Катят по пустыне в собственных автосклепах, торжественные, как привидения.

Впрочем, в этот час машин на дороге мало. Пустыню надо пересекать либо утром, либо вечером. Дернула же меня нелегкая, вопреки всем инструкциям, оказаться здесь в час дня!

Еще утром ехал я по Аризоне. Вдоль сороковой дороги, предназначенной мне свыше самим господом госдепом. Вокруг буйствовали краски. Вдоль аризониных горизонтов — синие холмы. Поближе — холмы сиреневые. А у самой дороги несли сторожевую службу причудливой формы красные камни, выветренные, как лица индейцев. Жухлая желтая травка. Необъяснимые лошади без седоков, без пастухов, без ограждений. Разноцветные облака, отражавшие краски земли. То была так называемая окрашенная пустыня. Почти что благодать земная.

Кончилась «окрашенная пустыня», и замелькали вдоль дороги нескончаемые городки, проткнутые ею, как шпагой. У каждого городка было свое название, хотя трудно было сказать, где заканчивается Крозьер и начинается Вэлэнтайн. Над всеми маленькими названиями господствовало одно большое. Оно произносилось автомобильным радио прозой и в рифму с самыми приятными словами, оно выпевалось, оно высвечивалось, вымигивалось и даже электрическим путем вытанцовывалось на маленьких и больших рекламных щитах. Это слово было «Лас-Вегас». Он был тут, этот город развлечений, красивейших женщин, вращающихся рулеток, бешеных денег, знаменитейшего отеля «Пустыня». Город крупнейших афер, фешенебельных кабаре, неожиданных банкротств и обогащений. Совсем недалеко. Стоило только свернуть направо у городка Кингмен с дороги номер 66 на дорогу номер 93.

Так и было написано на одном плакате: «Сверните направо у Кингмена, и вы познаете счастье».

О том, что обретение счастья находится в прямой зависимости от поворота рулевой баранки по часовой стрелке у Кингмена, путешественника убеждали с возрастающей настойчивостью.

Вежливые вначале предложения относительно поворота становились все более и более императивными. На меня стали кричать, как на извозчика: «Сверни к Лас-Вегасу!», «Правь на Лас-Вегас!», «Гони к Лас-Вегасу!», «Забирай вправо к Кингмену!». Потом, видимо, впав в истерику, стали снова просить. Даже умолять: «Если вы и не намеревались ехать в Лас-Вегас, все равно сверните: поездка займет несколько часов, но вы увидите, что такое счастье». Крещендо нарастало. В самом городе Кингмене должен был произойти какой-то взрыв. Это я понимал. И ждал его с некоторым даже страхом.

В центре Кингмена, на скрещении дорог 66 и 93, стояла огромная стрела, указующая вправо. На стреле, усыпанной блестками, сотней больших и маленьких лампочек светилось и гипнотизировало, как удав кролика, блистательное слово «Лас-Вегас» и, конечно, еще два слова: «Сверни направо».

Я почувствовал, что баранка, помимо моей и вопреки воле госдепа, крутит туда, куда зовет меня стрела, то есть к счастью, которое, оказывается, так близко — всего в двух часах пути — и, оказывается, так возможно.

У самого поворота стоял мотель под названием «Стрельба в звезды», который рекламировал себя довольно самоуверенно: «Остановись у нас один раз, и ты будешь останавливаться здесь всегда». Из «Стрельбы по звездам» неожиданно выскочил потрепанный тупорылый грузовичок и принялся пересекать площадь против движения. В последний момент мне удалось рвануть руль влево и уйти от невеселой возможности остаться около «Стрельбы по звездам» навсегда. Это маленькое происшествие освободило меня также от гипнотической силы стрелы, призывавшей крутить вправо. Через минуту я уже ехал дальше, умиротворенный, как Одиссей, вырвавшийся из объятий сирен, как праведник, устоявший перед дьявольским соблазном. Нечистая рекламная сила Лас-Вегаса, правда, еще разок попыталась совратить меня с пути истинного. «Не свернул? — горестно констатировал плакат через полмили после поворота.— Ну что ж, упустил свое счастье».

Я зажмурился и проехал. Я утешал себя мыслью, что Голливуд в конце концов тоже, как говорят, город счастливых возможностей. А моя дорога вела меня именно туда.

Проехав метров сто, я все-таки не выдержал, оглянулся. На обратной стороне промелькнувшего меланхоличного плаката, обращенной к встречным машинам, я увидел жизнерадостное «Хотите испытать счастье? Сверните у Кингмена налево, к Лас-Вегасу!».

Ах, заешь вас комар!

Потом был пограничный городок Топок, где полицейские штата Калифорния строго спрашивали, не везу ли я в машине фрукты, овощи и мясо. Один даже велел открыть багажник, но, увидев мой нью-йоркский номер, заулыбался.

— Из какой части Нью-Йорка? — спросил он.

— С Манхеттена.

— А я из Бруклина,— сказал полицейский, все улыбаясь.— Вот куда занесло.

— За счастьем ездили?

— Вот именно,— он усмехнулся.— Вы тоже?

Я ответил что-то неопределенное.

Обо всем этом я вспоминал, двигаясь посреди великой калифорнийской пустыни, совсем недалеко от Долины смерти, под лучами оголтело жарившего солнца. Левая рука болела. Левой щекой я мог бы разогреть суп в кастрюле средней величины.

Наверное, я и дальше продолжал бы жалеть себя, если бы не заметил впереди странную повозку. Подъехав ближе, я увидел старый, потрепанный дождями, ветрами и солнцем фургон, похожий на фургон американских пионеров.

Он стоял одиноко метрах в пятнадцати от дороги. Возле него понуро прядали ушами четыре сереньких осла. Повозка была зеленая. Над ней натянут серый залатанный брезент, на котором крупными буквами масляной краской от руки было выведено: «Ветеран Джон». Я съехал на обочину, прорыв на контрольно-следовой полосе из пивных и кока-кольных банок четыре канавки, и остановил машину.

Кроме четырех ослов, возле фургона никого не было видно. Я подошел ближе.

На звук моих шагов из фургона донеслось вначале ленивое собачье тявканье. Потом кряхтенье, и по скрипучей приставной лестничке сзади спустился седой бородатый старичок. Он был среднего роста, плотный, в защитного цвета военных бриджах, драных полуботинках, в голубой рубашке с погончиками. Голова была покрыта носовым платком с узелками на уголках — совсем так, как покрывают голову отчаянные загоральщики где-нибудь в Геленджике. За стариком показалась мохнатая собачья голова. Пес осмотрел меня формально, без всякого чувства бдительности и снова скрылся в кибитке. Старик же остался стоять, глядя на меня молча, но не враждебно.

— Не нужна ли какая-нибудь помощь? — спросил я.

Старик ответил вопросом на вопрос:

— Будете фотографировать?

— Как вы попали сюда? — снова спросил я.

— Если будете фотографировать, то скорей, а то жарко.— Старик упорно придерживался своей темы разговора.

— Вы не с киногруппой? — все пытался я найти объяснение этому необыкновенному видению в пустыне.

Старик посмотрел на меня неодобрительно и сказал с раздражением:

— Я глухой, не слышу.

До меня не дошел сразу смысл его заявления, и я еще что-то сказал вполне механически.

Старик рассердился не на шутку и закричал на меня:

— Вы что, оглохли? Не слышите, что ли: я глухой!

Я не знал, что делать. На всякий случай взялся за фотоаппарат. Может быть, действительно сфотографировать? Но не успел я навести фокус, как старик с быстротой, которой

я от него не ожидал, метнулся к фургону, достал оттуда здоровенный фанерный щит и прикрылся им. На щите той же краской, что и на фургоне, было выведено: «Запрещено делать фотоснимки без разрешения». Старик стоял за плакатом. Только голова выглядывала сбоку. И виднелись ноги в драных полуботинках.

Я жестами попытался выяснить, у кого надо спрашивать разрешение. Старик смотрел на меня внимательно. Потом сказал:

— За фотографию я беру пятьдесят центов.

Я полез в карман за деньгами. Он сразу оживился, надел на голову синюю пилотку ветерана, подошел к ослам, обнял одного из них за шею и заулыбался.

Я трижды щелкнул фотокамерой. Полутора долларов как не бывало.

Старик совсем подобрел и разрешил осмотреть свое жилище. В фургоне оказалась алюминиевая раскладушка с тюфяком. Какие-то тряпки, оберточная бумага. На дырявом деревянном ящике, который служил столом, стояла металлическая миска. Под полом в ящике кудахтали куры. Старик, как видно, двигался по пустыне вполне автономно. На деревянной полке стояли две книги: библия без обложки и словарь 26 языков.

Я изобразил вопрос на лице и ткнул пальцем в словарь 26 языков. Старик улыбнулся и сказал неожиданно просто:

— Для интереса.

Тогда я отнес свой вопрос к нему самому. Проглатывая окончания слов, Джон объяснил, что он ветеран второй мировой войны, дрался в Европе. Был контужен. Постепенно терял слух. Было очень трудно жить. И он придумал вот такой способ существования. Уже много лет ездит на своем фургоне. Зарабатывает тем, что позирует перед туристами и берет по 50 центов за фотографию. Начал свое путешествие с восточного берега. И вот медленно перебирается, как настоящий американский пионер, на запад.

«В Лас-Вегас заворачивали?» — спросил я, написав вопрос палочкой на песке.

Старик кивнул и потом плюнул на то место, где я обозначил город счастья.

— Меня даже и не заметили там,— сказал он.— Там все только собой интересуются.

«А теперь куда?» — нарисовал я на песке.

— В Голливуд,— сказал старик серьезно. И добавил уверенно: — Там я заработаю. Там все снимают.

«А потом?» — снова записал я палочкой.

Старик пожал плечами и покачал головой. У него еще не было планов.

— Жарко,— сказал он и с трудом проглотил слюну.

«Где воевали в Европе?» — задал я вопрос тем же графическим способом.

— Везде,— сказал старик и махнул рукой.— Начал с Нормандии.

«На Эльбе были?»

— Был на Эльбе, был...— ответил старик устало и снова сказал: — Жарко.

Я понял, что разговор, пожалуй, окончен. И начал прощаться.

— Постойте,— встрепенулся старик.— Вы можете сделать еще снимок.

Он позвал пса. Тот вылез заспанный, взлохмаченный, в соломе. Морда была недовольная.

— Служи,— приказал старик и пощелкал пальцами над псиным носом.— Служи, ну-ка служи.

Пес посмотрел на старика снизу вверх, криво усмехнулся и ушел под фургон, в тень.

Старик плюнул с досады и полез в фургон...

Пустыня все-таки, надо сказать, была не на сто процентов пустыней. Нет, конечно, все, что нужно, там было: бесплодная земля, знойное солнце, песок, даже маленькие миражные, озерца, полные воды, прохлады, впереди вдоль дороги. Но, как говорится, не то! Дело в том, что сама дорога, усыпанная по обе стороны бутылками и банками от прохладительных напитков, разрушала атмосферу пустынного одиночества. По железной дороге плелся неимоверной длины поезд с надписью на вагонах: «Санта Фе». Время от времени мелькали плакаты с приятным словом «айс» — лед. А через каждые пятнадцать — двадцать миль стояли бензоколонки неких предприимчивых братьев Уайтинг, лавки по продаже автомобильных радиаторов, маленькие кафе с кондиционированным воздухом, в которых можно было получить весь пищевой набор, который подадут вам в таком же кафе на Бродвее в Нью-Йорке. Все это взрывало атмосферу пустыни.

Правда, цены в этих заведениях тоже были взрывчатыми, гораздо больше нормальных, и могли разрушить любой разумный бюджет. Пустыня была окоммерчена. На жаре делали деньги. Недаром один магазинчик у Кингмена, перед началом пустыни, рекламировал себя так: «Покупайте все необходимое здесь. Все магазины в пустыне — просто мираж».

Рядом с очередной газолиновой станцией братьев Уайтинг возле дороги стоял странный человек. То есть сам он, может быть, и не был странным. Но уж очень необычным для этой раскаленной пустыни было его одеяние. На нем было надето демисезонное драповое пальто. В одной руке человек держал большой и, видимо, тяжелый бумажный сверток, перевязанный крест-накрест веревкой; в другой — старую фетровую коричневую шляпу, которой махал мне, призывая остановиться. Я остановился. Человек, тяжело передвигаясь, подошел к машине и, сказав «спасибо», влез в нее.

Ему было лет 65. Голубые глаза за стеклами стародавних очков. Мокрые волосы ежиком. Тяжелые, неподвижные морщины на обожженном солнцем лице. Под пальто у него оказался шерстяной костюм и рубашка с галстуком. Карман пальто оттопыривала пустая стеклянная полулитровая банка. И галстук и рубашка были мокрыми от пота. Он положил сверток на заднее сиденье, туда же шляпу, но пальто не снял. Вытер лицо большим несвежим носовым платком, потом потер лицо руками, будто умылся, и глубоко вздохнул.

— Куда едете? — спросил я.— Я могу подвезти вас до места.

— Спасибо, но я вначале только до Эмбоя. Там слезу, передохну. Я трудно переношу машину, да еще в такую жару.

От него исходил душный жар, будто в машине установили раскаленную печку и плеснули на нее водой.

— Вы довольно тепло оделись.

Он кивнул:

— Ничего не поделаешь. Не бросать же вещи.

Когда он говорил, морщины-ущелья на его лице двигались, открывали свое незагорелое дно, и почти коричневое лицо покрывалось живыми белыми полосами.

— Путешествуете?

— Нет, еду помирать.

— То есть?

— Ну, насовсем.

— А откуда?

— Из Чикаго...

Медленно, тяжело подставляя слова одно к другому, он рассказал свою историю.

Ничего особенного. Просто человек работал клерком в какой-то маленькой фирме. Года два назад заболел, и все сбережения сразу же ушли на врачей и лекарства. Страховка покрыла лишь самые первоначальные небольшие расходы. Все, что удалось собрать за долгую жизнь, ушло за четыре месяца болезни. Наконец выздоровел. Пришел на работу. Его не приняли. Извинились, сказали: «Тэйк ит изи» — «Не огорчайся» и не приняли. И он вдруг понял, что никого, абсолютно никого он не интересует и никому не нужен. Жена умерла за несколько лет до этого. Друзья — его же круга — не хотели с ним больше встречаться. Смотрели на него со страхом: он их пугал, как предсказание собственного возможного будущего.

Вспомнил, что в Лос-Анджелесе у него есть давний приятель, с которым не виделись лет тридцать. Написал ему. Тот, оказывается, в таком же положении. Старый, никому не нужен. Признался в письме, что хотел покончить жизнь самоубийством — очень уж тоскливо жить. Ну и вцепился в своего чикагского друга. Приезжай. Будем жить вместе. Дешевле, а помереть постараемся одновременно.

Вот он и едет. Правда, лет тридцать пять не виделись. Не знает, остались ли они друзьями. Но все равно. Хоть оба будут знать, что есть кто-то рядом, кому ты не совсем безразличен...

Так он рассказывал, время от времени вытирая лицо платком.

— Все живут в одиночку. Каждый сам по себе, и каждый дрожит сам по себе... Кругом за деньгами гонятся, за деньгами. А за людьми никто не гонится. Наплевать на людей.

— А друг-то ваш живет в Лос-Анджелесе давно?

Пассажир усмехнулся.

— Он туда поехал, когда был молодым. За счастьем. Везде писали: Голливуд, земля счастья,— вот и поехал сниматься.

— Снялся?

— А кто его знает. Может, и снялся, не знаю, он об этом не писал.

Загорелые не бледнеют, они становятся серыми. Лицо старика быстро серело. Его действительно, наверное, укачивало. Или просто было жарко. Пальто снимать он почему-то отказывался.

Мы подъехали к Эмбою.

Пассажир сдержанно поблагодарил и, взяв сверток и шляпу, потихоньку пошел в сторону кафе, где призывно горели слова: «Ветчина, яйца, сандвичи, мороженое, ледяной чай, ледяной кофе».

Машина раскалилась до предела. На крыше можно было бы без больших затруднений печь блины. Пыльный городок Эмбой состоял из придорожного кафе, заправочной станции «Уайтинг бразерс», лавки по продаже автомобильных радиаторов и трех-четырех жилых домиков. Я постарался прижать машину поближе к глухой стене одного из домиков, чтобы хоть частично разгоряченный «форд» оказался в тени. Однако откуда-то прибежала сердитая старушка — голова в розовых бигуди — и заявила, что земля частная и стоять здесь нельзя. Я ответил, что не посягаю на частную земельную собственность, мне нужна только тень. «Доллар»,— сказала владелица бигуди строго.

В Чикаго, в аптеке, я видел пустые закупоренные консервные банки. На банках было написано, что в них содержится чикагский воздух. За банку воздуха аптекарь брал по доллару с четвертаком.

Но вот торговлю тенью я встречал впервые.

— Дорого запрашиваете,— сказал я, быстро освоившись,— всего тени-то два вершка.

«Бигуди» усмехнулись:

— Зато жара.

Я испугался, что за жару с меня тоже возьмут, и поспешил отдать доллар.

В кафе за стойкой сидел мой пассажир. Хозяин вежливо, но строго втолковывал ему:

— Мы не можем разрешить вам так просто сидеть. У нас не парк. Закажите что-нибудь. Хоть стакан кока-колы.

— Дайте мне, пожалуйста, стакан воды,— сказал старик.

— Вода подается бесплатно вместе с любым заказом,— ответил неумолимый хозяин.

Я сел рядом со стариком, и вопрос уладился. Есть пассажир не стал. Жадно большими глотками, екая кадыком, выпил подряд два стакана воды. Несколько минут потом сидел молча. Затем вытащил из кармана пальто свою полулитровую банку и попросил официанта налить в нее воды — горячей. Официант пожал плечами, но кипятка налил. Старик посидел еще немного и, попрощавшись, ушел.

Когда я вышел из кафе, старик, все не снимая пальто, сидел возле бензоколонки братьев Уайтинг на ящике в крошечном кусочке тени и отдыхал.

— Поедемте,— предложил я.

— Нет, спасибо,— покачал он седой головой.— Я еще немного подожду, пусть жара спадет. Поездка была очень приятна,— добавил он вежливо.

Я подошел к машине. Сразу, как из-под земли, явилась старушенция в бигуди.

— Сказали, десять минут, а простояли целых двадцать!— закричала женщина громко.

Я дал ей еще несколько монет. Она не поблагодарила.

Через полчаса я выезжал из Эмбоя. Жара не уменьшалась. Наоборот, кажется, увеличивалась. Даже бело-голубые плакаты с холодным словом «айс» не облегчали положения.

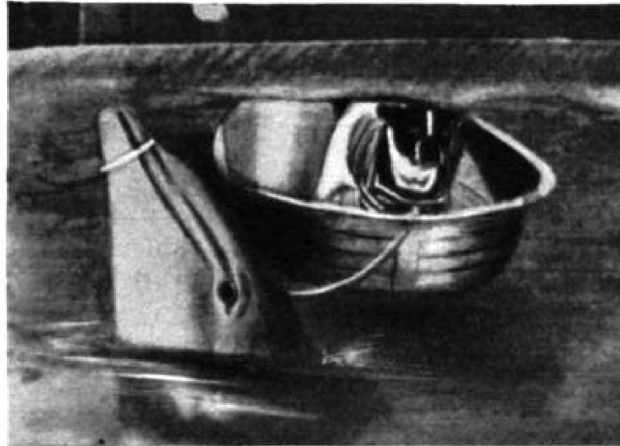
(АПН)

Калифорнийская пустыня.

РУЖЬЕ-ГИГАНТ

Это старинное, заряжаемое с дула ружье из коллекции одного англичанина принадлежало магарадже Бенгала, жившему в XVII веке. Ружье весит более 50 килограммов и имеет длину два с половиной метра.

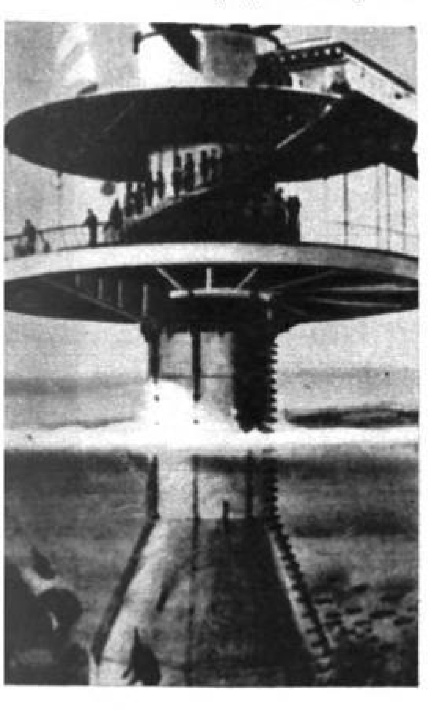
СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!

Песик Тафи, чей хозяин работает в вашингтонском парке «Страна дельфинов», с удовольствием катается в корыте, которое буксирует его друг дельфин.

В НЕБЕСАХ И ПОД ВОДОЙ

В Японии в целях привлечения туристов сооружена башня, с вершины которой можно обозревать окрестности, а спустившись на лифте внутри башни на морское дно, любоваться панорамой подводного мира.

В ПОМОЩЬ ЛЫЖНИКАМ

На крупных швейцарских стадионах, где проводятся состязания по прыжкам на лыжах с трамплина, установлены специальные аэродинамические трубы. Подвешенный в такой трубе лыжник, приноравливаясь к движению встречного нагнетаемого воздуха, может определить, какое положение следует придать телу, чтобы прыгнуть как можно лучше.

АВТОМОБИЛЬ БУДУЩЕГО

На улицах Парижа появилось необычное средство передвижения — автомобиль в виде прозрачного шара. Конструктор Жан Монтье считает, что его детище — прототип автомашины будущего. Она может разворачиваться на месте, открывает всесторонний обзор, не занимает на стоянке много места и движется со скоростью 45 километров в час, что вполне достаточно для крупных городов.

Михаил ХОДАКОВ

ЮМОРЕСКИ НА МЕДИЦИНСКИЕ ТЕМЫ

ЛЕКАРКА

Рассказ-шутка по народным мотивам

Ехал барин из Москвы в свою вотчину. Уже второй день в пути был. Устал, измотался, проголодался, да и лошади обезножили. Отдохнуть бы надо, а на пути, как назло, не только деревеньки, даже куста не видно. Еще с час проехали, поднялись на холм; оглянулся кучер — невдалеке увидел деревушку. Кони, почувствовав скорый отдых, побежали быстрее. Въехали в деревню, а избы одна другой неприглядней, ветхие все, покосившиеся. Остановились у колодца, барин приказывает:

— Пои, Фирс, коней да вон к той избе приворачивай. Там и отдохнем немного.

Вошел барин в хату, на полу куча детишек копошится, все оборванные, грязные, а у печки худая-прехудая женщина с ухватом стоит. И не поймешь, что за одежда на ней: будто облепили ее всю лоскутками тряпичными. Видел барин бедность не раз, но такой нищеты не встречал.

— Как же ты живешь? — спрашивает он с удивлением хозяйку.

— Вот так и живу. Вдовья жизнь известна. Каждую ночь смерть зову, да, видно, бог наши души не принимает.

Принес Фирс дорожный погребец, вытащил из него разные яства, разложил перед барином. Выпил барин стопку водки, закусил ветчиной — и опять за разговор. Пошутить ему захотелось.

— Хочешь,— говорит, — научу тебя, как хорошо жить?

— Темные мы, да и годы не те. Поздно мне чему-либо учиться.

— Нет, не поздно! Научу я тебя людей лечить, лекарем будешь.

Растерялась вдова, молчит, на барина и поглядеть боится.

Закурил барин папироску и снова хозяйке:

— Ну как, надумала?

— Оно и хорошо бы, барин. Для ребятишек чего не сделаешь.

— Тогда слушай меня внимательно,— говорит барин.— Я тебе сейчас заветные слова скажу, ты их хорошенько запомни, не перепутай. Как придешь к больному, пошепчи над ним, но так, чтобы он ни одного слова не разобрал, а затем вот так дунь и плюнь. Любую хворь после этого как рукой снимет. Ну-ка, наклонись ко мне.

Стал барин какие-то слова шептать ей на ухо, а вдова слушает, головой кивает, даже рот раскрыла от волнения — не пропустить бы чего. Повторила бариновы слова и раз и два, вроде хорошо все запомнила. Барин доволен остался.

— Смотри только не забудь и делай все, как я тебе велел. Скоро богатой станешь.

Собрался барин, сел в коляску, вдова ему руки целует, благодарит его.

— Спасибо тебе, батюшка. Век твоей милости не забуду.

Отъехал барин от деревни, песенку насвистывает и вдруг как захохочет. Фирс даже испугался, никогда такого с барином не было.

— А что, Фирс, ведь поверила и лечить будет? А?

— Как вашей милости угодно.

Но барин уже забыл о глупой бабе и снова насвистывать стал.

А вдова вернулась в хату и все те слова повторяет. Даже на детишек прицыкнула, чтобы не шумели, не мешали.

День за днем катились. Вот и неделя уже прошла, а вдова все ждет не дождется, чтобы кто-нибудь заболел на деревне. Хочется ей силу свою лекарскую показать. Вторая неделя прошла, пригорюнилась вдова, знать, не испытать ей чудодейственную силу бариновых слов. Но тут, на счастье, соседка зашла, между делом обмолвилась, что в соседней деревне ее дальний родственник сильно болен, в гроб собирается. Обрадовалась вдова услышанному, выпроводила поскорее соседку и тут же в путь собралась. Не заметила, как семь верст отмахала,— так торопилась. Бабы ей избу больного указали. Вошла она, видит — на полатях мужик лежит, еще не старый, только худой и бледный.

Говорит ему вдова:

— Я Лукерья из Выселок. Слышала я, касатик, что маешься ты. Помочь тебе хочу. Ничего мне не надо, сердечный, по доброте все сделаю.

Мужику терять нечего.

— Лечи,— говорит,— там видно будет.

Подошла она к нему, наклонилась, тихо-тихо что-то пошептала, дунула, плюнула, перекрестилась, простилась и пошла домой.

Сутки прошли, вторые отстукали, беспокойно вдове. На третий день к вечеру постучался кто-то в дверь. Открыла хозяйка и обмерла: ее больной мужик пришел.

Вошел в избу, молча узелок ей протянул. В ноги поклонился.

— Спасибо, Лукерьюшка, век не забуду. Я уже богу душу собирался отдать, а ты меня воскресила.

Поклонился еще раз, перекрестился и ушел.

Развязала она узелок, а там полдюжины яиц, кусок сала и хлеба полковриги. Обрадовалась Лукерья, заплакала, барина вспомнила, помолилась за его здоровье.

Земля слухом полнится. С тех пор все чаще и чаще приходили и

приезжали к ней люди. Никому не отказывала вдова в своей помощи. Днем и ночью принимала она больных у себя или ездила к ним. Зато и одаривали ее, кто чем богат.

Полгода не прошло — коровенку купила, детишек обула и одела, сама принарядилась, а через год и новую избу поставила, достаток в доме появился. Не признать в Лукерье ту худую, оборванную вдову, что однажды в своей избенке барина принимала. Располнела и будто помолодела она.

Далеко шагнула ее лекарская слава. Даже из соседних уездов приезжали к ней. А в такую даль к знаменитой лекарке не поедешь с пустыми руками....

Много лет прошло, как проезжий барин посмеялся над бедной вдовой. Он уже забыл прежние чудачества, тихо жил в своем поместье. Но однажды ему вдруг стало плохо. Мучается барин, ночей не спит, будто кто-то его сердце гложет. Лучших докторов позвали к нему. Обнаружили они у него нарыв в груди, а оперировать не решились, боялись сердце задеть. Прописали ему разные лекарства, он принимает их, а легче не становится, извелся весь.

Как-то утром экономка зашла наказ от барина получить — что кому делать. Видит, совсем плох господин стал. И молвит она ему:

— Слышала я, батюшка, в соседнем уезде знаменитая лекарка Лукерья живет. Она от всех болезней лечит, всем помогает. Послал бы ты за ней.

— Скажешь тоже,— с досадой проговорил барин.— Тут вон доктора не помогли, а ты на темную бабу надеешься.

Но, подумав, добавил:

— Чем черт не шутит. Так и быть, пошли за ней.

Не мешкая, запрягли тройку, наказали кучеру непременно привести ту знахарку, иначе помрет барин.

На третье утро вернулся кучер и знахарку привез. Вошла она важно и смело, словно всю жизнь только господ лечила. Разделась, поправила кофту на полной груди и велела к больному вести. Не признал ее барин. Высокая, дородная женщина никак не походила на ту худую вдову, которую он в шутку учил лечить людей.

Подошла знахарка к барину, перекрестилась, спросила:

— Где болит, барин?

Он показал на грудь. Нагнулась она над ним и что-то стала шептать. Как ни тихо говорила она, барин вдруг услышал знакомые слова:

— Бежит речка, через речку мост, на мосту овечка, у овечки хвост. На хвосте мочало, начинай сначала.

А потом лекарка дунула и плюнула.

Вспомнил барин, как он учил когда-то этим словам вдову в заброшенной деревушке. Смешно ему стало, да так смешно, что он и про боль забыл. Невмоготу ему смех удержать, и лекарку обидеть не хочется. Вот до чего довела его собственная шутка, сам в дураках остался. Крепился он, крепился, даже покраснел от натуги, но не выдержал — громко расхохотался, да так, что вдова перепугалась. Стоит она ни жива, ни мертва, гнева баринова боится.

Долго смеялся барин, даже пот на лбу выступил, а когда успокоился, вдруг почувствовал, что на сердце и в груди у него легко. Видимо, нарыв прорвался от натуги. Обрадовался барин, не стал напоминать лекарке о своем знакомстве, а только сказал:

— Ты настоящий доктор!

Позвал экономку и сказал ей:

— Напои и накорми ее хорошенько, выдай четвертную, да пусть запрягут лучшую тройку и с почетом домой отвезут.

А лекарке сказал:

— Спасибо тебе. Мне и вправду легче стало. Так и лечи...

СОВРЕМЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Утро началось, как обычно. Пожилая санитарка тетя Паша уже хлопотала около ванн, шум льющейся воды монотонно отдавался в коридорах, пахло банной сыростью. В вестибюле ожидали первые пациентки. Ровно в восемь утра появилась процедурная сестра физиотерапевтического отделения курорта Нина Ивановна.

— Все готово, тетя Паша?

— Угу,— послышалось в ответ.

— Кто первый, входите! — пригласила сестра и разложила на столе лечебные карты курортников.

Спросив фамилию, Нина Ивановна быстро находила карту и тут же командовала:

— Пройдите в первую кабину. Тетя Паша, десять минут!

— Пожалуйста, во вторую кабину. Вам сегодня пятнадцать минут.

Раз она подняла на пациентку свои крашеные ресницы и колко спросила:

— А вам не много — двадцать минут? Нет? Тогда пройдите в шестую кабину.

И тут же крикнула:

— Тетя Паша, проследите!

Все шло, как в заведенном механизме. Нина Ивановна вызывала очередную больную, делала отметку в карте и передавала пациентку на попечение тети Паши.

И вдруг сестра увидела перед собой обеспокоенную санитарку.

— Что случилось?

— Тридцать минут лежит, а ей положено двадцать. Говорю ей, а она не желает выйти,— взволнованно ответила санитарка.

Шлепая тапочками, Нина Ивановна подошла к кабине, открыла дверь и как можно серьезнее и спокойнее спросила:

— Больная, вы почему нарушаете предписание врача?

— А я не нарушаю. Сеанс еще не окончен.

— Какой сеанс?

— Ну, процедура по-вашему.

— Я прошу вас сейчас же покинуть ванну, вам это вредно.

— И не подумаю.

— Тогда я позову врача.

— Кого хотите, хоть директора санатория.

Возмущенная и раздосадованная Нина Ивановна, вздернув носик, хлопнула дверью и пошла к врачу.

Врач Петрова, приветливо кивая головой ожидающим, подошла к санитарке.

— Здравствуйте, Прасковья Никитична! Что у вас случилось?

— Время истекло, а больная не желает выйти из ванны, сама еще раз перевернула песочные часы и лежит. Говорит, что не уйдет, пока вода не впитается.— Последние слова санитарка сказала почти шепотом и чуть повертела пальцем около своего виска, давая понять, что сомневается, в своем ли уме эта пациентка.

— Больная, ваше время истекло. Почему вы нарушаете порядок?

— Нет, не истекло,— категорически заявила женщина в ванне.

— Если вы будете сами переворачивать часы, они обманут вас, и вы можете умереть в ванне.

— Почему же позавчера все было так хорошо и быстро?

— Я не понимаю вас, больная. Разберемся. Но как врач я приказываю вам покинуть ванну.

Раздался плеск воды, шлепанье босых ног и недовольный голос:

— Как же так? Я принимала позавчера первую ванну вот здесь рядом. Меня обслуживала молодая санитарка, худенькая такая, в платочке. Подождите, как же ее звали? Нет, не припомню. Не пролежала я в ванне и пяти минут, еще и половины песка не просыпалось, а вся вода впиталась. После этого я хорошо спала, все время прекрасно чувствовала.

— Как впиталась? О чем вы говорите? — начиная терять терпение, спросила доктор.

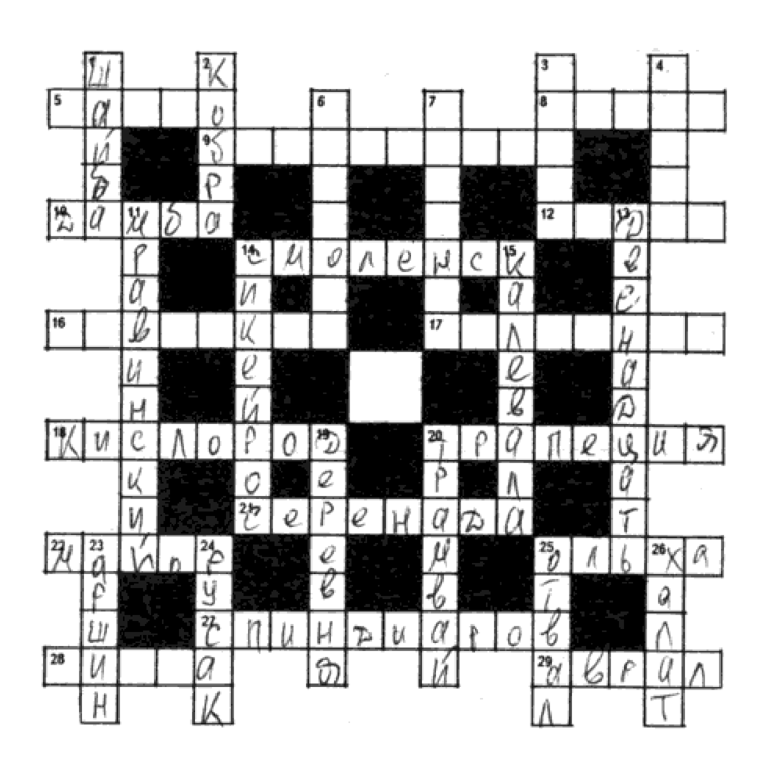
— Я говорю о родоне. Он позавчера весь впитался, а сегодня лежу без толку. А тут еще вы на моих нервах играете.

На несколько секунд Петрова онемела. Но тут же спокойно и с улыбкой ответила больной:

— Вы напрасно нервничаете, голубушка. Родон не впитывается. Позавчера он вытек из-за небрежности санитарки, готовившей ванну. Мы эту позавчерашнюю ванну вам компенсируем, а сейчас очень прошу одеться и идти отдохнуть. И, пожалуйста, берегитесь.

Подчиняясь врачу, женщина вышла из ванны. В глазах ее, во всех движениях были видны испуг, досада и недоумение: как же так, если родон не впитался, а вытек, то чем объяснить прекрасное самочувствие, давно забытую бодрость, хороший аппетит и отличный сон?..

Об этом же думала и доктор Петрова. В конце рабочего дня в своем блокноте она сделала запись: «На конференции: поговорить о санитарках ванного отделения, отдельно о сестре Н. И. Выяснить: так ли нужны длительные процедуры? Случай с больной С. Заведомый обман или самовнушение?»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Герой новгородской былины, гусляр и певец. 8. Гриб. 9. Курорт в Алтайском крае. 10. Гидротехническое сооружение. 12. Птица отряда рябков. 14. Областной центр в РСФСР. 16. Плотная ткань. 17. Обломанные ветром, бурей сучья. 18. Химический элемент. 20. Гимнастический снаряд. 21. Жанр камерной музыки. 22. Воинское звание. 25. Лиственное дерево. 27. Автор оперы «Алмаст». 28. Промысловая рыба семейства тресковых. 29. Работа на корабле всей командой.

По вертикали: 1. Резьбовая деталь. 2. Очковая змея. 3. Приток Куры. 4. Раствор для окрашивания фотографических изображений. 6. Органическое удобрение. 7. Персонаж комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». 11. Советский дирижер, народный артист СССР. 13. Поэма А. А. Блока. 14. Современный мексиканский живописец. 15. Карело-финский эпос. 19. Крестьянское селение. 20. Городской транспорт. 23. Старинная русская мера длины. 24. Заяц. 25. Часть плуга. 26 Домашняя одежда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 4. Баскетбол. 7. Янтарь. 8. Маморе. 10. Маховик. 12. «Вульба». 14. Арагац. 16. Прага. 19. Стереотип. 20. Успенский. 21. Инвар. 23. Ягдташ. 26. «Казаки». 28. Теплота. 29. Иматра. 30. Зарема. 31. Шампиньон.

По вертикали: 1. Бахрома. 2. Метафора. 3. Мозаика. 5. Штиль. 6. Кобза. 9. Пустельга. 11. Галактика. 13. Бородка. 15. Розетта. 17. Репин. 18. Груша. 22. Валенсия. 24 Томат. 25 Штурман. 26. Качалов. 27. Запев.

На первой странице обложки: — С новым хлебом, товарищи! — говорят пекари кубанского города Усть-Лабинска (см. в номере очерк Н. Быкова «Новый хлеб»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Пруд в усадьбе «Тригорское», Пушкинский заповедник.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем—253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/VI-70 г. А 00410. Подп. к печ. 15/VII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1372. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1828

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Удочка напрокат

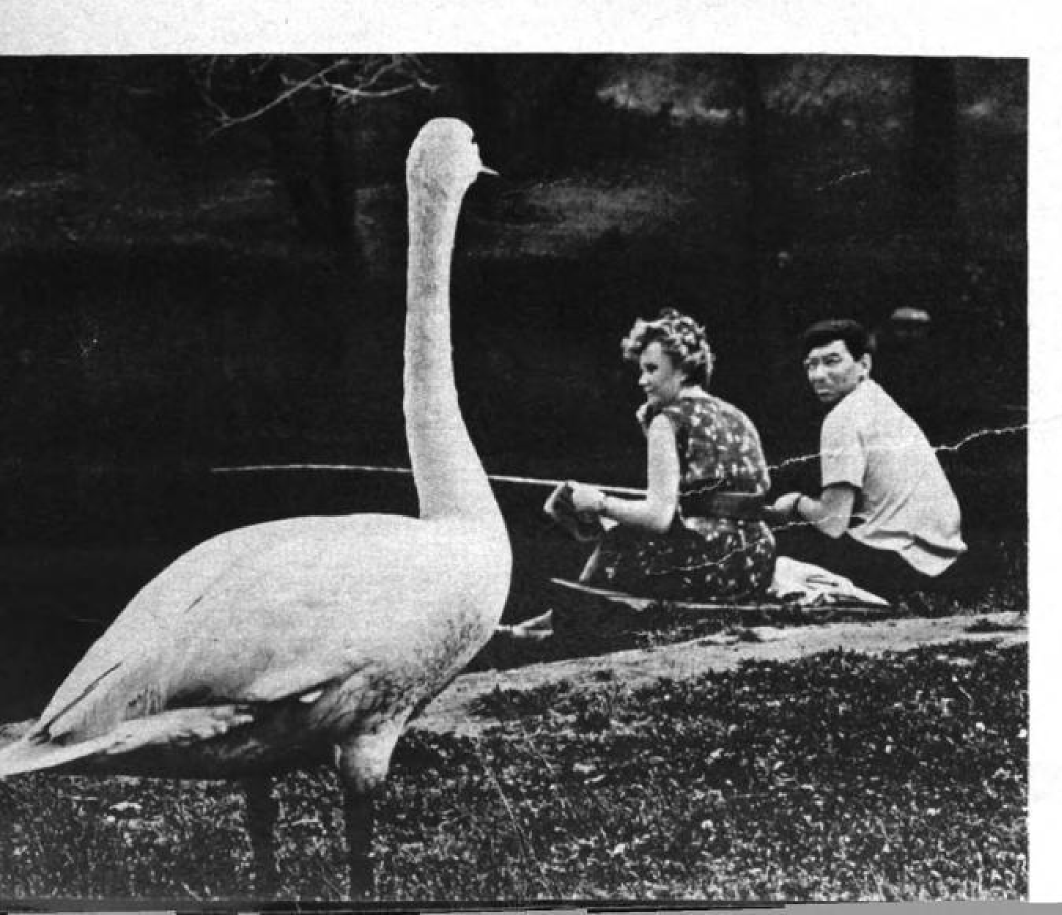
Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Неистребим оптимизм рыболова! Кому не случалось видеть человека с удочкой у какого-нибудь городского водоема, где рыбы заведомо быть не может? А уж если есть хоть малейший шанс подцепить на крючок, скажем, окунька или подлещика, то будьте уверены — не найдете среди рыболовов ни одного, кто бы шансом этим пренебрег. А тут — рыба с гарантией! На Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства выделен для любителей рыбной ловли целый пруд, большой и живописный. Желтый домик на его берегу никакой вывески не имеет, но зовут его все «дом рыбака». Здесь вы можете взять напрокат удочку и устроиться на одной из скамеечек, для вас специально предусмотренных, у самой воды. И имейте только терпение — рыба есть, ее время от времени привозят в больших цистернах и пускают в пруд. Ловите на здоровье, но, чур, не больше трех кило!

Потому-то и приходят сюда не рыбаки-добытчики, а рыболовы-любители, народ раздумчивый, готовый провести целый день наедине с поплавком. Есть тут и свои ветераны, и новички, и приезжие-«разовики». Однако знакомства и дружба завязываются быстро, ведь «рыбак рыбака видит издалека».

Ну и гусь!

Наедине с поплавком...

Взяли в кольцо...

В погоне за «валом».

Ветеран.

Семейная идиллия.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.